

Богословско-историческая коллекция
Духовные школы и духовное просвещение

Карпук Д.А.,
кандидат богословия

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ.
ВЕХИ ИСТОРИИ**

[Эл. издание. М., СПб., 2013]

© Карпук Д.А., 2013
© Учебный комитет РПЦ (www.uchkom.ru), 2013
© Санкт-Петербургская православная духовная академия (<http://spbda.ru>), 2013
© Издательство «Аксион эстин» (www.axion-estin.ru), 2013

Учебный комитет
РПЦ

Санкт-Петербургская православная
духовная академия

Аксион эстин

Москва, Киев, Санкт-Петербург
2013

Карпук
Дмитрий Андреевич

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ. **ВЕХИ ИСТОРИИ**

Духовная школа в Санкт-Петербурге, впрочем, как и сам город на Неве, возникла благодаря преобразовательной деятельности императора Петра I¹. Вплоть до начала XVIII века в России так и не сложилась система богословского образования. Хотя духовные школы уже действовали в Москве, Киеве и некоторых других городах. Испокон веков богословское образование на Руси распространялось чаще всего «келейным образом», в монастырях, на приходах – от отца к сыну, и представляло собой элементарное школьное обучение, «состоявшее в обучении чтению, пению и письму»². Необходимости в систематическом богословском образовании не было вплоть до XVI века, когда Киевская митрополия столкнулась с католической и протестантской пропагандой.

Насущная необходимость защищать Православную веру привела к возникновению братских школ, наиболее известными из которых стали Львовская и Виленская³. В 1615 г. было учреждено Киевское братство и школа. Именно последней суждено было в 30-е гг. того же XVII столетия под непосредственным руководством митрополита Петра (Могилы) быть преобразованной в Киево-Могилянскую коллегию. Именно эта школа в скором времени стала одним из передовых славянских учебных заведений в XVII веке.

Влияние киевской школы на русских книжников особенно во второй половине XVII столетия было огромным. Опасность новой системы образования, строившейся по образцу западно-европейских иезуитских школ, заключалась в том, что вместе с латинским языком преподаватели, а вместе с ними и ученики впитывали схоластическо-латинскую мысль и католические воззрения. Однако в России в это же время были сильны и грекофильские тенденции, направленные на учреждение школ, главным языком в которых должен был быть греческий, язык Нового Завета, язык восточных Отцов Церкви⁴.

Московия второй половины XVII века, таким образом, стала ареной для борьбы во многом противоположных течений, традиций и взглядов. Один из исследователей XIX века, Е.М.Прилежаев, в своем очерке, посвященном духовному образованию XVII века⁵, яркими красками рисовал противостояние двух школьных традиций, которые определялись им как национально-православное и «латиномудренное»⁶. Однозначно осуждая схоластический уклон Киево-Могилянской академии, которая, по мнению автора, стала «слепком с католическо-иезуитских коллегимов»⁷, Е.М. Прилежаев утверждал, что Русь во второй половине столетия, не принимая окончательно ни один из существующих вариантов, пыталась выработать свой особенный тип церковно-школьной системы, чтобы ни в чем не уступать европейским университетам, но при этом остаться в русле православной традиции.

Учреждение в 1685-1687 гг. Славяно-греко-латинской академии в Москве братьями Иоанникием и Софронием Лихудами стало большим достижением в сфере отечественного духовного образования. Однако целый ряд проблем не дали возможности воспользоваться этим достижением в полной мере и уже спустя десятилетие, т.е. к началу XVIII века, эта столичная школа пришла в некоторое запустение.

После известных событий, связанных с распространением хлебопоклоннической ереси и собором 1690 г., многие ученые-малороссы были изгнаны из России. Однако уже спустя десятилетие по инициативе правящего монарха ситуация изменилась коренным образом. Многие выходцы из Малороссии назначались на ключевые русские кафедры, определялись настоятелями наиболее крупных монастырей. В 1701 г. митрополиту Рязанскому Стефану (Яворскому) было поручено управление Московской академией, для которой это назначение не прошло бесследно. В школу, реформированную по образцу протестантской коллегии, были приглашены киевские преподаватели, начали устанавливать порядки Киевской академии, преподавание вводилось именно на латинском языке⁸. Это стало примером для других архиереев из числа малороссов, выпускников

Киевской коллегии. В 1700 г. епископ Черниговский Иоанн (Максимович) открыл школу в Чернигове, в 1702 г. митрополит Ростовский Димитрий (Туптало) – в Ростове, в 1703 г. митрополит Сибирский Филофей (Лещинский) – в Тобольске, в 1715 г. митрополит Смоленский Дорофей (Коротков) – в Смоленске⁹. Представителем другой школьной традиции стал великоросс митрополит Новгородский Иов, который в 1706 г. в Новгороде организовал славяно-греческую школу с помощью братьев Лихудов.

Впрочем, как организация, так и собственно деятельность новоучрежденных школ была сопряжена с целым рядом трудностей самого разного свойства и характера. Не всегда хватало помещений для проживания и занятий, очень болезненным был вопрос о преподавательских кадрах. Ко всему прочему необходимо упомянуть о проблеме набора учащихся.

Темпы учреждения и развития школ в разных епархиях в начале XVIII века оставляли желать лучшего. Правительство же было заинтересовано в ускорении темпа народного образования. В результате, в 1714 и 1716 гг. вышли Высочайшие указы об учреждении при архиерейских домах и наиболее крупных монастырях так называемых «цифирных» школ, в которых должны были получать общее образование дети разных сословий. «Цифирными они названы были потому, что в составе их элементарного курса, по странной прихоти законодателя, на первом плане поставлено было обучение «цифири и некоторой части геометрии» (циркульным приемам, тригонометрии плоской, тангенсам). Учителями назначались в них ученики навигационных школ, которых и велено для этого отправить по два в каждую губернию. Наука цифирная объявлена до того обязательною, что юношам, не получившим от учителей свидетельства об окончании цифирного курса, не велено было давать венечных памятей, т.е. разрешения на брак»¹⁰.

Однако решающим шагом в деле развития системы духовного образования стало именно учреждение Св. Синода и издание Духовного Регламента, законодательного акта, главного юридического документа, определявшего правовой статус Церкви в России в синодальный период вплоть до 1917 г.¹¹

Согласно регламенту, духовная школа объявлялась общеобязательной для всех будущих священнослужителей. Школьные помещения должны были располагаться при архиерейских домах, а сами архиереи призваны были уделять этому направлению самое пристальное внимание. Именно архиереи должны были не только изыскивать материальные ресурсы для содержания школы, но и заниматься поиском самих преподавателей. Феофан Прокопович, автор «Духовного регламента», подробно останавливается и на внутреннем устройстве предполагаемых духовных училищ. Рассматривались вопросы о том, какие дисциплины необходимо преподавать, какими учебниками пользоваться, как устраивать досуг учащихся, какие меры воспитания и контроля применять и т.д.

«Училищные пункты» регламента были продиктованы насущной необходимостью и стали, действительно, большим шагом вперед. Однако среди самого духовенства такие меры, направленные на создание и улучшение духовных училищ, встречали чаще всего непонимание и, более того, сопротивление. Ученики, дети священнослужителей, очень часто убегали из духовных семинарий, а родители их принимали и прятали. Уже в августе 1721 г. Св. Синод вынужден был издать указ о том, что священники не должны укрывать своих детей и сами обязаны отдавать их на учебу. Нарушителям этого постановления грозил запрет в священнослужении¹². Однако, несмотря на этот указ и другие меры, предпринимаемые правительством, в среде духовенства на протяжении достаточно длительного времени было довольно много противников обязательного школьного образования. «Нужды в этом образовании, которого не знали ни отцы, ни деды, благополучно служившие при церквях и без него, не понимали, видели в нем только потерю времени и лишние тяготы. ...Нужно стало лет с 10 или 13 ехать в епархиальный город, с чувствительными издержками, далеко от семьи, менять свободную жизнь у себя в деревне на монастырское заключение в школе, на жизнь, стесненную с утра до вечера

формами, на глазах строгих префектов с лозами в руках, кроме того учиться там какой-то новой науке, латинской, едва ли даже не еретической»¹³.

Таким образом, многие священнослужители представляли школы местом мучения, а потому отдавали туда своих любимых чад с величайшей скорбью. Многовековой уклад невозможно было изменить в одночасье. Выстраивание системы богословского образования требовало времени и больших трудов. В сложившейся ситуации, Санкт-Петербург, как столица и центр объявленных духовно-образовательных инициатив, должен был стать флагманом и образцом для других епархий. Действительно, уже в 1721 г. здесь были учреждены сразу две начальные школы – в Александро-Невском монастыре и при архиерейском доме епископа Феофана (Прокоповича) на речке Карповке. Однако начальные образовательные школы должны были стать только первой ступенью в новоустройваемой системе образования. Главная же задумка реформаторов сводилась к гораздо более масштабному проекту.

Предполагалось, что в Петербурге будет открыта именно духовная академия – Петергартен¹⁴. В 1721 г. даже было определено место для будущего высшего учебного богословского заведения – дом кунсткамеры на берегу Невы напротив Охты. Предполагалось принимать детей не старше 10 лет. Учителей должны были приглашать ни каких-нибудь, а наиболее известных профессоров из западных университетов. Постройка здания началась в 1722 г., но была остановлена из-за недостатка денег. В 1722 г. для академии было предоставлено уже построенное здание – дом умершей царевны Екатерины Алексеевны. В августе 1724 г. Св. Синод уже даже обратился к императору с просьбой выделить деньги на содержание учеников, учителей и прислуги. Однако, к сожалению, дело затянулось до смерти Петра, а при его приемниках совсем угасло. Предоставленный дом постепенно приходил в полный упадок, ремонты никто не собирался проводить. «Пока еще можно в нем жить, он употреблялся на жительство разных лиц; одно время была в нем Артиллерийская школа; потом в нем жили придворные птичьи охотники. Наконец, в 1743 г. Св. Синод совсем отказался от него за его негодностью, после чего им овладела полиция и распилила его на дрова»¹⁵.

Что же касается школы архиепископа Феофана (Прокоповича), то она уже с первых лет вышла на весьма приличный уровень. Учебное заведение было открыто для бедных детей всякого звания. Преподавались закон Божий, русский, латинский и греческий языки, грамматика, риторика, логика, римские древности, арифметика, геометрия, география, история и рисование. Среди преподавателей были известный датчанин Адам Селлий (с 1722 по 1725 гг.), а также профессор Академии наук Теофил Зигфрид Байер и Георгий Фридрих Федорович.

Для своей семинарии владыка Феофан составил специальную инструкцию «что надлежит делать ученикам по дням и часам»¹⁶. Для развлечения и отдыха учеников организовывались занятия по вокальной и инструментальной музыке, устраивались сценические представления. Для совершенствования в науках архиепископ Феофан посылал своих учеников в гимназию при Академии наук. «Архиепископ Феофан пытался дать своим ученикам разносторонне образование с тем, чтобы расширить их кругозор. Он пытался воспитать в студентах критический взгляд на науку и жизнь. Развить в них самостоятельность мышления настолько, чтобы еще в школе они проверяли слова учителя по источникам из которых были взяты сведения»¹⁷. Всего в семинарии, за время ее пятнадцатилетнего существования с 1721 по 1736гг., обучалось до 160 юношей.

Семинария на Карповке была гораздо богаче и считалась престижной Славянской школы, однако «все образование было проникнуто протестантским духом»¹⁸. Именно в том числе по этой причине в скором времени после смерти архиепископа Феофана школа была закрыта. Многие ее воспитанники вернулись домой, некоторые же для продолжения своего образования перешли в Александро-Невскую семинарию, которая в момент своего учреждения была гораздо более слабым учебным заведением.

Но именно этому небольшому зернышку, несмотря на многочисленные испытания в первые годы своего существования, суждено было в дальнейшем прорасти в пышное дерево с многочисленными плодами. Именно Александро-Невская славянская школа, основанная в 1721 г., стала началом и фундаментом настоящей Санкт-Петербургской Православной духовной академии.

В истории Санкт-Петербургских духовных школ можно выделить три основных периода:

- 1) период с момента основания до реформы в начале XIX века (1721-1808);
- 2) период с 1809 по 1918 гг. и
- 3) период с 1946 г. по настоящее время.

В 2010-2011 учебном году в Санкт-Петербургских духовных школах начался переход на Болонскую систему. Скорее всего, спустя некоторое время это позволит будущим историкам академии обозначить этот год началом нового – четвертого – периода в истории богословской школы на Неве. Каждый из обозначенных периодов также можно, в свою очередь, разделить еще на несколько небольших этапов.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ ШКОЛА В XVIII ВЕКЕ (1721-1808ГГ.).

История Санкт-Петербургских духовных школ в XVIII веке разделяется на четыре периода:

- 1) Александро-Невская славянская школа – 1721-1726 гг.;
- 2) Александро-Невская славяно-греко-латинская семинария – 1726-1788 гг.;
- 3) Александро-Невская главная семинария – 1788-1797 гг.;
- 4) Александро-Невская академия – 1797-1808 гг.

Александро-Невская славянская школа (1721-1726). В 1721г. архиепископ Феодосий (Яновский) открыл славянскую школу при Александро-Невском монастыре. Указ об открытии нового учебного заведения вышел 11 июля. В нем, в частности, указывалось: «учредить в общую пользу при Александро-Невском монастыре, для обучения юных детей чтению и писанию, Словенскую школу, в которой как того монастыря служительских детей, так и сирот, не имеющих родителей и своего пропитания и посторонних, кто кого отдать похочет, принимая от 5 до 13 лет, учить словенского чтения и писания по новопечатным букварям... И содержать ту школу из обыкновенных того монастыря доходов»¹⁹.

На первоначальном этапе славянская школа совсем не походила на духовную семинарию, а представляла собой элементарную начальную школу. Первым и единственным учителем грамматики на протяжении нескольких лет был Иродион Тихонов, воспитанник Новгородской славяно-греческой школы, прибывший в Петербург 2 июля 1721г.²⁰ Среди первых воспитанников Славянской школы были дети монастырских слуг, служителей, мастеровых, крестьян и солдат.

Количество учащихся постепенно увеличилось, и один учитель уже не справлялся. Поэтому в августе 1723г., по распоряжению архиепископа Феодосия, из той же новгородской семинарии был вызван Андрей Тишин, который преподавал грамматику и греческий язык²¹. Однако вследствие того, что возникли проблемы с выплатой жалованья, Тишин в феврале 1724 г. покинул славянскую школу²².

В Александро-Невской школе первоначально изучали азбуку, письмо, арифметику, грамматику, слушали толкование Десятословия, молитвы Господней и Евангельских блаженств. Кроме того, студенты должны были заниматься музыкой и живописью. Для этого из города отдельно приглашались специалисты. Учебным пособием был букварь, составленный архиепископом Феофаном (Прокоповичем), «Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги, также: краткое толкование законного десятословия, молитвы

Господней, символа веры и девяти блаженств»²³. Использовались также «Грамматика Максимовская, Грамматика Мелетиева, Лексикон трезычный, Лексикон Славенский, Новый Завет, Православное Исповедание»²⁴. Кроме того, классическими учебниками продолжали оставаться такие богослужебные книги, как Часослов и Псалтырь.

Первоначально для приема и выпуска воспитанников не было установлено определенных сроков. Поступали в разное время. Выпускались только те воспитанники, которые прошли полный курс грамматики и арифметики. Родителям было запрещено забирать своих детей до тех пор, пока они не завершат полный курс обучения²⁵.

В 1721 г. в славянскую школу поступило 26 человек: из них 17 – на своем и 9 – на монастырском содержании. В 1722г. общее число воспитанников возросло до 53, в 1723г. – до 62: из них на монастырском содержании было уже 45 человек; в 1725 г. общее количество учащихся составило 82 человека. При этом детей священнослужителей было немного. Значительная часть учащихся являлись выходцами из других сословий²⁶. Такая ситуация, когда светских учащихся было больше, чем духовных, была следствием взглядов императора, считавшего, что «для излишка огромных церковных доходов самое лучшее употребление будет, если на счет их заводить школы образования народа и хороших слуг для государства»²⁷. Св. Синод пытался выступить против такого отношения, и в первый же год после смерти царя-реформатора в славянской школе все светские ученики были переведены с монастырского на свое содержание, а многие и вообще вынуждены были покинуть учебное заведение²⁸.

В славянской школе в это время обучались и иностранцы: араб Абрам, индеец и крещеный калмык Иван Кондаков. На последнего церковным начальством возлагались большие надежды, как на будущего миссионера среди своих соотечественников²⁹. Однако И.Кондаков не оправдал возлагаемых на него надежд, «понеже непонятен и ленив, не имеет к учению склонности и прилежного усердия»³⁰.

Таким образом, первые годы существования славянской школы были сопряжены с целым рядом трудностей. Однако училище развивалось, число учащихся возрастало. В скором времени не мог не возникнуть вопрос о дальнейшем развитии начального духовного учебного заведения в Санкт-Петербурге.

Александро-Невская славяно-греко-латинская семинария (1726-1788). В 1726 г. славянская школа была преобразована в Александро-Невскую славяно-греко-латинскую семинарию.

По Высочайшему повелению императрицы Екатерины I в Александро-Невской школе должно было быть введено преподавание греческого и латинского языков, для преподавания которых был приглашен Афанасий Складя, грек из Кефалонии. Прослужив, согласно договору, 3 года – с 1726 по 1729гг. – Афанасий Складя оставил семинарию. На такой же период приходится деятельность префекта Ивана Соснина, который преподавал геометрию и арифметику.

Инициатором этих приглашений и душой всех вообще преобразований в семинарии был архимандрит Александро-Невского монастыря Петр (Смелич). Это и не удивительно. Семинария размещалась на территории обители, находилась на ее содержании и поэтому все заботы о школе, в том числе и о поиске учителей, ложились на настоятеля монастыря.

Дальнейшее преобразование семинарии происходило постепенно в течение двух десятилетий. На протяжении этого времени процесс обучения то улучшался, то ухудшался. Так, в 1729г. все учителя оставили семинарию, и такое положение дел продолжалось вплоть до 1733г. На протяжении этих долгосрочных каникул учащиеся занимались канцелярскими делами, выполняли различные монастырские послушания, вспоминая под руководством подьячих уроки грамматики и арифметики.

Ситуация изменилась в 1734 г., когда в семинарию был приглашен датчанин Адам Селлия, который преподавал латинский язык и управлял школой до 1737г. Элементарное преподавание – русское чтение и письмо, арифметику и пение – поручалось преподавать

старшим воспитанникам.

Число учащихся в разное время было неодинаковым: в 1725 г. насчитывался 81 воспитанник, в 1735 г. – 35; в 1739 г. – 88; в 1741 г. – 108; в 1744 г. – 74; в 1762 г. – 73. В составе учащихся были дети священно- и церковнослужителей, разночинцев и монастырских служителей. Уровень учащихся, как в духовном, так и в интеллектуальном плане существенно различался, по той простой причине, что набор воспитанников производился из разных сословий.

В начале 1736г. архимандрит Петр был посвящен в епископа Белгородского. Его приемник архимандрит Стефан (Калиновский) (1733-1739), бывший ректор Московской духовной академии пригласил в школу новых учителей: бывших студентов МДА Григория Феодоровича Кременецкого и Андрея Степановича Зертис-Каменского. Именно эти молодые ученые дали прочное устройство Александро-Невской семинарии, завели новый порядок. Они начали курсы с новым составом учащихся и преподавали у них до самого выпуска. Курс преподаваемых наук стал систематическим. С 1743 г. был открыт высший богословский класс. Сам учебный процесс организовывался по образцу Киевской духовной академии.

В 1743 г. была учреждена должность ректора. До этого времени обязанности ректора исполнял настоятель монастыря. С 1743 г. и вплоть до преобразования школы в 1788 г. пост ректора в Александро-Невской семинарии поочередно занимали иеромонах Гавриил (Зертис-Каменский), иеродиакон Никодим (Пученков), иеромонах Сильвестр (Страгородский), архимандриты Исаия (Германовский), Вениамин (Румовский-Краснопевков), Иоанникий (Орловский), Вениамин (Багрянский) и Иннокентий (Полянский).

Наставники семинарии занимались не только преподавательской, но научной и издательской деятельностью. Так, трудами ректора иеродиакона Никодима (Пученкова) и архимандрита Иоасафа (Маткевича), ректора Новгородской духовной семинарии, были подготовлены переиздания житий святых святителя Димитрия Ростовского и патерика Киево-Печерского монастыря.

Учебный процесс был построен таким образом, что во вторник, четверг и субботу ученики приходили утром к литургии, а затем после обеда обучались нотному пению. Ученики классов философии и риторики каждую субботу в присутствии ректора, учителей и своих сверстников с кафедры читали русские и латинские речи. Большое внимание уделялось церковному ораторскому искусству, когда не только преподаватели, но и студенты должны были говорить проповеди по воскресеньям и праздничным дням в храмах Александро-Невского монастыря.

По распоряжению начальства или по собственному желанию многие выпускники духовной школы поступали также в другие высшие и средние учебные заведения. По Регламенту Академии наук в 1747 г. при академии был учрежден университет, в первый набор которого предполагалось собрать 30 студентов из воспитанников Московской духовной академии, Александро-Невской и Новгородской семинарий. Всего для Академии наук из Александро-Невской семинарии, в конечном счете, было избрано 10 человек из богословского, риторического и пиитического классов. Некоторые из них в дальнейшем приобрели известность в ученом мире. Так, С.Я. Разумовский, поступил в университет из риторического класса. После окончания курса был адъюнкт-профессором Академии наук. Для усовершенствования в знаниях по математике был послан в Берлин. Еще один воспитанник семинарии И.Барков стал переводчиком при Академии наук.

В 1762г. Коллегия Иностранных дел представила Сенату предложение: избрать учеников из Александро-Невской семинарии для изучения китайского и маньчжурского языков, чтобы впоследствии иметь хороших переводчиков. По собственному желанию в Коллегию поступили два воспитанника: из пиитического класса – И. Коркин и из грамматического – И. Полянский.

В 1765г. по предложению обер-прокурора Св. Синода И.И.Мелисина некоторые

студенты из Александро-Невской и других семинарий были отправлены для обучения за границу – в Кембриджский и Оксфордский университеты (Англия), Геттинген (Германия).

Кроме того, из числа учителей и студентов Александро-Невской семинарии многие поступали священниками к церквам заграничных миссий.

Александро-Невская Главная семинария (1788-1797гг.). В 1782-1786 гг. правительство императрицы Екатерины II выработало план реформы народного просвещения, согласно которому во всех губерниях Российской империи учреждались народные училища – главные и малые. Главные училища должны были учреждаться в каждом губернском городе, малые – по необходимости и возможности в малых городах.

Сообразно с реформой народных училищ митрополит Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) ходатайствовал о преобразовании Александро-Невской семинарии в Главную семинарию для Санкт-Петербургской и Новгородской епархии.

Этому ходатайству одного из выдающихся архиереев второй половины XVIII века предшествовали безуспешные усилия священноначалия провести реформу духовного образования для качественного улучшения русских богословских школ. На протяжении 60-х – 70-х гг. XVIII века предпринимались неоднократные попытки осуществить реформу, составлялись проекты, работали комиссии, однако правительство не спешило выполнять своих же обещаний. Все проблемы в этой области сводились к нескольким главным. Во-первых, наблюдался явный недостаток финансирования. После секуляризации земель в 1764 г., на духовные семинарии и школы выделялось совсем незначительная сумма. В результате эта проблема порождала другую, а именно – катастрофическую нехватку способных учителей. Для подготовки квалифицированных кадров, в свою очередь, необходима была, во-первых, высшая богословская школа, во-вторых, достойная оплата труда. Собственно говоря, в данный период, «из-за экономических соображений тормозились все проекты церковных преобразований, в том числе и учебных»³¹.

Не имея возможности провести реформу напрямую, митрополит Гавриил (Петров) решил осуществить ее несколько своеобразным способом. 23 января 1788 г. владыка обратился к императрице с представлением, согласно которому предполагалось реформирование только столичной духовной семинарии. Не надеясь уже когда-нибудь получить хорошее финансирование, митрополит предложил объединить Санкт-Петербургскую и Новгородскую духовные семинарии в одно учебное заведение. Это объединение давало одну очень большую выгоду – деньги, выделяемые на две школы, теперь причитались одной, что приводило к существенной экономии и давало возможность увеличить не только количество учеников, но и приглашать большее количество преподавателей.

«Мысль митрополита Гавриила, как видно, состояла в том, чтобы образовать из соединенной семинарии учебное заведение, если не высшее в полном смысле, то высшего типа, чем обычные епархиальные семинарии. Главная невяская семинария, во-первых, усиливала свою образовательную программу; во-вторых, улучшала постановку учебного дела; в-третьих, должна была обслуживать и другие епархии, готовя для них учителей, т.е. получала общецерковное значение. Гаврилова школа становилась в преобразованном виде собственно тем же, чем была московская академия. Она делалась вторым учебным заведением в Великороссии, обслуживающим семинарии»³².

Рескриптом 6 мая 1788 года на имя митрополита Гавриила императрица Екатерина II утвердила все его предложения. Этот проект был осуществлен не без жертв. Курс обучения в Новгородской семинарии был сокращен в два раза. Там остались только начальные классы. Эта жертва приносилась «в угоду общему принципу правительственной политики по отношению к церковным учреждениям: экономии»³³. Впоследствии, когда Санкт-Петербургские школы получили достаточное обеспечение, митрополит Гавриил в 1798 г. начал восстановление Новгородской семинарии, в которой

уже в 1800 г. существовал класс философии.

С 1788 г., согласно указу Св. Синода, в Александро-Невскую главную семинарию должны были присылать лучших учеников со всех епархиальных семинарий. Исключение было сделано для Троицкой, Черниговской и Новгород-Северской семинарий, т.к. они находились близ духовных академий. Все семинарии должны были присылать не более двух человек и закончивших как минимум риторический класс. Выпускники Главной семинарии возвращались в свои епархиальные семинарии на учительские должности.

Ректорами в Александро-Невской главной семинарии поочередно были архимандриты Иннокентий (Добровицкий) и Антоний (Знаменский). При последнем семинария была преобразована в Александро-Невскую духовную академию.

Что касается наставников, то одни из них получили образование в здешней семинарии, другие поступали в нее по приглашению митрополита Гавриила из епархиальных семинарий, училищ и светских учебных заведений. Из-за ограниченности средств оклады были небольшими и неодинаковыми. Это заставляло наставников, при открывшейся вакансии, переходить на новые кафедры, что было не полезно ни для науки, ни для заведения, ни для самих преподавателей. «Каждый вел своих учеников из класса в последующий класс и соответственно этому переходил от одной науки к другой, притом нередко в видах школьной экономии один преподавал две-три науки»³⁴.

Учителя предоставляли отчеты о предметах ректору, а ректор - митрополиту. Митрополит Гавриил сам часто присутствовал на экзаменах, утверждал разрядные списки, исключал и переводил воспитанников, сам назначал ректоров и префектов семинарии.

Наставники семинарии проводили катехизаторские беседы, а также делали переводы с иностранных языков на русский и с русского на иностранные. Некоторые преподаватели являлись сотрудниками литературных журналов, что свидетельствовало об активной научно-богословской и общественной деятельности.

Согласно сведениям историка Санкт-Петербургских духовных школ И.А.Чистовича число воспитанников колебалось от 150 до 200 человек. Однако в дальнейшем профессор Б.В.Титлинов, имея под рукой архивные материалы Санкт-Петербургской духовной семинарии, безвозвратно утерянные после 1918 г., указывает несколько другие цифры. Так, по ведомости за 1790 г. числилось 318 человек, по ведомости за 1795 г. – 393³⁵.

Прием в семинарию осуществлялся один раз в два года. Первый прием воспитанников в Главную семинарию был осуществлен в 1788 г., второй – в 1790г. Кроме того, Главную семинарию посещали также и вольнослушатели. Прием воспитанников в низшие классы проводился каждый год. Перевод из класса в класс зависел от успехов учащихся: одни доходили до риторического класса за два-три года, другие за пять лет. Курсы риторики, философии и богословия продолжались каждый по два года. Воспитанники двух высших классов – богословия и философии – назывались студентами, остальные – учениками. Лучшие из студентов назначались лекторами в низших классах. Самые любознательные студенты могли посещать лекции в Академии наук и в других высших учебных заведениях³⁶. В круг изучаемых дисциплин были введены церковная история, механика, естественная история; был открыт класс математики и опытной физики.

В это время, как и в предыдущий период, многие учащиеся и выпускники семинарии поступали в светские учебные заведения или выходили на гражданскую службу. С одной стороны, это лишний раз свидетельствовало о достаточно высоком уровне образования в духовных школах. Но с другой, наносило ощутимый ущерб для самого духовного ведомства. Так, Б.В.Титлинов, подводя итог состоянию духовного просвещения к концу царствования императрицы Екатерины II, пишет: «Число духовных учебных заведений увеличивалось сравнительно медленно, школьный бюджет рос туго; а нужда в духовно-образовательных средствах возрастала значительно быстрее. Мы не знаем, каково было общее число учащихся в семинариях в начале екатерининского

царствования; но по ведомостям 1784 г. в семинариях и училищах числилось 12664 чел., а по данным 1797 года их было 17130. Рост этот сам по себе был весьма утешителен. Но не надо забывать при этом, что огромное число учеников не доходило до высших классов. Из учащих же в высших классах обильно черпало и гражданское ведомство, так что церковная служба лишалась десятков и сотен лучших духовных питомцев. Особенно усилены сделались требования с открытием народных училищ, контингент учителей для которых формировался по преимуществу из семинаристов»³⁷.

Из числа выпускников семинарии этого периода вышло немало известных людей. Можно упомянуть, например, графа М.М. Сперанского и Экзарха Грузии архиепископа Феофилакта (Русанова). Известно, что Михаил Михайлович Сперанский и владыка Феофилакт были друзьями. Сохранилось предание, что, еще, будучи студентами, «Русанов и Сперанский бросили между собою жребий, кому из них остаться в духовенстве и кому поступить в светскую службу. Феофилакту будто бы выпал жребий быть духовным лицом»³⁸.

В выборе духовного или светского звания митрополит Гавриил предоставлял выпускникам полную свободу, но при условии, что присланные из других семинарий воспитанники должны послужить в учительской должности в Главной семинарии. После этого митрополит рукополагал воспитанника или отпускал в светское звание. «Снисходительность простиралась до того, что некоторые учителя при поступлении к должности просили митрополита назначить им более легкие предметы, для большей удобства в приискании места по гражданской службе, и митрополит Гавриил удовлетворял их»³⁹.

Алекса́ндро-Невская Академия (1797-1808гг.). В 1797г., когда Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь был переименован в Александро-Невскую Лавру, тогда же и Александро-Невская Главная семинария была преобразована в Александро-Невскую духовную академию.

В Указе императора Павла I от 18 декабря 1797г. было отмечено: «Признали Мы за благо следующее распоряжение: как просвещение и благонравие духовного чина способствует просвещению и утверждению добрых нравов и в мирских, повелеваем кроме бывших донныне духовных академий в Москве и Киеве, учредить такие духовные академии в Санкт-Петербурге при Александро-Невском монастыре, и в Казани, вместо находящихся там семинарий, снабдя их всем, соответствующим званию и для преподавания потребным»⁴⁰.

Переименование Александро-Невской семинарии в академию стало естественным продолжением реформы 1788 г., когда после преобразования в главную семинарию и усвоения ей общецерковного значения, духовная школа в Петербурге фактически стала тем же, чем являлись Московская и Киевская академии.

Св. Синод постановил посылать в академию лучших студентов, окончивших семинарский курс. В Александро-Невскую академию направлялись студенты из Новгородской, Псковской, Тверской и Могилевской семинарий. В академиях кроме общих семинарских курсов теперь преподавали полную систему философии и богословия, высшее красноречие, физику и латинский, еврейский, греческий, немецкий и французский языки⁴¹. Вообще необходимо отметить, что принципиального отличия по набору преподаваемых дисциплин между семинариями и академиями не было. Разница заключалась в том, «как они преподавались и в каком объеме»⁴².

Кроме того, митрополит Гавриил (Петров), в руки которого фактически и попало после 1797 г. управление устройством духовными школами, не желал простого переименования духовной школы. Архипастырь понимал, что теперь требовалась некая серьезная реформа всей системы образования. Невская академия, с одной стороны, должна была стать своеобразным экспериментальным местом, где бы и апробировались новые идеи. С другой стороны, в таком случае, столичная академия должна была стать образцом для других академий и семинарий, и выдвигалась тем самым на первое место в

общей системе духовно-учебных заведений. «Ее структура, штат, учебные программы и пособия должны были быть распространены на все остальные учебные заведения православной церкви»⁴³.

27 января 1798 г. Св. Синод запросил у архиереев предложения по организации Петербургской академии. Когда ответы были получены, на специальном синодальном заседании прошло обсуждение поступивших предложений и проектов по улучшению системы духовного образования. Был составлен окончательный проект под названием: «О порядке учения в духовных академиях и семинариях». В проекте выделялись три уровня учебных заведений: «высший (академия) для подготовки ученых-богословов; средний (семинарии), где готовились приходские священники; и низший (училища), дающий элементарный уровень грамотности будущим церковнослужителям»⁴⁴.

Проект предполагал расширение курса академического образования, преобразование академий в научные и учебные центры духовно-учебных округов. Однако и этой реформе не суждено было воплотиться в реальность в виду отсутствия должного финансирования. Вместо масштабных преобразований реформа вылилась в частичные улучшения образовательных программ.

При митрополите Амвросии (Подобедове) (1799-1818 гг.) в учебном процессе в Александро-Невской академии произошли некоторые изменения. Так, предметы были разделены на ординарные и экстраординарные. К первой группе относились богословие, философия, риторика, поэзия и латинский язык; ко второй – физика, математика, история, география и греческий, французский языки. Была установлена ежемесячная система опросов.

Пост ректора академии в этот период поочередно занимали архимандриты Амвросий (Протасов), Флавиан (Фласкин) и Евграф (Музалевский-Платонов). Последний в 1809г. стал первым ректором реформированной Санкт-Петербургской духовной академии.

Наставники академии помимо своей преподавательской деятельности часто выполняли различного рода особые поручения Св. Синода, рецензируя книги, составляя письменные опровержения учений русских сектантов, раскольников. Одним из известных преподавателей Александро-Невской академии в это время был специалист по русской церковной истории, будущий митрополит Киевский Евгений (Болховитинов). Кроме того, на рубеже веков в Невской главной семинарии, позже академии преподавали, среди прочих, Михаил Михайлович Сперанский, в будущем крупнейший государственный деятель; Иван Семенович Державин, впоследствии обер-священник армии и флота; Андрей, в монашестве Анатолий, Максимович, впоследствии архиепископ Симбирский; протоиерей Иван Иванович Бедринский; Иван Иванович Мартынов, директор канцелярии министерства народного просвещения; Александр Степанович Лубкин, впоследствии профессор Казанского университета; Алексей, в монашестве Амвросий, Рождественский, позже епископ Вятский; Михаил, в монашестве Августин, Сахаров, впоследствии епископ Оренбургский и др. К сожалению, состав преподавателей в тогдашних духовных школах менялся слишком часто. «Это было общее зло тогдашней духовной школы и с ним ничего не могли поделать. Каждый год почти из семинарии кто-либо уходил. И тогда совершалось передвижение учителей с нижних классов в высшие»⁴⁵.

Число воспитанников было непостоянным и менялось из года в год: в 1799г. насчитывалось 157 человек, в 1804г. – 243, в 1806г. – 242, в 1808г. – 277. До 1805г. в приеме воспитанников не было порядка. Согласно вековой традиции родители записывали детей в школу в любое время. С 1 ноября 1805г. было решено принимать студентов в сентябре.

Выпускники духовной академии распределялись наставниками в духовные училища, на церковно-приходское служение, священниками при русских иностранных миссиях и посольствах. Многие продолжали свое обучение в светских учебных

заведениях. Лучшие студенты оставались преподавателями при академии в низших классах.

Особо следует отметить, что довольно много воспитанников духовной академии поступало в преобразованную Павлом I Медико-Хирургическую академию и учительскую гимназию. Руководство Медико-Хирургической академии охотно принимало воспитанников духовных школ, т.к. имела большой недостаток в медицинских чинах и, учитывая многолетний опыт сотрудничества с духовным ведомством, надеялось найти в этих воспитанниках благонадежных и прилежных студентов. Таким образом, большинство поступающих в Медицинскую Академию были выпускниками Духовных академий и семинарий, которые впоследствии становились известными врачами, профессорами в области медицины. Из выпускников семинарий, ставших медицинскими светилами своего времени, можно отметить Д.М. Велланского, М.Мудрова, Я.К. Кайданова, С.А. Громова, И.П. Буткова, С.Г. Шпилевского⁴⁶.

Вообще на протяжении полутора столетия с петровских реформ медицина и духовное образование были связаны очень тесно. Так, в 1802г., согласно указу императора Александра I, в общий курс семинарского и академического обучения была введена медицина. Согласно синодальному постановлению, «академические и семинарские воспитанники во время обучения в училищах должны проходить практику, помогая лекарскому ученику, дабы они замечали, какие нужны лекарства для какой болезни, ибо таким образом кроме общей пользы они могут в будущем служить своим прихожанам, служить советом или наставлением и через то снискать особое доверие ко внушениям своею должностью полагаемых»⁴⁷. Более того, Св. Синод признал нужным составить в Медицинской коллегии для сельских священников руководство по элементарной медицине.

Главной задачей Санкт-Петербургских духовных школ в XVIII веке была подготовка достойных кандидатов во священство для церковно-приходского служения. Именно в этот период среди учащихся преобладающим становится священническое сословие, хотя на начальном этапе значительное число учеников являлись выходцами из разных сословий. Священноначалие выпускникам семинарии предоставляло свободу в выборе светского или духовного служения. Именно поэтому многие воспитанники семинарии продолжают свое обучение в университете при Академии наук, в медицинских и других учебных заведениях. Обучение на латинском языке, при всех своих недостатках, имело и положительные моменты. Изучая латинский язык, воспитанники семинарии знакомились с богатой классической литературой Западной Европы. Однако, несмотря на все достижения, в области духовного образования существовало достаточно много серьезных проблем.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Второй период в истории Санкт-Петербургской духовной академии начинается в 1809 г. и простирается вплоть до 1918 г. На протяжении этого чуть более столетнего отрезка в жизни академии происходили очень важные изменения. В первую очередь они были связаны с академическими уставами, которых за столетие было принято целых четыре: в 1809-1814 гг., в 1869 г., в 1884 г. и в 1910-1911 гг. Один из самых важных уставов, принятых после реформирования духовных школ в начале века, был утвержден в 1869 г. Именно этим годом лучше всего разделить вековую историю Санкт-Петербургской духовной академии в XIX в. на два практически равных периода.

Санкт-Петербургская духовная академия в первой половине XIX века (1809-1869 гг.). Вопрос о необходимости преобразования системы духовного образования был поставлен на повестку дня в самом начале царствования императора Александра I, когда осуществлялась широкомасштабная реформа светского образования. «Поначалу на стадии обсуждения желаемых результатов реформы речь шла о ликвидации сословной духовной

школы и о создании вместо нее богословских факультетов при университетах. Подразумевалось, что в России будет четыре православно-учебных округа с богословскими факультетами при Московском, Казанском, Харьковском университетах и Петербургском педагогическом институте»⁴⁸.

Вполне очевидно, что духовенство Русской Православной Церкви не могло не выступить против такого отделения духовного образования от церковной системы. Подготовка будущих священнослужителей должна была проходить под непосредственным наблюдением священноначалия, а не под контролем автономного университетского руководства. В итоге, духовная школа была сохранена в рамках церковной организации.

Активное участие в деле преобразования духовной школы в начале XIX столетия приняли митрополит Амвросий (Подобедов) и епископ, впоследствии митрополит, Евгений (Болховитинов).

После подготовительной работы, 29 ноября 1807 г., согласно императорскому указу, был учрежден Комитет об усовершенствовании духовных училищ. В его состав вошли митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов), епископ Калужский Феофилакт (Русанов), духовник императора протопресвитер Сергей Федорович Краснопевков, обер-священник Иван Семенович Державин. Из светских чиновников в состав Комитета вошли обер-прокурор Св. Синода князь Александр Николаевич Голицын и государственный секретарь Михаил Михайлович Сперанский.

Обратившись к анализу исторического прошлого духовных школ со всей очевидностью было засвидетельствовано, что состояние дел в этой сфере, несмотря на разного рода преобразования на протяжении всего XVIII в., оставалось крайне неудовлетворительным. Недостатки системы духовного образования были многочисленны и состояли «в отсутствии общего высшего надзора над ними и руководительного начала в форме общего устава; в неимении учителей, даже и при тогдашнем незначительном количестве училищ; в неопределенности и смешанности курсов; в недостатке положительных знаний, исключительном господстве латыни, преобладании формализма и схоластики в обучении, без надлежащего приложения науки к жизненным потребностям и запросам; в особенности же в материальной необеспеченности»⁴⁹.

Учитывая все недостатки, а также условия самого времени эпохи императора Александра I, было принято решение о проведении в области духовного образования реформы. На первоначальном этапе «в первых проектах реформы 1808 года академии также мыслились не специально высшими, а смешанными учебными заведениями, и только при самом учреждении комитета об усовершенствовании духовных училищ решено было уничтожить эту смешанность и сделать из академий исключительно высшие духовные школы»⁵⁰.

Не без внутренних разногласий и горячих дискуссий был принят окончательный вариант, согласно которому духовные школы разделялись на четыре вида: 1) академии, 2) семинарии, 3) уездные училища и 4) приходские училища. Семинарии и училища предлагалось разделить на четыре округа, что и произошло в следующей очередности: 1) Петербургский округ был открыт в 1809 г., 2) Московский в 1814 г., 3) Киевский в 1819 г., 4) Казанский в 1842 г.

Академии должны были готовить преподавателей для духовных семинарий, а семинарии – учителей для духовных училищ. Во главе всех духовно-учебных заведений стало новоучрежденное высшее центральное учреждение при Св. Синоде – «Комиссия Духовных Училищ». Епархиальные архиереи при предложенной схеме устранились от управления семинариями и училищами.

Проект преобразования духовных школ был одобрен императором Александром I летом 1808 г. Сразу после этого Комиссия духовных училищ, высочайше утвержденная 26 июня того же года, приступила к работе и реализации проекта. Новый устав было решено

апробировать на столичной духовной школе. В течение шести лет, именно столько полагалось для учения в академии, предполагалось устраивать академию, семинарии и училища Санкт-Петербургского учебного округа.

Для внутренней организации Санкт-Петербургской академии еще в 1808 г. было образовано временное академическое правление, на которое была возложена обязанность найти профессоров и сделать набор студентов на I курс. Все эти подготовительные мероприятия были проведены с июля по ноябрь 1808 г.

Необходимо отметить, что поиском профессоров для первого академического курса занимались непосредственно члены Комиссии духовных училищ. Поиском достойной кандидатуры для богословского класса занимался митрополит Амвросий, для исторического класса – обер-священник И.С.Державин, для классов математических наук и новых языков – обер-прокурор А.Н.Голицын, для классов философских наук и древних языков – М.М.Сперанский. Вследствие проявленной заботы и трудов каждый из выше переименованных лиц стал протектором своего класса⁵¹.

Первыми профессорами первого академического курса были:

- 1) по классу богословских наук – ректор архимандрит Евграф;
- 2) по классу философских – И.А.Фесслер;
- 3) по классу словесных – архиепископ Феофилакт;
- 4) по классу исторических – Я.В.Орлов;
- 5) по классу математических – академик С.Е.Гурьев;
- 6) по классу языков – еврейского – Фесслер; греческого – Скинас, немецкого Отто Смольяно и французского де Бое.

Кроме профессоров для преподавательской деятельности были приглашены на должность бакалавров известные своими талантами семь преподавателей из других семинарий, в том числе иеромонах Филарет (Дроздов) из Свято-Троицкой семинарии⁵². Как известно, иеромонах Филарет был учеником митрополита Московского Платона (Левшина). И последний был очень расстроен вынужденным отъездом своего любимца в Санкт-Петербург.

Митрополит Платон даже обратился в Св. Синод со специальным прошением, в котором ходатайствовал за своих учеников: иеромонаха Филарета и еще одного преподавателя, направленного в столичную академию, Семена Платонова: «Как они учителя, Дроздов и Платонов, изъявили свое нежелание отправиться в Петербург, и остаться по прежнему при Троицкой семинарии, каковое нежелание изъявляли пролитием слез: то я. Особливо о иеродиаконе Филарете, усердно прошу св. правительствующий Синод, обратить его паки в Троицкую семинарию, где он, яко сходственно с его желанием, может лучший успех оказать для общей пользы; и как я об нем особое прилагал, в рассуждении его воспитания, отеческое старание: то сие много послужит к утешению моей старости; а его единого отбытие удобно может вознаграждено быть из других училищ»⁵³. Один из исследователей жизни и деятельности святителя Филарета (Дроздова) в Санкт-Петербурге указывает, что таких попыток со стороны митрополита Платона вернуть своего ученика было предпринято до четырех. Но, к счастью, для академии и самого святителя Филарета все они оказались безуспешными⁵⁴.

Что касается студентов для первого курса академии, то их набирали по несколько человек практически из всех семинарий. Первоначально было решено проэкзаменовать студентов Александровской академии и наиболее успешных зачислить на первый курс. Недостающее количество студентов необходимо было набрать из других семинарий.

Всего было запланировано принять 100 человек. 7 ноября 1808 г. прошли экзамены для учащихся местной академии, достойными зачисления были признаны только 7 человек. Оставшихся 93 человека комиссия потребовала из других академий и семинарий: «из академий: Киевской 3, Московской 7, Казанской 5; из семинарий: Троицкой 7, Ярославской 5, Псковской 2, Тверской 6, Рязанской 5, Черниговской 5, Екатеринославской 2, Полтавской 2, Калужской 4, Смоленской 3, Нижегородской 4, Владимирской 4, Севской 4,

Тульской 4, Костромской 4, Вологодской 2, Архангельской 2, Белгородской 2, Тамбовской 2, Пензенской 2, Вятской 3, Могилевской 2 и из Харьковского коллегіума 2»⁵⁵.

Таким образом, Комиссия духовных училищ создала все условия для того, чтобы на первый курс в столичную академию поступили лучшие из лучших студенты со всех духовных академий и семинарий Русской Православной Церкви. Все студенты собрались уже в январе 1809 г. До открытия академии митрополит Амвросий поручил им повторять пройденный в своих школах материал.

4 февраля 1809 г. в должности ректора Санкт-Петербургской духовной академии был утвержден архимандрит Евграф (Платонов-Музалевский). А уже 6-го февраля Комиссия поручила ему произвести экзамен для вновь прибывших студентов. В случае обнаружения действительно недостойных лиц, необходимо было сообщить об этом митрополиту Амвросию для своевременной замены нерадивых студентов новыми. Первый курс был самым большим по составу. Всего было принято чуть больше сотни человек, хотя по штатам полагалось 120⁵⁶, а окончил – 89 человек.

Торжественное открытие Санкт-Петербургской духовной академии состоялось 17 февраля 1809 г. В 10 часов утра митрополит Амвросий вместе с членами Комиссии духовных училищ и другими почетными гостями прибыли в академический зал. После торжественной встречи был совершен водосвятный молебен. Далее состоялось торжественное заседание по случаю открытия академии. В первую очередь был зачитан указ императора Александра I от 26 июня 1808 г. об учреждении Комиссии духовных училищ. Далее были оглашены определения Комиссии об открытии академии и введение в устав духовных академий. Затем ректор академии архимандрит Евграф прочитал вступительную лекцию по богословию на тему: «О божественном происхождении христианской религии, счастья народа, на основании ее долг свой будущему, достоинстве и евангельской истине исповедания Греко-российской Церкви и настоящих преднамерениях к усугублению истинного просвещения»⁵⁷. По окончании богословской лекции профессор С.Е.Гурьев выступил с сообщением «О математике и ее отраслях».

В первые годы деятельности обновленной духовной академии большое влияние на учебный процесс оказывал архиепископ Феофилакт (Русанов). Он придерживался той позиции, что в школе необходимо насаждать традиционные принципы духовного образования: «схоластику в обучении и зависимость школы от епархиальных властей»⁵⁸. Князь Голицын и М.М.Сперанский, наоборот, отстаивали идею обновления, европеизации духовной школы. Таким образом, практически с самого начала в среде реформаторов системы духовного образования возникли две партии. И первое столкновение между ними не заставило себя долго ждать. Случилось оно уже в 1809 г. после назначения в Санкт-Петербургскую духовную академию профессора философии И.А.Фесслера.

Последний был известен, не только как критик духовенства, но и как масон. Некоторые современники указывали, что именно под влиянием И.А.Фесслера М.М.Сперанский решил использовать масонские ложи в целях просвещения духовенства: «Предполагалось основать масонскую ложу с филиальными ложами по всей Российской империи, в которую были бы обязаны поступать наиболее способные их духовных лиц всех сословий. Духовные братья были бы обязаны писать статьи по известным гуманитарным вопросам, говорить проповеди и т.д., каковые бумаги должны были затем препровождаться в главную ложу на рассмотрение первого мастера, по предложению которого достойнейшие должны были получать повышение в союзе масонских лож в государстве»⁵⁹. Этот конфликт завершился победой архиепископа Феофилакта и увольнением И.А.Фесслера из академии.

Что же касается владыки Феофилакта, то он в 1810-1811 гг. определял направление духовной школы. Вообще, по городу долгое время распространялись слухи, что владыка Феофилакт должен будет заменить митрополита Амвросия (Подобедова) на столичной кафедре⁶⁰. Особое внимание уделялось усилению контроля над обучением со стороны

епархиальных властей. Отдельно преподавателям предписывалось ограничить знакомство студентов с европейской философией. Собственно говоря, такая позиция не выглядела при дворе просвещенного монарха какой-то дикостью. «Аналогичные процессы проявились и в политике министра народного просвещения А.К.Разумовского по отношению к светским школам»⁶¹.

Ситуация изменилась уже в ближайшие два года. Архиепископ Феофилакт был уволен из Синода и Комиссии духовных училищ и отправлен в свою епархию в 1813 г. Годом раньше, в марте 1812 г., ректором столичной академии был назначен молодой архимандрит Филарет (Дроздов), который и стал с этого времени определять характер реформы.

Нашествие Наполеона в Россию в 1812 г. чуть было не отразилось и на судьбе Санкт-Петербургской духовной академии. Предполагалось, во избежание опасности от французов, перемещение, по крайней мере, на время из Петербурга в далекий Кирилло-Белозерский монастырь. После переговоров между митрополитом Амвросием и обер-прокурором Св. Синода А.Н.Голицыным, последний доложил императору Александру I, который, хотя и указал на отсутствие близкой опасности, нашел полезным сделать приготовления на случай реальной опасности⁶².

Согласно первоначальному проекту обучение в академии должно было продолжаться шесть лет. Однако в 1813 г. митрополит Амвросий выступил с инициативой сократить учебный курс, т.к. «студенты здешней академии, от долговременного в науках упражнения и от многотрудных и разнообразных занятий, наконец утомились»⁶³.

С конца мая по начало июля 1814 г. в академии проходили выпускные экзамены по результатам которых 26 человек были удостоены степени магистра богословия, 11 человек степени кандидата богословия с правом на магистра по выслуге в училищной службе одного года, 44 студента степени кандидата богословия и 11 человек были выпущены со званием студента. 12 студентов были оставлены при академии на профессорские должности, так что практически весь прежний состав профессоров был заменен новыми наставниками из числа выпускников первого курса.

13 августа 1814 г. состоялось первое торжественное заседание конференции Санкт-Петербургской духовной академии. Ректор академии архимандрит Филарет (Дроздов) выступил с речью, в которой подвел итоги первых лет деятельности реформированной духовной академии.

На заседании конференции были торжественно провозглашено, что учреждается степень «доктора православного богословия»⁶⁴. Учреждение высшей богословской ученой степени было сделано по примеру других учебных заведений. Академический проект учреждения докторской степени состоял из двух пунктов: «1) составить именную книгу докторов православного богословия, и 2) разделить ее на две части, назначив первую для почетных докторов или мужей, знаменитых духовными сочинениями и благотворительным влиянием на духовное просвещение, вторую – для докторов избирательных»⁶⁵.

На этом же заседании первыми почетными докторами богословия (*honoris causa*) были избраны:

- митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов);
- архиепископ Черниговский Михаил (Десницкий);
- архиепископ Минский и Литовский Серафим (Глаголевский);

Что же касается второй группы – «докторов избирательных», то «за заслуги перед богословской наукой и духовно-учебную деятельность» степени доктора богословия были удостоены ректор СПбДА архимандрит Филарет (Дроздов), ректор СПбДС архимандрит Иннокентий (Смирнов) и инспектор СПбДА архимандрит Филарет (Амфитеатров)⁶⁶.

В ответ на представленный императору Александру I отчет о первом выпуске СПбДА последовал следующий рескрипт: «Отец архимандрит Филарет, С.Петербургской академии ректор! Донесение об успешном окончании первого академического курса обратило Мое внимание на отличные труды ваши и способность к образованию

юношества. Начальство отдает вам справедливость, вверяя опытности вашей успех второго курса. Бог да подкрепит силы ваши к перенесению трудов на новом поприще. По благим расположениям души вашей, надеюсь, что питомцы, призванные на служение Церкви, научатся от вас ходить в заповедях Божиих и просветятся внутренно истинным светом Евангельского учения. Пребываю вам благосклонный»⁶⁷. 30 августа 1814 г. императором были утверждены новые проекты уставов для духовных академий, семинарий, уездных и приходских училищ.

За 60-летний период своего существования академия, с 1809 по 1869 гг., развивалась при 17 ректорах. Нетрудно подсчитать, что в среднем на одного человека приходится по 3,5 года. Вряд ли можно признать такую частую смену руководителей полезной для любой организации, особенно же для высшего учебного заведения. Из 17 ректоров, по подсчетам А.С.Родосского. 6 ректоров имели степень доктора богословия. 6 из 17 получили воспитание в новой Санкт-Петербургской академии, 5 – из Киевской, 3 – из старой Московской и 3 – из той же вновь преобразованной. 7 из 17 управляли в сане епископа и 1 в сане протоиерея, затем из 17 ректоров – 4 впоследствии стали митрополитами (свт. Филарет (Дроздов), Григорий (Постников), Иоанникий (Руднев) и Макарий (Булгаков)), а 6 – архиепископами⁶⁸.

Первый и второй ректоры духовной академии занимали этот пост совсем непродолжительное время. Архимандрит Евграф (Платонов-Музалевский) был утвержден на посту ректора 4 февраля 1809г., а уже 11 ноября того же года скончался, оставив о себе память как о человеке даровитом и ученом наставнике, проницательном и дальновидном начальнике. Архимандрит Сергей (Крылов-Платонов) также недолго находился у кормила ученого корабля – с 7 января 1810 г. по 3 марта 1812 г., когда был назначен на Костромскую кафедру.

Наконец, 11 марта 1812 г. ректором был назначен достаточно молодой, но перспективный и многообещающий архимандрит Филарет (Дроздов). На этот раз новый руководитель занимал пост ректора вплоть до 13 марта 1819 г. Причем два последних года Филарет нес свое послушание уже в качестве епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской епархии. Архиерейская хиротония состоялась 23 июля 1817 г. По словам историка академии И.А.Чистовича, «в лице Филарета Академия приобрела силу, которая нужна была ей при тогдашнем хаотическом ее состоянии для упорядочения ее, согласования разнородных действовавших в ней сил и направления их к одной определенной и общей цели»⁶⁹.

За десятилетие, на протяжении которого святитель Филарет был самым непосредственным образом связан с Санкт-Петербургской духовной академией, ему удалось выпустить три первых курса, организовать учебный и воспитательный процесс. Вот как писал один из биографов святителя Филарета: «Призванный же к преподаванию богословских наук в академии, он должен был вновь изучать и частью создавать целые науки, и все это совершить при недостатке нужных пособий и в самое непродолжительное время. Какая при этом была работа для ума, какую нужно было приобрести массу знаний, какую находчивость и умелость в их усвоении, распределении и преподавании! Из всех этих затруднений Филарет вышел с честью, оставив по себе в академии живую память»⁷⁰.

Современники указывали, что святитель Филарет, будучи ректором, большое внимание уделял дисциплине и студентам, принимающим монашеский постриг. Вообще, «академия, находясь под суровым аскетическим и монашески-деспотическим управлением Филарета Дроздова и Григория Постникова, начала было принимать вид какой-то полукиновии. Монашествующим студентам отдавалось иное предпочтение пред монашествующими»⁷¹.

Согласно записке епископа Леонида (Кавелина), митрополит Филарет еще на посту ректора предлагал митрополиту Санкт-Петербургскому Михаилу (Десницкому) учредить при академии научное братство: «Хорошо бы при академической церкви иметь ученое братство человек на 10, которые занимались бы учеными трудами на пользу Церкви.

Митрополит Михаил одобрил и предложил написать проект. Я обещал, но день за день, а к весне митрополит Михаил скончался»⁷². А.Родосский предполагал, что, осуществись тогда эта мысль, Церковь имела бы свои ученые издания патрологические, литургические и другие, по образцу Западной церкви, богатой капитальными изданиями по богословию⁷³.

Следующим в 1819 г. ректором стал выпускник первого академического курса архимандрит Григорий (Постников), достойный ученик и продолжатель дела святителя Филарета. Архимандрит Григорий продолжил традиции, установившееся при его учителе. Кроме того, именно в период его ректорства было введено в эксплуатацию новое академическое здание, заложенное в 1817 г. Именно по инициативе архимандрита Григория в 1821 г. было осуществлено издание первого в России духовного журнала «Христианское чтение», издательство которого продолжается и в настоящее время. Вообще, архимандрит Григорий и в дальнейшем большое внимание уделял церковной журналистике. Будучи архиепископом Казанским в 1855 г. учредил журнал «Православный собеседник», а являясь митрополитом Санкт-Петербургским в 1857 при Санкт-Петербургской духовной семинарии основал журнал «Духовная Беседа»⁷⁴.

Кроме того, архимандриту Григорию принадлежит еще одна инициатива. В 1853 г., будучи архиепископом, владыка Григорий предложил Св. Синоду вызывать в Санкт-Петербург священников из разных епархий, на территории которых было много старообрядцев, для подготовки к миссионерской деятельности среди этих самых раскольников. Священники проживали в здании академии, сам преосвященный Григорий читал им лекции, указывая способы ведения дискуссий и опровержения разных раскольнических толков. Впоследствии в 1857 г. была образована кафедра по истории и обличению русского раскола. Вплоть до закрытия академии в 1918 г. новую кафедру занимали поочередно всего лишь два профессора – И.В.Нильский и П.С.Смирнов. Оба стали крупнейшими специалистами в своей области.

После архимандрита Григория пост ректора поочередно занимали: архимандрит Иоанн (Доброзраков) (1826-1830), архимандрит Смарагд (Крыжановский) (1830-1831), архимандрит Венедикт (Григорович) (1831-1833), архимандрит Виталий (Щепетов) (1833-1837), архимандрит Николай (Доброхотов) (1837-1841), архимандрит Афанасий (Дроздов) (1841-1847), архимандрит Евсей (Орлинский) (1847-1850). Каждый из них внес свой посильный вклад в развитие академического образования.

С 1850 по 1857 гг. пост ректора академии занимал архимандрит Макарий (Булгаков), выпускник Киевской духовной академии. Макарий особо памятен для Санкт-Петербургской академии и своим 15-летним пребыванием в ней с 1842 г. по 1857 г., и тем, что он, что он, по выражению архиепископа Никанора (Бровковича), «дал благотворный толчок к разработке богословских наук»⁷⁵.

В Санкт-Петербургской академии архимандрит Макарий прошел все звания и должности, начиная с помощника инспектора до ректора и с бакалавра до заслуженного ординарного профессора. «Здесь, благодаря благоприятным условиям столичной Академии, широко раскрылись его таланты; здесь появились его многотомные труды по русской церковной истории, догматическому богословию и по русскому расколу; здесь же он получил высшую ученую степень доктора богословия, почетного члена Санкт-Петербургской духовной академии, почетные звания разных ученых обществ и учреждений до звания ординарного академика Императорской Академии Наук»⁷⁶. Кроме того, для многих студентов столичной академии ректорство архимандрита Макария запомнилось довольно строгой дисциплиной.

28 января 1851 г. Макарий был рукоположен в сан епископа Винницкого, викария Санкт-Петербургской епархии, а 1 мая 1857 г. назначен на самостоятельную Тамбовскую кафедру.

Впоследствии в Санкт-Петербургской академии была учреждена премия за лучшие сочинения «наставников и воспитанников». Один из учеников митрополита Макария написал стихотворение, в котором изобразил своего учителя следующим образом:

Макарий, наш ректор,
Ученейший муж,
Отличный был лектор
И в авторстве дюж.
Все лекции в классе
Экспромтом читал
И свой предмет в массе
До тонкости знал.
Приятный в манерах,
Красивый на вид,
Он в полных размерах
Чуждался обид.
Ценил дарованья,
К труду поощрял
И лучшие званья
Всегда одобрял.
Работал сам много
Умом и пером;
Кто ценит ум строго,
Пусть вспомнит добром.

С 1857 по 1859 гг. пост ректора занимал архимандрит Феофан (Говоров), впоследствии затворник Вышенский. Именно на период ректорства будущего святителя пришлось празднование 50-летия духовной академии, которое состоялось 16 и 17 февраля 1859 г. во время Божественной литургии в самый день торжества преосвященный ректор обратился ко всем присутствующим с проникновенным словом о значении богословского образования. В актовом зале, где собралось довольно почтительное собрание, профессор И.А.Чистович прочитал предварительно просмотренную митрополитом историческую записку об академии за прошедшее пятидесятилетие, а профессор В.Карпов – речь о направлении и цели духовного образования и об участии, какое принимает в нем Санкт-Петербургская духовная академия⁷⁷.

На празднование был приглашен и митрополит Филарет (Дроздов), однако тот отказался, о чем сохранились слова самого архипастыря в письме наместнику Свято-Троицкой Сергеевой лавры архимандриту Антонию. «Вы слышали конечно, что меня звали на юбилей Петербургской Академии. Пришед домой от погребения князя Сергия Михайловича, я нашел в передней звателя, инспектора Академии. Это было в пятницу; а в понедельник надлежало быть в Петербурге; ибо юбилей во вторник. Следственно в субботу надлежало мне собраться, а в воскресенье броситься на железную дорогу. Если бы я и здоров был, это было бы не очень удобно. Я доволен, что не мог ехать. И мысль о юбилее для меня непривлекательна. У Евреев юбилей был важный закон и в отношении к церкви и в отношении к гражданскому порядку. Он освобождал впадших в рабство, и возвращал заложение земле. Папы в средние века ввели его в Римскую церковь, чтобы получать доходы от посещающих Рим, и от индульгенций. Почему и зачем юбилей пришел в Духовную Академию? А пример одной Академии, вероятно, поведет тем же путем и другую»⁷⁸.

Однако, с другой стороны, Московский архипастырь направил в адрес академии свое приветствие, в котором извинялся за невозможность своего присутствия на торжественном акте и желал академии и в дальнейшем достойно нести свое служение на

благо Церкви Христовой: «Приветствую академию, совершившую полвека под покровительством державной и священной власти, принесшую добрые плоды церкви и отечеству. Господь да продлит лета ее в благодати и мире, да умножатся плоды ее – плоды любви к истине, яже по благочестию, к премудрости не мира сего, но Божией, к учению не только знания, но наипаче к учению жизни, наконец плоды ревности подвизаться за православие и служить спасению душ»⁷⁹.

Что же касается самого епископа Феофана, то спустя несколько десятилетий он стал известен всей России своими глубокими работами в области экзегетики и нравственного богословия.

В 1889 г. на многочисленные сочинения затворника обратил внимание ученый совет Санкт-Петербургской духовной академии. На очередном заседании совета, 20 декабря, был заслушан отзыв о богословском творчестве преосвященного епископа Феофана, составленный специальной комиссией, в состав которой вошли профессор А.Л.Катанский, профессор протоиерей В.Г.Рождественский и доцент Ф.А. Тихомиров.

Согласно представленному отзыву, все сочинения епископа Феофана, рассмотренные комиссией, были отнесены преимущественно к двум областям богословской литературы: нравственно-богословской и экзегетической. Нравственно-богословские сочинения владыки Феофана были определены как отличающиеся созерцательным характером, а экзегетические работы признаны образцовыми, т.к. в них дано не только толкование, но и способы возможного применения в жизни. В итоге было сделано следующее заключение: «Таким образом, в обоих вышеуказанных родах богословских произведений Преосвященный Феофан является выдающимся, оригинальным, русским православным богословом, своими трудами сильно возбуждающим нашу отечественную богословскую мысль, внесшим немало в наше научное богословское сознание, обогатившим нашу богословскую литературу многочисленными и высоко-ценными трудами, а потому вполне справедливо пользующимися почетною известностью. В виду всего вышеизложенного комиссия мнением своим полагает, что Совет академии, присудив Преосвященному Феофану степень доктора богословия, исполнит только долг, давно лежащий на высшей духовной школе»⁸⁰.

Утверждение Св. Синодом последовало в январе 1890 г. и это, можно сказать, стало знаковым событием в истории академии, когда докторскую степень получил не только бывший ректор академии (1857-1859), но и истинный монах, аскет-затворник. Свт. Феофан Затворник, как позже написали в академическом журнале «Церковный вестник», «был богословом, произведения которого отмечают собою известные стадии в развитии богословской мысли. Он был богословом не в узко специальном только смысле этого слова, т.е. автором таких специально-ученых богословских сочинений, которые предназначались бы лишь для ограниченного специально-образованного кружка ученых адептов богословской науки, а богослов в лучшем и широком смысле слова, - богословом, который, не заключаясь в узкую сферу специальной учености, говорил и писал языком, доступным для широкого круга лиц, жаждущих духовного просвещения»⁸¹.

В определенной степени можно сказать, что утверждение епископа Феофана в докторской степени принесло больше пользы и почета самой академии, чем святителю, хотя и он с большой благодарностью отнесся к этому акту совета СПбДА. «Совет Академии, - писал епископ Феофан 26 февраля 1890г., - известил меня о возведении меня на степень доктора богословия, но диплом еще не получен. Это докторство меня очень радует»⁸².

После святителя Феофана академией управляли архимандрит Нектарий (Надеждин) (1859-1860), архимандрит Иоанникий (Руднев) (1860-1864) и архимандрит Иоанн (Соколов) (1864-1866). Последний известен своим двухтомным сочинением «Курс канонического права», за которое еще в 1853 г. был удостоен ученой степени доктора богословия. 17 января 1865 г. был хиротонисан во епископа Выборгского, викария

Петербургской митрополии. Как профессор, епископ Иоанн оставил о себе память своими замечательными «богословскими академическими чтениями». Как администратор, он принял ряд мер к поднятию уровня академического образования.

Так, епископ Иоанн обратил внимание на обязательное изучение всеми студентами обоих новых языков – французского и немецкого. «Он распределил точнее преподавание философских наук (историю одному, а философию – другому профессору), - далее восстановил ранее отмененные репетиции перед экзаменами, - затем усилил занятия студентов сочинениями, строго постановив взыскивать с студента за неподачу сочинения лишением 3 баллов, а за промедление потерю 1 ½ балла при оценке сочинения. Преосвященный ректор Иоанн, просто говоря, старался подтянуть студентов»⁸³.

Особенно запомнился период ректорства епископа Иоанна студентам XXVI курса (вып. 1865г.), выпускником которого был и будущий историк и библиотечарь столичной академии А.С.Родосский. Позже он вспоминал, что именно этот курс стал первым, в котором темы для курсовых сочинений на ученую степень кандидата богословия были навязаны студентам, а не выбирались ими самостоятельно. Как результат, «эти сочинения у некоторых даже лучших студентов оказались неудачными и многие должны были либо затянуть подачу, либо – вновь писать. Тогдашний ректор академии преосвященный Иоанн (Соколов), несомненно умный и ученый, был человеком старого поклада и притом – крутой. Выходя из излюбленного им взгляда на особенно важное значение академистов, он относился к ним с требованием «знать все, писать обо всем, быть способными к преподаванию всякой науки» даже совершенно светской; поэтому он отменил свободный выбор студентами тем для своих кандидатских сочинений, а сам своею рукою написал против фамилии каждого первую попавшую ему на глаза тему, не спрашиваясь ни с кем и не справляясь ни с чем. Протест и даже просьбы были немислимы, иначе протестующие лишались и этих тем. Тяжело было это распоряжение ректора, ничем не оправдывалось и противное прежним истари существовавшим порядкам и обычаям. Между тем занятие «курсовиком» имело важное значение для развития студентов: каждый, избрав по наклонности и подготовительным занятиям тему, старался изучить полную литературу своего предмета, источники и пособия, и стать хозяином своего специального предмета, что и мыслимо при избранной теме. Но ректор распределил темы по своему усмотрению. Вышло какое-то смешение вавилонское: кто изучал и знал немецкий язык, тому тема доставалась с источниками на французском и наоборот, или – философу приходилось писать по гомилетике и под. Плач был во Израиле, а все-таки – работали, знакомились с темою, вдумывались, приобретали в несколько месяцев новые специальные знания, изучали языки и – писали...»⁸⁴

Впоследствии епископу Иоанну, как и епископу Макарию (Булгакову), также посвятили несколько стихотворных строк, в которых нашли свое отражение взгляды современников на своеобразный характер преосвященного ректора:

Совсем в другом роде
Был грозный Иоанн:
Враг суетной моде,
На деле был рьян.
По власти надзора
Прямой демагог,
И легкого вздора
Терпеть он не мог.
За все упущенья
Студентов журил;
А сам, вне сомненья,
Нередко чудил.
Суровый по виду

И резкий в словах,
Он мог Немизиду
Заткнуть в рукавах.
Как строгий инспектор,
Усердно страшал;
Но в классе, как лектор,
Умом восхищал.
Церковного права
Знаток был большой,
По части же нрава
Чудак не простой!

В 1866 г. впервые в истории дореволюционной академии ректором высшей столичной богословской школы стал белый священник – протоиерей Иоанн Леонтьевич Янышев. Пост ректора академии отец Иоанн занимал дольше всех дореволюционного периода – до 1883 г.

Преподавательская корпорация состояла из профессоров и их помощников – бакалавров. Как было отмечено выше, для первого курса преподавателей пришлось набирать со стороны. Практически все они были освобождены от занимаемых должностей при наборе уже второго курса в 1814 г. Новый состав наставников был образован из магистров I академического курса.

В дальнейшем установилась традиция, по которой из числа выпускников каждого академического курса несколько человек оставлялись при академии в качестве преподавателей. Одновременно с преподаванием в академии многие наставники занимали те или иные посты в других высших учебных заведениях, ученых обществах и т.д. Отличительной особенностью данного периода являлась непродолжительность службы в академии, которая составляла в среднем 2-3 года. Только некоторые преподаватели-профессора могли похвастаться многолетним служением в академии. Всего за 60 лет в СПбДА сменилось около 100 профессоров и бакалавров.

Что касается наиболее известных профессоров данного периода, то здесь можно отметить протоиерея Герасима Павского, протоиерея Феодора Сидонского, епископа Иннокентия (Борисова), протоиерея Иоанна Кочетова, Василия Николаевича Карпова, Моисея Александровича Голубева, Иллариона Алексеевича Чистовича – историка академии, Василия Ивановича Долоцкого.

Одним из самых выдающихся профессоров в Санкт-Петербургской духовной академии в первой половине XIX века являлся профессор протоиерей Герасим Петрович Павский. Историк академии И.А.Чистович писал в свое время, что отец Герасим «своим характером и своей жизнью внушал доверие к людям и осуществлял лучшие, можно сказать, идеальные стороны человеческой жизни». Профессор СПбДА Д.И.Ростиславов так писал о Павском: «Г.П.Павский – честный, благородный, безупречный в своем поведении, без надменности и высокомерия, но и неспособный к лести, низкопоклонству, враг ханжества и лицемерия – человек, так сказать, античный, с возвышенной душою»⁸⁵.

Протоиерей Герасим Павский, который один стоил целой академии, а некоторые биографы сравнивают его с Ломоносовым, был выдающимся ученым, филологом, востоковедом, экзегетом и переводчиком Св. Писания. Будучи профессором академии, Павский составил грамматику и хрестоматию еврейского языка с выборкой библейских текстов, а также еврейско-русский словарь, ставший первым опытом в отечественном образовании. Отец Герасим принял деятельное участие в работе Российского Библейского общества. Перевел Евангелие от Матфея и редактировал русский перевод Пятикнижия. Серьезно занимался лингвистикой и в 1840-е годы выпустил четырехтомные «Филологические наблюдения над составом русского языка», за которые был удостоен Демидовской премии, а в 1859 г. был избран академиком⁸⁶.

Другим выдающимся профессором академии первой половины XIX века был Василий Николаевич Карпов – философ идеалистического направления, переводчик сочинения древнегреческого Платона⁸⁷.

В этот период начинают свою преподавательскую карьеру профессора М.О. Коялович, Е.И. Ловягин, И.В. Чельцов, А.И. Предтеченский, И.Т. Осинин, И.Ф. Нильский, И.Е. Троицкий, Т.В. Барсов, А.Л. Катанский, Н.П. Рождественский и др.

Согласно уставу 1814 г. духовные академии представлялись не только образовательными учреждениями, но и научными центрами Русской Православной Церкви. Поэтому многие наставники СПбДА занимались серьезной научно-исследовательской работой.

В самом начале 20-х гг. XIX века, в 1821 г., по инициативе ректора академии архимандрита Григория (Постникова) был основан академический журнал «Христианское чтение». 10 ноября 1820 г. в частном собрании профессоров академии, ректор архимандрит Григорий (Постников) предложил с будущего 1821 г. издавать христианский журнал. Предложение это было единодушно принято и «здесь же составилась первый кружок сотрудников-издателей. Главным редактором был ректор»⁸⁸.

Появление академического журнала «Христианского Чтения»⁸⁹ на свет было тем значительнее, что это был первый духовный журнал в России. «Явившись в начале 20-х годов, Христианское Чтение было детищем своего времени и подверглось сильному, хотя, по всей вероятности, невольному влиянию мистицизма. Года два или три своим направлением оно напоминало «Сионский Вестник». Подобно последнему, оно очень много говорило о чудесных действиях Слова Божия, о чудесных исцелениях разных лиц, об обращениях к жизни во Христе, и т.под. Большая часть его статей была занята разрешением вопросов о возрождении, о степенях и о плодах его, о молитве, чистой любви, отношении возрожденного к внешнему закону и о других предметах, занимавших тогдашних мистиков... К 1825 г. мистицизм был изгнан со страниц Христианского Чтения, и далее оно повело безукоризненную жизнь, служа интересам богословской науки»⁹⁰.

Первоначально академическое издание представляло собой повременный сборник для религиозно-нравственного чтения, но с течением времени оно превратилось в настоящий духовный журнал, ставший родоначальником духовной журналистики XIX в.⁹¹ Впоследствии, вслед за «Христианским чтением», появлялись и другие духовные журналы, многие из которых были основаны воспитанниками СПбДА («Дух Христианина», «Духовная Беседа», «Православное Обозрение», «Странник» и др.), и сотрудниками которых состояли, в том числе, и профессора академии.

Статьи, проповеди, лекции, святоотеческие переводы для публикации в академическом журнале готовили сами преподаватели во главе с ректором, хотя не возбранялось присылать свои работы и внешним лицам. К сожалению, «в обычае того времени было печатать статьи и переводы без подписи имени автора. Этот обычай держался долго, так что с течением времени прекратилась возможность получить точное указание на имя автора той или другой статьи и особенно переводного труда. Знала только редакция, знали правда и многие современники, но из них редкие отмечали имена и оставляли их на память потомству»⁹². «Что в имени тебе моем?» – говорили эти скромные труженики на расспросы любопытных, и, предлагая во всеобщее пользование лучшие плоды своего ума и сердца, сами навсегда скрывались от внешних взоров под покровом безымянности⁹³.

Выше уже отмечалось, что студенты I академического курса учились 5,5 лет. Второй прием студентов в состав II курса был произведен в августе 1814 г. срок обучения на этот раз продолжался всего три года – с августа 1814 по июль 1817. Последующие курсы с III-го по XXVIII включительно состояли из полного 4-х годичного курса, с разделением на два отделения – философское и богословское, на каждом из которых изучались свои дисциплины.

Всего за 28 курсов, по подсчетам А.С.Родосского, академию окончило 1380 воспитанников, из которых значительная часть по окончании академического курса посвятили себя священническому и преподавательскому служению. «В числе 1380 мы насчитываем свыше 177 лиц монашествующих. В том числе – 91 иерарха и между ними: 10 митрополитов, 36 архиепископов и 45 епископов (считая тут 5 иностранцев – 2 сирийцев, 2 греков и 1 болгарина); из белого духовенства с высшим протопресвитерским званием было 7; с высшею ученою степенью доктора богословия – светских и духовных 27 и один доктор философии (прот. Сидонский), магистров духовных и светских до 600»⁹⁴.

Санкт-Петербургская духовная школа дала ряд блестящих богословов, философов, филологов (и даже математики «страстных любителей»). Она выпустила не мало знаменитых миссионеров, проповедников и просветителей XIX века. Среди выпускников этого периода наиболее известными являются великий молитвенник, святой праведный Иоанн Кронштадский (1829-1909) и выдающийся миссионер святитель Николай Японский (Касаткин) (1836-1912).

Санкт-Петербургская духовная академия во второй половине XIX – начале XX вв. (1869-1918 гг.). В 1869 г. был принят новый академический устав, которые внес существенные изменения в учебный процесс. Теперь для получения ученого звания доцента, экстраординарного и ординарного профессора необходимо было написать, опубликовать и представить к публичной защите магистерскую и докторскую диссертации. Все это способствовало активизации научно-исследовательской деятельности в духовных академиях, в том числе и в Санкт-Петербургской. Спустя 40 лет один из профессоров Санкт-Петербургской академии писал, что «вообще устав 1869 г. был наилучшим из всех других. Только при этом уставе в академическом курсе появилась наука в современном объективном понимании этого слова»⁹⁵.

После убийства императора Александра II изменения произошли и в духовном ведомстве. Новый устав 1884г. усилил контроль местного архиерея, ректора и инспектора над академией, строго регламентировал научную, учебную и воспитательную жизнь высших богословских школ. Главная мысль устава заключалась в необходимости достижения подчинения идеалов науки принципам внешней церковности.

Устав духовных академий 1884 г. действовал фактически до 1910 г. Но в 1905-1906г. некоторые его параграфы под воздействием внешних факторов были существенно изменены. Согласно временным правилам, принятым в конце 1905 г., ректор и инспектор академии должны были избираться академической корпорацией. В состав академического совета разрешено было входить всем ординарным, экстраординарным профессорам, доцентам, и даже, по решению совета, всем прочим остальным преподавателям академии. Именно совету академии было предоставлено право окончательно утверждать соискателей в ученых академических степенях, а также самостоятельно решать учебные и воспитательные вопросы.

После проведенной ревизии духовных академий в 1908 г., указом Св. Синода от 4 февраля 1909 г. было постановлено «приведенные в Синодальном постановлении от 26 ноября 1905 года временные правила по управлению духовными академиями и внесенные, по определению Святейшего Синода от 21 февраля 1906 года, в соответствие с ними в устав духовных академий 1884 г. изменения отменить, восстановив в отношении академий в полной мере действие означенного устава впредь до выработки и введения в действие предполагаемого нового устава»⁹⁶.

Вместе с тем в это же самое время была создана специальная комиссия для обсуждения наиболее острых вопросов, связанных с духовным образованием, и для составления нового академического устава. Итогом деятельности комиссии стал очередной устав 1910 г.⁹⁷. В 1911 г. в устав были внесены некоторые изменения.

Новый устав устанавливал более тесную зависимость академий от Св. Синода, усиливал власть епархиального архиерея и ректора академии и ограничивал права

академических советов. При назначении на профессорские кафедры Св. Синод имел право, если сочтет нужным, не утверждать представляемых академическими советами кандидатов, а назначать своих. Точно также Св. Синоду по собственной инициативе принадлежало право и увольнять академических преподавателей⁹⁸.

По мнению некоторых современников, весь смысл нового устава сводился к усилению контроля церковной власти: «Сущность произведенных административных изменений в уставе академий состоит в усилении власти административной, ограничении академического самоуправления и в сообщении академической корпорации с внешней стороны наиболее “церковного” вида»⁹⁹.

Профессор СПбДА по кафедре русской гражданской истории П.Н.Жукович в отношении устава 1910 г. высказывался следующим образом: «Тревожных признаков оскудения духовной науки имеется не мало. Философия, столь близкая к богословию, когда-то была у нас в России по преимуществу духовно-академической наукой, а теперь она почти совсем ушла из академий в университеты... Теперь и для церковно-исторической науки, сравнительно процветавшей в некоторых академиях, наступают по-видимому, худшие дни. Среди академических историков – зловещее уныние. О новом подъеме научного духа, научной инициативы и энергии – всего менее можно и думать»¹⁰⁰.

Новый этап в истории высшей духовной школы начался в 1917 г. Изменение курса церковной политики при Временном правительстве способствовало принятию новых законодательных изменений. Сначала были утверждены «Временные изменения в строе духовных академий» (определением Св. Синода от 24-27 марта 1917 г.), которые были составлены в духе устава 1869 г. Главные положения новых правил сводились к выборности ректорской и инспекторской должностей и ослаблению архиерейского контроля.

8 мая 1917 г. были приняты Временные правила¹⁰¹, а чуть позже – 21 июля 1917 г. – Временный устав, согласно которому «на первое место ставились научные задачи высшей духовной школы, полностью устранялась зависимость академий от местного архиерея, провозглашалось самоуправление Совета и выборность ректорской и инспекторской должностей из лиц как имеющих, так и не имеющих духовный сан, предоставлялись обширные права студентам»¹⁰².

Поместный собор 1917-1918 гг. должен был разработать новый академический устав. Более того, в этой сфере была уже проделана серьезная работа, однако преждевременное прекращение работы собора в сентябре 1918 г. помешало осуществить намеченное.

В период с 1869 по 1918 гг. СПбДА возглавляли 11 ректоров: протоиерей Иоанн Леонтьевич Янышев (1866-1883), епископы Арсений (Брянцев) (1883-1887), Антоний (Вадковский) (1887-1892), Борис (Плотников) (1892-1893; 1899-1901), Никандр (Молчанов) (1893-1895), Иоанн (Кратиров) (1895-1899), Сергей (Страгородский) (1901-1905), Сергей (Тихомиров) (1905-1908), Феофан (Быстров) (1909-1910), Георгий (Ярошевский) (1910-1913) и Анастасий (Александров) (1913-1918). Епископ Борис занимал ректорский пост дважды, что вплоть до настоящего времени является во всей истории СПбДА явлением исключительным. Также отличительной особенностью этого времени является ректорство единственного для всего дореволюционного периода столичной академии белого священника – протоиерея Иоанна Янышева, впоследствии духовника Их Императорских Величеств, протопресвитера придворного духовенства. Кроме того, оно было и самым продолжительным и составило 17 лет. Что же касается ректорства епископов, то здесь средний период составляет 3,5 года.

Протоиерей Иоанн Леонтьевич Янышев был первым магистром XVIII выпуска СПбДА (1849 г.). До своего ректорства отец Иоанн был бакалавром математики в родной академии, затем с 1851 г. настоятелем церкви в Висбадене, в период с 1856 по 1858 гг. занимал должность профессора богословия и философии в Санкт-Петербургском университете, где приобрел большую известность и популярность. На протяжении всего

периода своего ректорства отец Иоанн стремился улучшить как внешнюю, так и внутреннюю жизнь академии. При нем академии получила право выписывать из-за границы книги и периодические издания наравне с университетами. В академическом саду было выстроено большое здание специально для библиотеки, которая за это время пополнилась многочисленными новыми сочинениями и редкими изданиями.

Вот как вспоминает о деятельности отца Иоанна на посту ректора один из современников протоиерей Базаров: «В своей должности ректора академии И.Л.Янышев обратил преимущественное внимание на учено-богословское образование духовного юношества и успел достигнуть в этом отношении блестящих результатов. Период управления о. Янышева академией останется одним из блестящих в истории этого высшего богословского института»¹⁰³.

Профессор А.И.Пономарев так вспоминал об о. Иоанне и периоде его ректорства: «В истории нашей академии покойный И.Л.Янышев, в известном отношении, был прямо-таки «единственным ректором», так как при нем и при его непосредственном участии был введен устав 1869 г. и при нем же наступил и конец этого устава, - и вы знаете также, что существование академии при уставе 69-го года – одна из самых немногих, если не единственная светлая страница за весь первый век ее исторической жизни»¹⁰⁴.

Однако, несмотря на все достижения, которых удалось добиться за этот период, многих иерархов волновал, в том числе, вопрос об ученом монашестве. Дело в том, что за весь 17-летний период в высшей духовной школе не было совершено ни одного монашеского пострига. Ситуация начала меняться, когда ректором академии стал епископ Арсений (Брянцев). Кроме того, именно на период ректорства владыки Арсения приходится принятие нового академического устава 1884 г.

В 1885 г., по протекции обер-прокурора К.П.Победоносцева, из Казани в Санкт-Петербург на должность инспектора был переведен архимандрит Антоний (Вадковский)¹⁰⁵. Через два года он был назначен новым ректором и занимал этот пост с 1887 по 1892 гг. За это время в академии было совершено 20 монашеских постригов, что можно охарактеризовать как настоящий «монашеский бум». В истории академии еще было такого, чтобы за столь короткий срок «ангельский образ» приняло подобное количество учащихся¹⁰⁶. Особо можно выделить постриг Ивана Страгородского, будущего Патриарха Московского и всея Руси Сергия, который состоялся 30 января 1890 г.

В 1887 г. по благословению митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора (Никольского) и при непосредственном участии и содействии ректора духовной академии епископа Антония было организовано под патронатом «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви»¹⁰⁷ общество студентов-проповедников. Это тем более удивительно, что во главе студенческого проповеднического движения стали не кто иной, как высшие административные лица – ректор и инспектор. «Их самые близкие отношения к студентам, далеко не ограничивавшиеся официальной службой, послужили почвою, из которой и возникла идея просветительного служения в народе студентов академии»¹⁰⁸.

Студенты академии теперь проповедовали и проводили беседы среди простых верующих. Контингент постоянных слушателей студенческих бесед состоял в основном из рабочих, которые жили и трудились в отдаленных районах города. Первоначально¹⁰⁹, как самих студентов, так и мест для проповеди было сравнительно немного, но со временем количество и тех и других стало стремительно возрастать. Так, к 1897 г. насчитывалось 17 мест, где проповедовали студенты академии, в 1900 г. – до 50-ти¹¹⁰, в 1903 г. – 35¹¹¹, в 1904 г. – 34 пункта¹¹². Местами проповеди становились столовые, ночлежки, школы при заводах, дома трудолюбия, церкви и подворья.

В первые годы деятельности студенческого проповеднического общества количество студентов не превышало 40-60 человек. Со временем число активных студентов-проповедников существенно возросло. В 1900 г. их насчитывалось уже более

100 человек¹¹³. В списке студентов-проповедников, подвизавшихся в обществе, есть известные многим имена – Василий Иванович Белавин и Иван Николаевич Страгородский (впоследствии – Святейшие Патриархи Тихон и Сергей), Василий Павлович Казанский (впоследствии – митрополит, священномученик), Иван Александрович Кочуров (впоследствии – протоиерей, священномученик), Николай Кириллович Чуков и Сергей Алексеевич Тихомиров (впоследствии – митрополиты), Василий Дмитриевич Быстров (впоследствии – ректор академии и архиепископ).

Проповедническая деятельность студентов Санкт-Петербургской духовной академии послужила примером для организации подобных обществ и в других академиях: «Широкая, неустанная проповедь студентов СПбДА отозвалась проповедью студентов в Москве и Казани, а в последнее время и в Киеве»¹¹⁴.

Впоследствии один из студентов Петербургской академии вспоминал, что годы ректорства епископа Антония (Вадковского) могут считаться лучшим периодом в ее истории: «В то именно время Петербургская академия впервые выступила из тиши своего уединения на путь широкого просветительско-проповеднического служения обществу в форме собеседования с народом по церквам, фабрикам, ночлежкам. Нам лично помнится, какое громадное значение придавал наш владыка этому широкому движению пастырей и студентов “в народ”»¹¹⁵.

О большом авторитете епископа Антония в его бытность ректором академии говорит и то прощание, которое состоялось 1 ноября 1892 г. по случаю назначения преосвященного Антония на новооткрытую Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа. После Божественной Литургии, за обедом, старейший преподаватель академии Е.И.Ловягин¹¹⁶ свидетельствовал, что на его памяти сменяется уже 10-й ректор, и по достоинствам ума и характера владыка Антоний должен занять место в одном ряду с митрополитом Макарием (Булгаковым) и протопресвитером Иоанном Янышевым.

Следующим после епископа Антония ректором СПбДА был назначен архимандрит Борис (Плотников), также выпускник Казанской духовной академии. В свое время это был любимый и талантливый ученик епископа Антония, который и способствовал тому, чтобы именно архимандрит Борис стал его преемником в Петербургской академии. Однако проявить во всей полноте свои научно-литературные таланты на новом месте архимандриту Борису не удалось из-за сильно подорванного здоровья. В декабре 1893 г. архимандрит Борис был назначен настоятелем Российской императорской посольской церкви в Константинополе. Впоследствии по инициативе Антония (Вадковского), находившегося уже на столичной кафедре, архимандрит Борис вновь занял пост ректора Петербургской академии.

Период, на который пришлось ректорства епископа Никандра (Молчанова) и Иоанна (Кратирова) выдался относительно спокойным. Владыка Никандр обладал тихим, невозмутимым, несколько замкнутым характером, осторожной, неспешной в делах управления тактикой. Но это был человек неподкупных, твердых определенных убеждений, как в делах Православной Церкви, так и в политических своих воззрениях¹¹⁷.

Епископ Иоанн на посту ректора академии избегал какого-либо новаторства. «Все его усилия были направлены к поддержанию выработанных академических порядков и к ограждению нормального течения академической жизни во всех отношениях»¹¹⁸. Владыка был не только начальником, но и ходатаем и апологетом столичной академии. За это его полюбили и студенты, и профессора. В 1899 г., когда Преосвященного Иоанна переводили на новое место, студенты подарили владыке дорогую панагию, а совет академии избрал его своим почетным членом.

В самом начале XX века пост ректора академии занял епископ Сергей (Страгородский), деятельность которого на этой должности современники оценивали весьма высоко. В этот период началась активная деятельность ученой комиссии по описанию академических рукописей (образованной первоначально еще в 1879 г.), была

улучшена система каталогов академической библиотеки, а также было начато приведение в порядок академического архива. Епископ Сергей принимал самое деятельное участие в различных ученых, просветительных и благотворительных обществах. После председательства с 1901 по 1903 гг. на Религиозно-философских собраниях стал широко известен и в кругах столичной интеллигенции.

По отзывам и воспоминаниям лиц, знавших епископа Сергея по академии и как инспектора и как ректора, он был добрым и справедливым начальником. Студенты встречали с его стороны теплое отеческое отношение. «По субботам после ужина в покоях инспектора собирались студенты и в домашней обстановке слушали очередной реферат кого-либо из своих товарищей. Темами для рефератов служили вопросы религиозно-философского характера, а также какие-либо новые явления в области современной художественной литературы. Такие рефераты обычно сопровождались прениями и обменом мнений. Эти собрания привлекали молодежь всех курсов и имели большое образовательное и воспитательное значение. Чтобы не оказывать давления на ход обсуждения и высказывания своих гостей, о. Сергей не брал на себя роли председателя или руководителя собрания, выступая только в роли гостеприимного и приветливого хозяина. Таким же обходительным, добрым, ласковым и доступным для студентов оставался епископ Сергей и будучи уже ректором Академии. Он воспитывал студенческую молодежь не только словом, но и личным примером. В академической церкви ежедневно по вечерам совершались вечерня и утреня. Самым усердным участником этих богослужений, неизменным чтецом и певцом на клиросе являлся отец Сергей в течение всего времени своего инспекторства и ректорства»¹¹⁹.

Революционные события 1905 г. самым непосредственным образом отразились и на положении дел в столичной богословской школе.

26 и 27 января состоялись студенческие сходки, на которых было решено ходатайствовать перед администрацией временно прекратить занятия¹²⁰. Несмотря на первоначально сделанные учащимся уступки, впоследствии ректор в категоричной форме отказался выполнять студенческие требования. Угрозу бунта удалось ликвидировать¹²¹.

Однако, всего полгода спустя, 30 сентября 1905 г. в связи общим состоянием и настроением в стране студенты академии самостоятельно прервали свои занятия. В связи с этой ситуацией экстренные собрания совета академии созывались несколько раз в течение октября, ноября и декабря 1905 г. Члены профессорской корпорации пытались найти выход из сложившейся ситуации. Высшее церковное руководство также пыталось в кратчайшие сроки найти выход из сложившегося чрезвычайного положения. Наконец, 30 ноября 1905 г. вышел указ Св. Синода о временных правилах управления для духовных академий¹²².

Этот решение возымело действие и студенты на сходке 4 декабря в количестве 132 человек постановили большинством (87 – за, 41 – против, 4 – воздержались) приступить к занятиям. Совет академии 8 декабря определил начать чтение лекций с субботы 10 декабря, что собственно и произошло¹²³.

Примечательно, что именно в этот наиболее драматический период Св. Синод принял решение сменить ректора академии. Указом Св. Синода от 12 октября 1905 г. епископ Сергей (Страгородский) с 6 октября был назначен на Финляндскую кафедру с освобождением от должности ректора. Новым руководителем академии был назначен ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии архимандрит Сергей (Тихомиров)¹²⁴.

Владыка Сергей занимал пост ректор вплоть до 1908 г., когда указом Св. Синода от 27 марта был назначен епископом Киотским, помощником Начальника Российской Духовной Миссии в Японии¹²⁵.

Надо сказать, что это назначение епископа Сергея оказалось очень удачным, и владыка стал достойным преемником архиепископа Николая (Касаткина) на посту главы Православной Церкви в Японии. Вот как о епископе Сергии отзывался спустя некоторое время сам владыка Николай: «Беру смелость... выразить родной Академии глубокую

благодарность всей Японской Церкви за то, что она в последнее время не пожалела отпустить одного из лучших своих сынов сюда для миссионерского служения. Преосвященный Сергей, Епископ Киотский, составляет здесь истинную радость и великую надежду Православной Церкви своим ревностным служением, всех привлекает к себе своим полным любви сердцем и всех назидает своим христианским красноречием. Он также питает намерение всю свою жизнь посвятить на служение Божию делу здесь. Да укрепит его Господь в этом намерении и да поможет осуществить его. А родной Академии да будет вечная благодарность за него!»¹²⁶

После отъезда епископа Сергея (Тихомирова) в 1908 г., согласно временным правилам, должность ректора должна была быть замещена посредством голосования членов ученого совета академии. Выборы состоялись 4 апреля 1908 г. На заседании совета большинством (19 против 4) на должность ректора был избран профессор по кафедре пастырского богословия магистр богословия, протоиерей Тимофей Александрович Налимов¹²⁷. Избранный кандидат был утвержден в новой должности указом Св. Синода от 30 апреля 1908 г.

Однако отец Тимофей очень скоро отказался от назначения, и с 1908 г. должность ректора временно исполнял инспектор академии архимандрит Феофан (Быстров). После проведенной в 1908 г. ревизии духовных академии временные правила 1905 г. были отменены. Одновременно с этим указом Св. Синода 4 февраля 1909 г. архимандрит Феофан был утвержден в должности ректора академии, а 22 февраля в Троицком соборе Александро-Невской лавре архимандрит Феофан был рукоположен в сан епископа Ямбургского, 4-го викария Санкт-Петербургской епархии¹²⁸. Пост ректора академии епископ Феофан занимал недолго, всего лишь до 1910 г.

На период ректорства епископа Феофана пришлось очень важное событие – празднование 100-летия со дня открытия академии. Первоначально планировалось отметить этот юбилей весьма помпезно и масштабно. Именно поэтому предварительная подготовка к празднованию началась задолго до знаменательной даты. Еще в феврале 1903 г. на заседании совета академии проф. Н.К.Никольским был представлен и одобрен проект печатного обращения к лицам, располагающим материалами для истории СПбДА, с просьбой предоставить эти материалы во временное пользование академии¹²⁹.

В академическом журнале «Церковный Вестник» на протяжении длительного времени публиковалось следующее объявление: «С.-Петербургская духовная академия, озабоченная мыслью ознаменовать свой столетний юбилей в 1909 году каким-либо изданием, посвященным ее истории, покорнейше просит всех лиц, имеющих у себя подходящие для этой цели материалы (как-то: а) лекции, рукописи и бумаги бывших наставников, б) мемуары, с) письма и т.п.), не отказать прислать их во временное пользование академии. Желательны материалы, относящиеся к первой половине столетней истории академии. Одновременно с этим академия усерднейше просит всех бывших ее питомцев сообщить о себе краткий *curriculum vitae* с перечислением своих литературных трудов. Высылать можно в канцелярию академии»¹³⁰.

Призыв академии был услышан, и материалы стали поступать. Так, на заседании совета 22 декабря 1906 г. было принято решение издать сборник материалов, относящихся к истории академии. Для осуществления этой цели была создана специальная комиссия, состоящая из профессоров и сотрудников академии¹³¹. Чуть позже, в марте 1907 г., вместо сборника материалов, относящихся к истории академии, было решено более уместным составить и издать биографо-библиографический словарь профессоров академии по каждой кафедре. Куратором этого масштабного проекта был назначен профессор по кафедре русской гражданской истории П.Н.Жукович¹³². Работа в этом направлении была проделана огромная, однако, к сожалению, этому проекту так и не суждено было осуществиться.

Дело в том, что в марте 1908 г., согласно указу Св. Синода, было решено произвести ревизию духовных академий. В Санкт-Петербург уже в конце месяца прибыл

главный ревизор архиепископ Херсонский Димитрий (Ковальницкий). По итогам проверки в 1909 г. временные правила были аннулированы, а из числа профессоров СПбДА были уволены Н.К.Никольский, В.Н.Бенешевич и Д.И.Абрамович.

Праздничные мероприятия было решено перенести с февраля 1909 г. на новый учебный год. Что же касается словаря, то на заседании совета академии 28 сентября 1909 г. проф. П.Н.Жукович довел до сведения коллег, что после свершившихся перемен в личном составе академической профессорской корпорации и вся атмосфера, сложившаяся в академии совершенно расстроило дело составления словаря.

Празднование 100-летия Санкт-Петербургской духовной академии прошло с 15 по 17 декабря 1909 г. 15 декабря в академическом храме была совершена панихида по всем почившим наставникам и воспитанникам академии. 16 декабря в академическом храме была совершена Божественная литургия и праздничный молебен. Богослужение возглавил митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) в сослужении 11 епископов. Главные праздничные мероприятия состоялись 17 декабря. На торжественном акте присутствовали практически все члены Св. Синода, обер-прокурор Св. Синода, многие представители духовенства, учебных заведений Петербурга и гости академии. Торжественную речь произнес проф. Н.В.Покровский, который вкратце перечислил заслуги академии и поблагодарил прибывших гостей за участие в празднике¹³³. Специально к праздничным мероприятиям по поручению совета профессор протоиерей Сергей Соллертинский составил историческую записку: «Опыт исторической записки о состоянии СПб. Духовной Академии по случаю столетнего ее юбилея 1809-1909 г»¹³⁴.

По окончании празднеств было составлена телеграмма на имя императора Николая II следующего содержания: «С.-Петербургская Духовная Академия, радостно празднуя день своего столетнего юбилея, повергает к стопам Вашего Императорского Величества, как Верховного Покровителя и Защитника Церкви Православной, свои глубокие верноподданнические чувства и приемлет смелость свидетельствовать при этом Вашему Императорскому Величеству об одушевляющей всех членов академической семьи искреннейшей готовности и впредь твердо служить святому делу высшего богословского просвещения в духе верности заветам веры православной, преданности Царю Самодержавному и любви к великому и славному нашему отечеству»¹³⁵. Телеграмма была подписана митрополитом Антонием (Вадковским) и ректором академии епископом Феофаном (Быстровым).

На заседании совета 22 декабря была заслушана ответная телеграмма от императора на имя правящего архиерея: «Благодарю С.-Петербургскую Духовную Академию за выраженные через Вас, Владыко, чувства любви. Надеюсь, что во втором столетии своего существования она будет продолжать служить на пользу Церкви твердо, по заветам нашей веры православной. Николай»¹³⁶.

В 1910 г. указом Св. Синода от 20 ноября епископ Феофан был переведен на Таврическую и Симферопольскую кафедру. Новым ректором академии был назначен епископ Прилукский Георгий (Ярошевский), на период управления которого пришлось принятие нового академического устава 1910-1911 гг., вызвавшего много недоброжелательных отзывов со стороны профессоров духовных академий. Кроме того, в начале 1913 г. в честь празднования 300-летия дома Романовых все четыре духовные академии получили право именоваться «Императорскими». В том же 1913 г. епископ Георгий был назначен епископом Калужским и Боровским.

Новым ректором академии стал епископ Анастасий (Александров), ученый с мировым именем, доктор славянской филологии и доктор церковной истории. Еще до выхода Синодального указа, преподавательская и студенческая корпорации Санкт-Петербургской духовной академии высказывали полное удовлетворение предполагаемым новым назначением.

Епископ Анастасий прекрасно понимал и знал обо всех нуждах академической богословской науки. И, вне всякого сомнения, делал бы все возможное для ее

дальнейшего развития во вверенной ему столичной богословской школе. Однако в 1914 г. началась Первая мировая война, которая уже на первых порах внесла свои коррективы в учебный процесс.

Сразу после начала военных действий началась мобилизация, как студентов, так и молодых преподавателей и служащих академии. Из числа последних в академии были мобилизованы лектор французского языка В.Б. Шкловский, помощник секретаря З.Е. Хаинский и второй помощник библиотекаря В.Зубор¹³⁷. В начале войны из числа студентов монахов на фронт в качестве хирурга отправился студент IV курса иеромонах Николай (Муравьев), в качестве духовника – студент того же курса Иннокентий (Тихонов). Впоследствии на фронт отправился профессор протоиерей Петр Лепорский, в течение целого года сопровождавший санитарный поезд. Профессорский стипендиат иеромонах Николай (Ярушевич) был командирован на южный фронт в качестве проповедника¹³⁸.

В дальнейшем по мере усиления военных действий, студенты академии начали добровольцами уходить, как в действующую армию, так и в военные училища, для последующей военной службы¹³⁹.

Ректор академии епископ Анастасий практически сразу после начала войны предложил Св. Синоду организовать на пожертвования служащих в духовно-учебных заведениях особый лазарет для больных и раненых воинов с названием: «Летучий (или стационарный) имени преподобного Серафима Саровского лазарет русских духовно-учебных заведений»¹⁴⁰. Предложение было принято. И уже вечером 9 сентября 1914 г. в академическом храме был отслужен молебен перед отправлением в Минск для открытия своей деятельности этапного, во имя преподобного Серафима, Саровского чудотворца, лазарета Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений Российской империи¹⁴¹.

Те же, кто оставался в духовной школе также как могли, вносили вклад в общую борьбу с врагом. Так, 13 октября 1914 г. хор студентов академии исполнил концерт в Мариинской больнице для больных и раненых¹⁴². В дальнейшем подобные концерты организовывались и проходили еще не раз¹⁴³. Многие студенты изъявили согласие посещать лазареты, где они читали раненым книги и проводили беседы религиозно-нравственного характера, а также писали письма их родным¹⁴⁴.

В октябре 1914 г., в день празднования годовщины начала царствования императора Николая II, студенты академии, собравшись в одной из аудиторий, «пришли к следующему, единодушно и без всякого разделения принятому заключению: студентам необходимо своим непосредственным участием облегчить тяжелую долю защитников Родины – с разрешения и благословения академического начальства устроить на студенческие средства и при личном участии студентов в самой академии лазарет для десяти раненых воинов»¹⁴⁵. Здесь же были и выработаны правила для основания лазарета и сбора средств.

Вместе с тем, студенты, «движимые сердечною всепреданною любовью к Государю Императору, просили разрешения верноподданнически приветствовать Его Величество в знаменательный день восшествия на престол и выразить свою полную готовность положить жизнь за веру, царя и отечество, забыв о дарованных многим из них льготах и полагая необходимым в переживаемый момент всем без исключения единодушно идти на защиту Руси святой»¹⁴⁶.

Сразу после такого решения была составлена и отправлена телеграмма императору от лица митрополита Петроградского Владимира, в которой было отмечено: «... Настоящее время, когда к врагам нашей Родины присоединились и Турция, этот исконный враг веры святой, православной, дорогой нашей Руси святой и всего славянства, все они (*студенты – Д.К.*), отказываясь от своих льгот по воинской повинности, по первому призыву Вашего Императорского Величества готовы стать в ряды Вашей доблестной армии».

23 октября 1914 г. на имя митрополита поступил по телеграфу ответ из ставки: «Поручаю Вам, Владыко, передать мое спасибо студентам Императорской Петроградской Духовной Академии за выраженные чувства преданности. Верю в их готовность стать в ряды нашего победоносного воинства. Николай»¹⁴⁷.

Несмотря на военное время, академия продолжала не только давать образование студентам, но выполняла и свою научную функцию. В 1917-1918 гг. проходили защиты магистерских и докторских диссертаций. Так, магистерские диссертации защитили 6 человек: И.И.Румянцев, епископ Белгородский Никодим (Кононов), иеромонах Венедикт (Алентов), иеромонах Николай (Ярушевич), С.А.Федченков, Н.В.Малицкий; докторские – 2 человека: проф. СПбДА Н.И.Сагарда и проф. МДА И.В.Попов¹⁴⁸.

После февральской революции совет академии в соответствии с докладом ректора епископа Анастасия выработал и принял обращение к Председателю совета министров и министру внутренних дел князю Г.Е.Львову следующего содержания: «Петроградская Духовная Академия, приветствуя облеченное всею полнотою власти Временное Правительство, просит принять уверение в полной готовности Академии и в дальнейшем, в подчинении Временному Правительству, честно служить, на благо дорогой родины, Православной Церкви и богословской науке, которая от своих корней питает и укрепляет духовно-нравственную жизнь многих десятков миллионов русских людей»¹⁴⁹.

В августе 1917 г. в Москве начал свою работу Поместный собор, на который были делегированы, в том числе и некоторые представители профессорско-преподавательской корпорации Императорской Петроградской духовной академии.

После избрания на патриаршество московского митрополита Тихона (Белавина), выпускника Санкт-Петербургской академии, совет 24 ноября 1917 г. принял следующее обращение к новоизбранному Святейшему Патриарху от лица Петроградской духовной академии: «Ваше Святейшество, Святейший Архипастырь и Отец. Провидению угодно было в мрачную годину тяжелых испытаний для нашей дорогой Родины и святой Матери-Церкви послать нам великое утешение в восстановлении, по разуму Священного Собора нашей Церкви, живого единоличного возглавления Российской Церкви в лице Святейшего Всероссийского Патриарха. С благоговением и сыновнею преданностью к устрояющей деснице Божией взирая на возвращение к нам исторически памятной для нас формы управления нашею Церковью, Петроградская Духовная Академия переживает особенную, только ей принадлежащую, радость, в виду избрания на высокое и многотрудное служение на Престоле Всероссийских Патриархов, в столь ответственную годину, близкого Академии по духу ее достославного питомца и Почетного Члена, в лице Вашего Святейшества. Памятуя безраздельную преданность Вашу воле Божией и Церкви в течение всего служения Вашего Церкви, Вашу всегда просвещенную проникновенность в учение и заветы Церкви, в ход и направление церковной и общественной жизни, Академия твердо уповает, что Ваше Святейшество, как опытный кормчий, найдете, при помощи Божией, должные силы и способы, чтобы провести в настоящее трудное время корабль Церкви среди обуревающих ее многообразных испытаний, чтобы внести успокоение и мир в души страждущего православного русского народа, вдохнуть, по примеру достопамятного предшественника Вашего на первосвятительском престоле святителя Ермогена, дух единения и братского согласия во всех сынах изболевшегося нашего Отечества, чтобы святое Православие и имя Русское, на радость грядущим потомкам нашим, снова воссияли на основе исконных устоев богохранимой Державы Российской. Да живет на веки неделимая Святая Русь! Да здравствует богоизбранный Патриарх всея России Тихон I-ый!

Как стоящая на чреде научного служения Св. Церкви и родине, родная Вашему Святейшеству Академия с особенным усердием молит Ваше Святейшество принять под свое первосвятительское покровительство нужды и потребности духовной науки и духовного просвещения – этих необходимых основ для дальнейшей жизни и преуспевания и Церкви и Отечества. Пусть Свет Христов, просвещающий всякого человека, грядущего

в мир, озарит своим сиянием Ваше первосвятительское служение и чрез Вашу Святыню всех нас – каждого в своем чину на ниве Господней!»¹⁵⁰.

Радость администрации, всех преподавателей и студентов академии по поводу избрания Российского патриарха была омрачена внешними обстоятельствами, связанными с военными действиями. Осенью 1917 г. возникла угроза нападения на Петроград. В связи с этим велись активные переговоры на предмет возможной эвакуации.

Первоначально местом предполагаемой эвакуации была выбрана Казанская духовная академия. По этому поводу велись активные переговоры с архиепископом Казанским и Свияжским Иаковом. В самой столичной академии активно готовились к переезду¹⁵¹. Чуть позже пунктом возможной эвакуации был намечен Харьков. В конечном итоге переезд не состоялся вообще.

26 января 1918 г. открывается новая и последняя глава в истории дореволюционной Петроградской духовной академии. Учитывая принятые новой государственной властью законы об отношениях церкви и государства, академия с начала нового года была лишена государственной материальной поддержки, и вопрос о выживании со всей остротой был поставлен на повестку дня.

Именно с этого момента, по совету комиссара Отдела высших учебных заведений Егорова¹⁵², начинается период активных переговоров с Петроградским университетом. Предполагалось присоединить духовную академию к государственному учебному заведению в качестве одного из факультетов¹⁵³. Со стороны ректора университета, проректора и деканов факультетов была выражена готовность «войти в более тесное научное взаимодействие с Петроградской Православной Духовной Академией»¹⁵⁴.

Для обсуждения вопроса о присоединении академии к университету была создана специальная комиссия, в состав которой вошли заслуженные профессора: А.И.Введенский от историко-филологического факультета, И.А.Ивановский от юридического факультета и Н.Я.Марра от факультета восточных языков¹⁵⁵. Со стороны академии для ведения переговоров были избраны епископ Анастасий, профессора С.М.Зарин, проф. И.С.Пальмов, В.С.Серебренников, Н.Н.Глубоковский и доцент И.М.Волков. В конечном итоге, к сожалению, этот проект по присоединению академии к университету так и не удалось осуществить.

29 мая 1918 г. в Петроград с архипастырским визитом прибыл Святейший Патриарх. 3 июня, в последний день своего пребывания в Петрограде, патриарх Тихон посетил духовную академию. В ответ на приветственную речь профессора протоиерея Петра Лепорского Святейший Патриарх обратился с ответным словом ко всем присутствующим профессорам, студентам и гостям:

“Достоуважаемый о. профессор, приветствуя меня, приглашал меня окунуться в святые воспоминания, связанные с академией.

Послушный его зову, я вспоминаю ныне, как 30 лет тому назад в воскресный день и почти в это же число я и мои товарищи, только что окончившие курс, получали напутственные в жизнь наставления ныне покойного ректора академии преосвященного Антония¹⁵⁶.

В настоящий раз я прихожу к вам в сей святой храм и храм науки не как первосвятитель Русской церкви, а как покорный сын, исполняющий свой долг по отношению к своей родной матери.

Покойный ректор, преосвященный Антоний, напутствуя нас, называл академию “матерью”. И, конечно, мы, здесь учащиеся, вскормленные и взлелеянные ее лаской и любовью, должны именоваться детьми, а ее именовать матерью.

Но, как я неоднократно говорил уже в своих беседах, никакая радость не бывает без печали. И моя радость при посещении академии растворяется со скорбью о тяжелом материальном ее положении. Оно мне хорошо известно, а вам, испытывающим его на себе, известно еще лучше.

Но я глубоко верю, что эта хмара русской жизни пройдет. Разойдется, исчезнет туманное облако, как в свое время оно прошло в лице Юлиана Отступника.

И я верю, что снова засияет Христос Бог наш, успокоит наши исстрадавшиеся души. Снова покроет Он Своим светом матушку академию.

Сие буди, буди...»¹⁵⁷.

Приезд Патриарха Тихона в академию стал последней надеждой на благоприятный исход из создавшегося тяжелейшего положения. Никто тогда и предположить не мог, что «хмара русской жизни» продлится не несколько лет, как в случае с Юлианом Отступником, а целые десятилетия.

6 июля (23 июня по ст. стилю) того же 1918 г. после тяжелой болезни скончался ректор академии епископ Анастасий. Это стало сильным и болезненным ударом для всей академической корпорации. С этого времени и вплоть до вынужденного закрытия академии обязанности ректора выполнял проректор профессор С.М.Зарин¹⁵⁸.

На новый курс 1918-1919 учебного года, согласно указу Св. Синода от 12/25 июня 1918 г. предполагалось принимать всех желающих воспитанников духовных семинарий, окончивших курс, как по первому, так и по второму разряду без вступительных экзаменов¹⁵⁹. Было подсчитано, что на содержание академии только в первом полугодии 1918-1919 учебного года минимум требовалось 282.571 руб. 26 коп.¹⁶⁰ На государственную поддержку рассчитывать было нельзя. Оставалась одна только надежда на высшую церковную власть.

На очередном заседании совета академии 12 декабря (29 ноября) 1918г. был рассмотрен «указ Святейшего Патриарха, Святейшего Синода и Высшего Церковного Совета от 19 октября – 1 ноября 1918 года за №675, о невозможности для Высшего Церковного Управления ассигнования с 1919 года средств на содержание Академий»¹⁶¹.

Этот указ стал смертельным приговором для столичной духовной академии. Заседание совета оказалось последним. Незадолго до этого, академия практически полностью потеряла свое здание, которое явно незаконным путем власти реквизировали для детского приюта¹⁶². Часть преподавателей временно или навсегда покинула Петроград, некоторым удалось устроиться на работу в Публичную библиотеку¹⁶³.

Положение профессоров духовной академии после принятия устава 1869 г. стало гораздо более стабильным, если сравнить его с предыдущим периодом. Быстрые перемещения, конечно, случались и сейчас, но значительная часть профессоров преподавали уже не два-три года, а, как правило, два-три десятилетия. Это не могло не сказаться положительным образом на образовательном процессе.

Важным пунктом устава 1869 г., способствовавшим развитию русской богословской науки, стало требование к преподавателям академии писать и защищать научные диссертации на соискание ученых магистерских и докторских степеней.

Защита магистерских диссертаций согласно уставу 1869 г. должна была проходить публично, согласно уставам 1884 г. и 1910 г. – на коллоквиумах. Докторские диссертации до 1884 г. защищались публично, после принятия «победоносцевского» устава – на закрытых заседаниях академических советов на основании двух отзывов рецензентов.

Всего в период с 1869 по 1918 гг. степени магистра богословия были удостоены 100 человек. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что защиты проводились и в 1917 и 1918 гг. До 1884 г. магистерские степени присуждались советом академии, а утверждались указом правящего епархиального архиерея. После 1884 г. ученые степени магистра богословия присуждались советом академии, а утверждались Св. Синодом. В период действия временных правил духовной академии, с 25 января 1906 г. по 3 февраля 1909 г., а также с 8 мая 1917 г., когда в силу вступили новые временные правила, замененные 21 июля 1917 г. временным уставом, магистерские степени, как, впрочем, и докторские, присуждались и окончательно утверждались самими академическими советами.

Всего в период с 1869 г. по 1917 г. (в 1918 г. докторские степени не присуждались) было присуждено 39 докторских степеней, из них 7 за совокупность научных трудов, остальные 32 за представленные диссертации. Кроме того, профессор М.И.Каринский в 1880 г. был удостоен степени доктора философии на философском факультете Санкт-Петербургского университета за диссертацию «Классификация выводов».

Традиция присуждать докторские степени «за совокупность трудов» не приветствовалась Св. Синодом. Однако, несмотря на то, что подобные случаи встречались нередко, тем не менее, отказов в утверждении со стороны Синода практически не было.

В СПбДА докторские степени за совокупность научных трудов были присуждены, в частности, епископу Феофану (Говорову), архиепископу Тверскому и Кашинскому Димитрию (Самбикину), проф. В.В. Болотову и др. Особенно выделяется в списке из 7 человек, получивших докторскую степень «по совокупности» Василий Васильевич Болотов, человек, который еще при жизни стал легендой.

Не только в России, но и на Западе в научных кругах были широко известны блестящие лингвистические и математические способности В.В.Болотова, его удивительная работоспособность, его блестящая магистерская работа об Оригене и изумительные разработки по истории негреческого христианского Востока. Его деятельность подтверждала церковную актуальность работы историка, что проявилось в решении Болотовым вопроса о чиноприеме сиро-персидских несториан, воссоединившихся с Православною Церковью в 1898 г. В этом контексте стоит также упомянуть его аргументированные суждения по календарной проблеме и, ставшие классическими, его тезисы о Filioque.

Являя вершину русской богословской науки, будучи гордостью Санкт-Петербургской духовной академии, Василий Васильевич на протяжении практически всей своей жизни был всего лишь магистром богословия. Некоторые уже его ученики удостоивались докторских степеней, а «учитель» упорно не шел наверх. На это были свои причины...

И вот однажды В.В.Болотов должен выступить в качестве рецензента у соискателя докторской степени, профессора СПбДА А.И.Садова, который представил диссертацию «Древне-христианский церковный писатель Лактанций». Василий Васильевич прочел работу общим объемом около 300 страниц и представил отзыв объемом более 100 страниц. Для всех членов совета, которым пришлось собираться несколько раз, чтобы выслушать отзыв полностью, было очевидно, что данная рецензия сама по себе уже являлась оригинальным богословским исследованием, которое существенно дополнило диссертацию соискателя.

Этот эпизод стал последней каплей и в 1896 г. В.В.Болотов советом академии был удостоен степени доктора церковной истории «за выдающиеся ученые труды в области церковно-исторической науки». По свидетельству проф. П.Н.Жуковича, В.В.Болотов, экстраординарный профессор с 24 октября 1885 г., сам не искал докторской степени. «Да и что могла прибавить докторская степень к его ученой славе. И без этой степени он давно уже был и для Академии и для всех ученых кругов – как бы прирожденный доктор. Но самая докторская степень как бы принижалась тем, что ее не имел Василий Васильевич»¹⁶⁴.

В своей научной деятельности В.В.Болотов «поставил принципом для себя – выступать в печати только с тем, что представляет нечто совершенно новое в науке, или, по крайней мере, поправку к старому, и до конца неуклонно держался этого принципа»¹⁶⁵.

Однако, не стремясь быть популяризатором науки, В.В.Болотов раскрылся с этой стороны дела именно в своих академических лекциях по древней церковной истории, которые он читал в течение 20 лет. Один из слушателей оставил свои воспоминания об этих лекциях: «Самым блестящим профессором в мое время (начало 1890-х гг. – Д.К.) был, бесспорно, Вас. Вас. Болотов. Обладавший колоссальной эрудицией по всем, кажется отраслям знания, не исключая и математики, и поразительную глубиной и

оригинальностью критической мысли, пользовавшейся почетною известностью среди заграничных, особенно немецких ученых, богословов и историков, этот профессор – аскет, кажется не знал и не признавал никаких удовольствий и радостей жизни, кроме тех, какие дает наука и религия. Мастерство его анализа и обширность знаний поражали нас»¹⁶⁶.

Хотя В.В.Болотов никогда не собирался издавать свои лекции, согласно указанному выше принципу, тем не менее, в 1907-1917 гг. в качестве приложения к академическому журналу «Христианское чтение» его лекции все же увидели свет. Произошло это благодаря, действительно, титаническим трудам ученика и преемника В.В.Болотова по кафедре церковной истории Александра Ивановича Бриллиантова¹⁶⁷.

Скончался В.В. Болотов 5 апреля 1900 г., что стало невосполнимой потерей для всего студенчества и профессорско-преподавательской корпорации Санкт-Петербургской духовной академии¹⁶⁸. Последними словами Василия Васильевича были: «Как прекрасны последние минуты! Иду ко кресту! Христос идет!»¹⁶⁹.

Достижения кафедры Священного Писания Нового Завета Санкт-Петербургской духовной академии в полной мере ассоциируются с именем профессора Николая Никаноровича Глубоковского, которого часто из всех профессоров дореволюционной академии ставят вторым после В.В.Болотова. Недаром, даже в настоящее время в актовом зале духовной академии находятся только два портрета профессоров дореволюционной школы – В.В.Болотова и Н.Н.Глубоковского.

Не без проблем в 1891 г. Н.Н.Глубоковский занял кафедру Нового Завета в столичной академии, с которой связал свою жизнь на весь последующий период вплоть до 1918 г. Впоследствии ему неоднократно предлагали гораздо более выгодное место в университете. В 1891 г. Н.Н.Глубоковский был утвержден в качестве доцента. 11 октября 1894 г. был утвержден в должности экстраординарного профессора. С 28 января 1898г. – доктор богословия за диссертацию «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское исследование». С 28 января 1898 г. – ординарный, с 16 января 1916 г. – заслуженный ординарный профессор.

После закрытия академии Н.Н.Глубоковский эмигрировал в Болгарию, где и скончался в 1937г., оставив после себя колоссальное наследие в области библеистики, церковной истории. По словам современного исследователя, Николай Никанорович, ставший гордостью духовной школы России, «был одним из самых выдающихся православных богословов своего времени, соединившим христианскую ортодоксальность с научными методами европейского просвещения»¹⁷⁰.

Многие наработки и результаты научно-исследовательской деятельности проф. Н.Н.Глубоковского актуальны и для нашего времени. Так, иеромонах Петр (Еремеев), в предисловии к изданию, посвященному Николаю Никаноровичу, отмечает: «Доктор богословия Московской духовной академии, заслуженный ординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии, член-корреспондент Российской и Болгарской академий наук, лауреат различных премий Н.Н.Глубоковский по праву признан одним из наиболее авторитетных ученых-богословов первой половины XX века. Его труды по Новому Завету, истории Церкви и патрологии снискали славу автору как в России, так и за рубежом. И в наше время ученые изыскания Николая Никаноровича не утратили актуальности, некоторые его исследования до сих пор остаются непревзойденными»¹⁷¹.

Николай Никанорович для Санкт-Петербургской духовной академии был «чужаком», т.к. закончил Московскую духовную академию. По сложившейся же в духовных академиях традиции преподавателями, как правило, становились собственные выпускники. Исключения случались крайне редко. Но в данном случае это «исключение» стало весьма удачным.

Наряду с такими выдающимися столпами русской богословской науки, каковыми являлись В.В. Болотов и Н.Н. Глубоковский, в академии трудилось много других

известных церковных ученых, каждый из которых заслуживает, конечно же, особого внимания.

Родоначальником и вдохновителем исследований по истории Византии в Санкт-Петербургской академии явился Иван Егорович Троицкий († 1901г.), блестящий богослов и церковный историк, учитель В.В. Болотова. Вот что пишет о Троицком – «ипате византологов» – профессор И.И. Соколов: «Имя этого ученого окружено ореолом высокой талантливости, беззаветной любви к греческому востоку, превосходным знанием его языка и истории, изумительным пониманием основных задач византиноведения и необыкновенною продуктивностью в научных работах этой отрасли знания»¹⁷². Иван Егорович, по мнению современников, сделал для византиноведения так много, что его почтенное имя всегда должно стоять в первом ряду византологов Востока и Запада.

С 1874 г. и вплоть до 1918 г. церковную археологию и литургику в СПбДА преподавал тайный советник, директор Петроградского археологического института, основатель академического церковного музея, автор многочисленных монографий и учебных пособий по церковной археологии, заслуженный ординарный профессор Николай Васильевич Покровский¹⁷³.

В 1905 г. патрологию в академии стал преподавать Николай Иванович Сагарда, сразу же обратив на себя внимание, как специалистов, так и студентов. В 1910 г. на новую вторую кафедру по патрологии совет академии избрал брата Н.И.Сагарды – Александра Ивановича, которому суждено было еще некоторое время преподавать в Ленинградской духовной академии. Свидетельством того, что выбор академии был удачным, являются современные переиздания лекций, отдельных исследований и статей двух братьев-патрологов.

Профессор кафедры «Истории православной Греко-восточной Церкви от разделения церквей до настоящего времени» Иван Иванович Соколов для СПбДА стал очередным удачным исключением из числа «чужаков». Выпускник Казанской духовной академии занимал кафедру церковного византиноведения в столичной академии с момента ее открытия. За это время он стал хорошо известен не только в России, но и на греческом Востоке.

Профессор кафедры «Всеобщая гражданская история» Александр Павлович Лопухин гораздо больше известен своей издательской деятельностью. Именно А.П.Лопухин сумел в критический момент оживить и вывести на надлежащий уровень академические журналы «Церковный вестник» и «Христианское чтение», инициировав издание в качестве приложения к ним полного собрания творений святителя Иоанна Златоуста. Его инициативы на посту редактора журнала «Странник» по подготовке и изданию «Толковой Библии» и «Православной энциклопедии» стали знаменательными событиями в церковной жизни начала XX века.

Именно в Санкт-Петербургской академии получал образование и делал первые шаги в области церковно-исторической науки автор известных «Очерков по истории Русской Церкви» и «Вселенских соборов» Антон Владимирович Карташев. Заняв кафедру «История Русской Церкви» в 1901 г., А.В.Карташев явил научному миру блестящие таланты и способности. Однако эрудиция и активная церковно-общественная деятельность молодого и перспективного ученого пришлась «не ко двору» и в 1905 г. исполняющий должность доцента вынужден был покинуть свою alma-mater, чтобы прославить ее уже в эмиграции в качестве профессора Парижского Свято-Сергиевского православного богословского института своими многочисленными глубокими сочинениями.

Особого внимания заслуживает также научно-исследовательская и преподавательская деятельность и многих других профессоров столичной высшей богословской школы: протопресвитера Евгений Аквилонова по кафедре введения в круг богословских наук, Тимофея Васильевича Барсова по кафедре канонического права, Александра Ивановича Бриллиантова по кафедре истории древней церкви, Владимира

Николаевича Бенешевича по кафедре канонического права, Александра Александровича Бронзова по кафедре нравственного богословия, Ивана Евсеевича Евсеева по кафедре церковнославянского языка и палеографии, Феодора Герасимовича Елеонского по кафедре библейской истории, Платона Николаевича Жуковича по кафедре русской гражданской истории, Сергея Михайловича Зарина по кафедре Священного Писания Нового Завета, Ивана Алексеевича Карабинова по кафедре литургики, Михаила Ивановича Каринского по кафедре истории философии, Александра Львовича Катанского по кафедре догматического богословия, Владимира Ивановича Ламанского по кафедре русского и церковно-славянского языка и истории русской литературы, Михаила Осиповича Кояловича по кафедре русской гражданской истории, протоиерея Петра Лепорского по кафедре догматического богословия, Николая Константиновича Никольского по кафедре истории русской церкви, Ивана Федоровича Нильского по кафедре истории и обличения русского раскола, протоиерея Михаила Орлова по кафедре греческого языка, Иван Саввича Пальмова по кафедре истории славянских церквей, протоиерея Александра Рождественского по кафедре Священного Писания Ветхого Завета, Виталия Степановича Серебrenикова по кафедре психологии, Николая Афанасьевича Скабалановича по кафедре новой гражданской истории, Петра Семеновича Смирнова по кафедре истории и обличения русского раскола, протоиерея Сергия Соллертинского по кафедре педагогики, Бориса Васильевича Титлинова по кафедре истории русской церкви. Это далеко не полный список выдающихся ученых-специалистов, которые трудились в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже веков.

Профессора столичной академии принимали активное участие в церковно-общественной жизни страны. Особого внимания заслуживают Религиозно-философские собрания 1901-1903 гг., которые стали «встречей» русской богоискательной интеллигенции и Православной Церкви, своеобразным ответом на возросший интерес части интеллигенции к религиозно-философским вопросам¹⁷⁴. Из числа преподавателей СПбДА в собраниях принимали участие ректор епископ Сергей (Страгородский), профессор протоиерей Евгений Аквилонov, проф. А.И.Бриллиантов, А.В.Карташев, протоиерей Петр Лепорский, иеромонах Михаил (Семенов), профессор протоиерей Тимофей Налимов, профессор протоиерей Сергей Соллертинский, В.В.Успенский.

В 1906 г. профессора прот. А.П.Рождественский, Н.Н.Глубоковский, И.И.Соколов, проф. А.И. Бриллиантов приняли участие в работе Предсоборного Присутствия¹⁷⁵. В работе Поместного собора Русской Православной церкви 1917-1918 гг. принимали участие А.И.Бриллиантов, П.Н. Жукович, И.А.Карабинов, прот. П.И.Лепорский, прот. А.П.Рождественский, И.И.Соколов, И.П.Соколов, Б.В.Титлинов¹⁷⁶.

Кроме того, некоторые наставники столичной академии сами проводили богословские чтения. Так, в начале XX века в Санкт-Петербурге некоторые православные общества устраивали общедоступные богословские чтения на нравственно-религиозные темы для всех слоев населения. Главными лекторами на подобных собраниях были профессора духовной академии и наставники семинарии, а также наиболее образованные и деятельные священнослужители столицы.

В первой половине 1900-1901 учебного года преподаватели СПбДА проводили специальные беседы – богословские чтения – для образованных слушателей в зале Императорского Российского общества спасения. Так, 29 октября состоялось первое публичное чтение инспектора академии архимандрита Сергия (Страгородского) о христианской нравственности на тему: «О нравственности вообще»¹⁷⁷. На чтении присутствовало около 200 человек¹⁷⁸. На следующем заседании, которое состоялось 5 ноября, лекцию прочитал член Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры архимандрит Иннокентий на тему: «Нравственность и благочестие». На этот раз чтение посетило около 300 человек¹⁷⁹. Далее, в период с 12 ноября 1900 г. по 14 января 1901 г., состоялось чтение еще восьми лекций. Среди лекторов можно назвать также ректора

Санкт-Петербургской духовной семинарии архимандрита Сергия (Тихомирова), профессора СПбДА протоирея Сергия Соллертинского.

Инициатором подобного рода чтений выступило Православное благотворительное Общество ревнителей веры и милосердия, которое и в последующие годы успешно продолжало свою деятельность. Особой популярностью пользовались чтения и лекции профессоров А.А.Бронзова и И.Г.Троицкого, а также архимандрита Михаила (Семенова).

Для развития богословской науки очень важны были научные командировки преподавателей и профессорских стипендиатов за границу. Во второй половине XIX – начале XX вв. профессора и студенты Санкт-Петербургской академии неоднократно совершают такие поездки, как в европейские университеты, так и на греческий Восток. Вообще командировки «были разными по продолжительности, направлениям, одни из них совершались по заданию Советов академии и с конкретной целью, другие инициировались самими преподавателями. С обоснованием необходимости посещения тех или иных мест, библиотек, архивохранилищ. Совершались и самостоятельные поездки преподавателей за границу- с паломнической или экскурсионной целью, но для служителей науки они всегда были не праздными, но связанными с их научными интересами»¹⁸⁰.

Одна из первых заграничных командировок преподавателей СПбДА состоялась в 1871-1872 учебном году. В ходе этой поездки доцент по кафедре метафизики М.И. Каринский посетил университеты Германии и ознакомился там с состоянием преподаваемой им дисциплины. По возвращении Каринский в виде отчета издал в 1873 г. сочинение «Критический обзор последнего периода Германской философии».

Профессор Николай Васильевич Покровский неоднократно совершал заграничные поездки на Афон, в Грецию и некоторые города Западной Европы. Почтенный ученый знакомился с древними памятниками византийской богослужебной письменности и византийской иконографии, с порядком и отличительными особенностями греческого богослужения и церковного пения. Вообще, надо сказать, что археологии, в том числе и церковной, очень повезло в дореволюционный период. Начиная с 1869 г. раз в три года в разных городах Российской империи проходили Всероссийские археологические съезды¹⁸¹, что давало возможность археологам-специалистам не только часто встречаться, что немаловажно, но и своевременно знакомиться с последними достижениями и открытиями в своей области. Ни одна другая богословская или церковно-историческая дисциплина не могла похвастаться такими возможностями.

С 15 августа 1892 г. по 15 августа 1893 г. в заграничной командировке находился и.д.доц. по кафедре психологии Виталий Степанович Серебренников¹⁸². В течение года он ознакомился с институтами экспериментальной психологии в Лейпциге, Геттингене, Париже, Бонне, Гейдельберге и Берлине. После возвращения В.С.Серебренников открыл в академии в одной из аудиторий собственную «Психологическую семинарию» или кабинет при своей кафедре, который пользовался большой популярностью среди учащихся.

Профессор по кафедре истории православных славянских церквей И.С.Пальмов также часто отправлялся в заграничные командировки, результатом которых стала защита в 1904 г. докторской диссертации на тему: «Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия»¹⁸³.

Профессор византологии И.И.Соколов в начале XX века регулярно посещал греческий Восток. Плодами этих поездок были не только серьезные монографии по истории, как древней византийской церкви, так и современного положения православных греков на территории балканского полуострова и Малой Азии. Другим важным итогом этих поездок было установление тесных контактов с греческими иерархами и представителями греческого ученого мира. Так, например, когда в феврале 1913 г. в Санкт-Петербург с визитом прибыл Антиохийский патриарх Григорий IV, то он посетил не только духовную академию, но и отдельно профессора И.И.Соколова на его квартире¹⁸⁴. А двумя годами раньше, в 1911 г., состоялась защита магистерской диссертации грека

Григория Папамихаила «Святой Григорий Палама, архиепископ Фессалоникский» («Ο άγιος Γρηγόριος Παλαμάς»). Причем работа была представлена на греческом языке. Все это свидетельствовало, по словам того же профессора Соколова, что авторитет столичной академии велик за границей: «Надо видеть в факте появления этой диссертации результат научного влияния нашей Академии и на греческий Восток»¹⁸⁵.

Большим шагом в деле изучения греческого Востока стало учреждение в Константинополе Русского археологического института (РАИК), куда, начиная с 1902 г. стали приглашать, в том числе и профессорских стипендиатов из русских духовных академий¹⁸⁶. Из Санкт-Петербургской академии в Константинополь были отправлены всего 4 профессорских стипендиата: в 1903-1904 г. – И.А.Карабинов, в 1911-1912 уч.г. – А.Г.Степанов и А.Н.Акимов, в 1914 г. – А.И.Иванов¹⁸⁷. Причем последний впоследствии преподавал в возрожденных Ленинградских духовных школах.

Некоторые ученые отмечали особую близость именно Санкт-Петербургской академии на протяжении первого столетия ее существования к православному греческому Востоку. «В то время как академия киевская стояла на страже интересов православия московская сосредоточила свою деятельность на разработке внутренних церковно-богословских вопросов, возникавших в связи с общим ходом духовного просвещения в нашем отечестве, в то время как академия казанская выдвинула на первый план своей деятельности миссионерские задачи в отношении к иноверцам восточной Руси, - в это самое время академия петербургская завязала сношения с учеными греческими и привлекла их, особенно на первых порах своей деятельности, к служению академической науке, посвятила свои научные силы и труды на специальное исследование истории православного греческого Востока и на разработку вопросов церковной византологии и неозллинизма, принимала участие в сношениях русской Церкви с автокефальными церквами греческого Востока, и вообще всегда с живым интересом относилась и к прошлой истории, и к современному состоянию православного греческого Востока и находилась в постоянном церковно-научном с ним общении. Так в петербургской академии создавалась особая эллинско-византологическая традиция, которая до некоторой степени характеризует деятельность этой академии сравнительно с историческим значением других русских академий и является одним из отличительных признаков первого века ее исторического существования»¹⁸⁸.

Выше уже отмечалось, что именно в СПбДА был осуществлен перевод многочисленных сочинений византийских историков. Однако переводческая деятельность профессоров столичной академии была гораздо шире.

Важным событием в церковной истории в XIX веке стало издание Синодального перевода Библии на русский язык в 1876 г. Начало этому переводу было положено еще во втором десятилетии XIX столетия, когда в империи действовало Российское Библейское общество (1812-1826 гг.). Тогдашний ректор академии архимандрит Филарет (Дроздов) и ряд преподавателей активно включились в деятельность новообразованного общества. Как известно, в 1821 г. на русском языке был издан Новый Завет, и тогда же началась работа по переводу книг Ветхого Завета. В 1826 г. общество было закрыто, и вынужденный перерыв продолжался вплоть до 1858 г., когда после длительного обсуждения в Св. Синоде вопрос о возобновлении перевода Св. Писания на русский язык был решен положительно. В деле перевода приняли участие профессора всех четырех академий. Подготовленные переводы рассматривались в особых Комитетах при академиях, публиковались в академических журналах и обсуждались на заседаниях Св. Синода. «При этом роль СПбДА можно охарактеризовать как ведущую. Первенствующее значение СПбДА определялось наличием в ее составе крупнейших научных сил, взявших на себя общую координацию и главную часть работы, особым положением СПбДА как академии столичной, а также ее историческим приоритетом в области библейских переводов»¹⁸⁹.

В 1911 г. совет СПбДА принял на рассмотрение доклад профессора И.Е.Евсеева о научном издании славянского перевода Библии¹⁹⁰. В качестве аргумента о важности и необходимости этого издания был приведен тот довод, что в то время как многие общества занимаются изданием церковных памятников, академия, по причине отсутствия материальных средств, но одновременно с этим обладая большими научными ресурсами, ничего не может исправить в этом направлении вот уже долгое время. По мнению Евсеева, несмотря ни на что, славянская Библия должна быть издана «не сторонними учреждениями – филологическими, археологическими или иностранными учеными библейскими обществами, а единственным в России по положению духовным ученым установлением – Духовной Академией»¹⁹¹. Согласно проекту и подсчетам Евсеева на издание славянской Библии понадобилось бы как минимум 60 лет и сумма в 80.000 руб.¹⁹²

Св. Синод в 1912 г. одобрил данный проект, и столичной академии была предоставлена возможность осуществить научное издание славянского текста Библии¹⁹³. После некоторых подготовительных мероприятий была образована Комиссия по научному изданию славянской Библии, торжественное открытие которой состоялось 28 января 1915 г. Из числа профессоров Петроградской духовной академии в нее вошли епископ Анастасий (Александров), С.М.Зарин, И.С.Пальмов, И.Г.Троицкий, А.П.Рождественский, И.Е.Евсеев, прот. А.В.Петровский, доц. свящ. В.И.Зыков и лектор Ф.А.Мартинсон¹⁹⁴. Также в состав Комиссии вошли 8 человек из МДА, 8 – из КДА, 14 частных лиц из Петрограда, 8 – из Москвы, а также по несколько человек из Варшавы, Казани, Харькова, Нежина, Одессы. Всего в состав комиссии было включено 58 человек¹⁹⁵.

Одно из первых заседаний новообразованной Комиссии состоялось 12 февраля 1915 г. в помещении общества любителей древней письменности, под почетным председательством графа С.Д.Шереметева. Профессор И.Е.Евсеев сделал доклад о Библии Иоанна Грозного¹⁹⁶. 6 марта на очередном заседании под председательством ректора академии епископа Анастасия был принят ряд постановлений касательно устройства экономической части комиссии и печатания предварительных материалов для обработки научного текста Библии в виде отдельных списков библейских книг¹⁹⁷.

Комиссия ходатайствовала перед советами духовных академий о назначении профессорами для курсовых студенческих сочинений тем из области исследования библейского славянского текста¹⁹⁸. Результаты курсовых работ предполагалось использовать в научных целях. В дальнейшем заседания Комиссии проходили менее регулярно. Собрания продолжались вплоть до 1921 г., когда скончался главный «идеолог» всего дела по научному изданию славянской Библии профессора И.Е.Евсеев¹⁹⁹.

В 1873 г. редакция академического журнала «Христианское чтение» приступила к переводу и изданию на русском языке восточных и западных литургий. Всего с 1874 по 1878 гг. вышло 5 сборников²⁰⁰.

В 1906 г. благополучно завершилось второе издание полного собрания творений свт. Иоанна Златоуста в 12 томах, которое было начато в 1895г. Каждый том творений выходил в качестве дешевого (по сравнению с розничной ценой) приложения к академическим журналам «Христианское Чтение» и «Церковный Вестник». Новый перевод и издание творений свт. Иоанна было предпринято и осуществлено профессором А.П.Лопухиным для увеличения числа подписчиков на издания академии.

После осуществления этого грандиозного десятилетнего проекта святитель Иоанн Златоуст стал еще одним покровителем столичной богословской школы. В 1907 г. весь православный мир праздновал 1500-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста. Санкт-Петербургская духовная академия по вполне понятным причинам решила особым образом отметить этот юбилей. Празднование состоялось 12 и 13 ноября 1907 г. в день памяти великого святителя²⁰¹. 12 ноября было совершено всенощное бдение, во время которого, а также и на следующий день после молебна молящимся было роздано бесплатно 1000 книжек «Избранных творений св. Иоанна Златоуста» (Изд. СПбДА, 1907г.). Книги

раздавались не только в академическом храме, но в других церквях города. 13 ноября после Божественной литургии в актовом зале академии состоялось торжественное собрание. На акте среди высоких гостей присутствовали митрополиты Московский Владимир и Киевский Флавиан, а также обер-прокурор Св. Синода П.П.Извольский. На торжественном собрании были заслушаны речи профессоров А.И.Пономарева²⁰², Н.И.Сагарды²⁰³ и протоиерея Сергия Соллертинского.

Полное собрание сочинений свт. Иоанна на русском языке было преподнесено в качестве подарка императору Николаю II. 19 января 1908 г. на заседании совета было получено уведомление митрополита Антония (Вадковского) о том, что 16 ноября 1907 г. император принял для своей библиотеки дар академии и «Всемиловнейшее повелеть соизволил “Академию благодарить”»²⁰⁴.

Закончив в 1906 г. издание «Полного собрания творений свт. Иоанна Златоуста», редакция академических журналов в 1907 г. приступила к изданию полного собрания творений прп. Феодора Студита в русском переводе. Все издание было осуществлено в двух томах – каждый от 50 до 60 печатных листов (ок. 800-1000 страниц убористого шрифта). В 1907 г. вышел первый том, второй в следующем 1908 г. Оба тома редактировал проф. И.И.Соколов.

После этого на время была сделана пауза и в 1909-1910 гг. академические журналы выходили без приложений. В 1911-1912 гг. в качестве приложения был издан канонический труд епископа Далматинско-Истрийского Никодима (Милаша) «Правила Православной церкви с толкованиями». В 1913 г. редакция приступила к изданию «Полного собрания творений святого Иоанна Дамаскина». Однако до войны успели выпустить только один том.

Благодаря активной деятельности протоиерея Иоанна Янышева на рубеже 1860-1870-х гг. удалось реанимировать полуживой академический журнал «Христианское чтение». В издании появились новые отделы, такие как «Обозрение внутренней жизни», «Вести с Востока», «Летопись заграничной жизни» и др. Ученый академический орган стал выразителем не только строгой науки, но и текущей жизни. Вскоре появилась идея создать наряду с ежемесячным сугубо богословским журналом и еженедельное издание. После необходимой подготовительной работы в 1875 г. при академии вышел первый номер еженедельного церковно-общественного и публицистического журнала «Церковный вестник»²⁰⁵.

На рубеже веков в 1900 г. в одном из церковных журналов было отмечено: «В главе академических журналов по праву нужно поставить старейший орган духовной периодической печати – маститый журнал столичной духовной академии «Христианское Чтение», которое в удачном сочетании с «Церковным Вестником» счастливо умеет разрешать задачу одновременного удовлетворения и требованиям строгой науки и запросам современной церковно-общественной жизни»²⁰⁶. Журнал «Христианское Чтение» получил даже прозвище – «ветеран духовной печати»²⁰⁷.

1915 г. был последним годом существования «Церковного Вестника» как журнала Санкт-Петербургской духовной академии. В последнем номере (№40-52), вышедшем 24 декабря 1915 в обращении редакции к подписчикам было отмечено: «По независимым от Редакции обстоятельствам, журнал “Церковный Вестник”, издававшийся при Императорской Петроградской Духовной Академии, прекратил свое существование. Духовно-академическая печать понесла утрату, которую не может восполнить ни один из существующих ныне еженедельников духовной прессы. “Церковный Вестник”, как орган академический, был единственным церковно-публицистическим журналом, где давалось академическое, строго-объективное освещение всех современных церковно-общественных вопросов по существу и где наряду с общедоступной популярностью формы всегда сохранялся серьезный, научно-беспристрастный академический тон»²⁰⁸.

Журнал «Церковный вестник» был отдан Миссионерскому отделу при Св. Синоде, при котором и выходил в 1916 и частично в 1917 гг. Что же касается «Христианского

чтения», то журнал продолжал выходить и в 1917 г. Этот год стал последним перед длительным перерывом. Возродить издание «Христианского Чтения» как органа богословской науки СПбДА удалось уже только в 1990-1991 гг.

Публикация научных и публицистических статей в разных, в том числе и академических журналах давала возможность профессорам академии зарабатывать отдельно от выплачиваемого им жалования. Кроме того, на рубеже веков во всех духовных академиях существовали наставнические денежные премии, которые вручались за опубликованные ученые труды. Премии учреждались, как правило, частными состоятельными лицами. Учредитель определял в банк определенный капитал или покупал облигации государственного займа, процентные поступления от которых за два или три года и составляли сумму премии²⁰⁹.

При Санкт-Петербургской духовной академии в разное время были также учреждены 6 наставнических премий за лучшие сочинения по богословским дисциплинам и учебные пособия: митрополита Макария (Булгакова), митрополита Санкт-Петербургского Григория (Постникова), Василия и Марии Чубинских, статского советника Стаховского, архиепископа Агафадора (Преображенского), титулярного советника И.А.Покровского.

Денежные премии вручались ежегодно. Как правило, заявления подавались в самом начале учебного года. Далее рассмотрение представленных сочинений поручалось другим профессорам академии, которые спустя два-три месяца представляли свои отзывы. Само присуждение премий проходило в январе или начале февраля.

Довольно часто на соискание той или иной премии выдвигались сочинения, которые первоначально представлялись на соискание научных степеней магистра или доктора богословия. Так, за период с 1889 по 1918 гг. из общего количества премированных сочинений (65 премий) 35 представляли собой работы на соискание научных степеней.

Размер денежной премии в среднем колебался от 300-400 до 1000 руб. Учитывая, что с 1869 г. и вплоть до 1917 г. размер жалования оставался неизменным и составлял в год у доцента духовной академии 1.200 р., у экстраординарного профессора – 2000 р., у ординарного профессора – 3000 р., то та или иная премия в среднем размере 600-800 р. служила существенным пособием и стимулом проводить научные изыскания, тратить свое небольшое свободное время и силы на написание отдельных монографий.

Изменение политической ситуации в стране в середине XIX века, введение нового устава 1869 г. способствовало увеличению желающих получить образование в Санкт-Петербургской духовной академии. С 1869 по 1872 гг. в академии числилось 129 студентов; в 1873 г. их уже 137; в 1874 г. – 143; в 1875 г. – 157; в 1876 г. – 171; в 1877 г. – 165; в 1878 г. – 187; в 1879 г. – 199; в 1880 г. – 233; в 1881 г. – 287; в 1882 г. – 327; в 1883 г. – 392 студента²¹⁰.

Значительное увеличение числа учащихся, при наличии всего 120 штатных мест, привело к тому, что все, кто не попадал в число первых 30-ти при сдаче вступительных экзаменов согласно общему итоговому списку, должны были оплачивать свое образование самостоятельно. Таким образом, все студенты делились на казенно- и своекоштных. Своєкоштные студенты ежегодно за образование платили 225 руб.²¹¹ В 1908 г., в связи с удорожанием жизни в столице, плата за обучения возросла до 300 руб. в год²¹².

Для оказания помощи нуждающимся своекоштным студентам в 1877 г. при академии было создано «Общество вспомоществования недостаточным студентам Санкт-Петербургской духовной академии»²¹³. В дальнейшем подобные общества были учреждены и при других академиях.

Кроме того, в академии для малообеспеченных воспитанников регулярно учреждались на средства жертвователей стипендии, общее число которых к 1915 г. составило 47. Пожертвования поступали от бывших студентов и даже целых курсов,

иногда и вовсе посторонних лиц. Часто назначение стипендий поручалось на усмотрение совета академии. Практически все стипендии адресовались лучшим по образованию и воспитанию воспитанникам.

С середины XIX века в русские духовные школы начали поступать и иностранцы. В СПбДА в основном поступали студенты из славянских стран, греки. Количество поступающих иностранцев также разнилось, в среднем – 3-4 человека в год, хотя бывали и исключения. Например, в 1900 г. на I курс было принято сразу 9 студентов-иностранцев: 2 грека, 2 серба, 2 болгарина, 1 галичанин, 1 сирохалдейский и 1 славяно-македонский уроженец²¹⁴.

Климатические условия, надо сказать, играли не последнюю роль при распределении студентов, поступающих в русские духовные академии. Практически все они направлялись в Киевскую, часть – в Московскую духовные школы. Некоторые студенты-иностранцы, которые все же поступали в столичную академию, впоследствии из-за сурового климата и по состоянию здоровья вынуждены были переводиться в Москву или Киев.

Одним из выдающихся выпускников СПбДА, получившим полноценное образование в академии был будущий патриарх Сербской Православной Церкви Варнава (в миру и в годы учебы Петр Росич). Также СПбДА может в праве гордиться своими «временными» студентами – св. Николаем Жичским²¹⁵ и прп. Иустином (Поповичем). Первый посетил академию в 1909 г., а второй приехал на учебу в 1916 г., но покинул ее в 1917 г. в связи с революционными событиями²¹⁶.

Что касается учебного процесса в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже веков, то здесь сложилась своя особая традиция. Курс каждого предмета распался на два года, поэтому экзамен по одной и той же дисциплине приходилось сдавать дважды. Учитывая общее довольно большое количество предметов, многие студенты и сами профессора указывали на проблему многопредметности академического курса²¹⁷. Так, после введения устава 1884 г. к началу нового столетия вместо 25 академических предметов студент должен изучить и сдать уже около 45 дисциплин.

Форма преподавания была лекционной. В конце учебного года делалась литография курса, по которой студенты сдавали экзамен. По уставу 1869 г. литографирование лекций за редким исключением не поощрялось. С принятием нового устава 1884 г. сложилась ситуация, когда отсутствие литографированного курса лекций часто приводило если не к срыву самого экзамена, то к его перенесению на другое число. Так, 3 мая 1907 г. на заседании совета академии рассматривалось дело о перенесении экзамена из-за задержки в литографии лекций по Св. Писанию Ветхого Завета. Было определено передвинуть экзамен по данному предмету с 4 апреля на 5 июня²¹⁸.

Некоторые преподаватели не ограничивались только теоретическим изложением материала по своим дисциплинам. Например, профессор В.С.Серебренников проводил практические занятия в основанном им кабинете по психологии. Профессор Н.В.Покровский, основатель церковно-археологического музея при академии, проводил лекции с помощью им же собранной богатой коллекции всевозможных экспонатов церковной старины. Помимо этого иногда в период летних каникул предпринимались под его руководством всевозможные поездки и археологические экскурсии в Москву, Новгород, Псков, Старую Ладугу и другие города России²¹⁹.

В 1903 г. студенты академии совершили во время летних каникул образовательную поездку по России под руководством и наблюдением помощника инспектора академии И.И. Бриллиантова²²⁰. Причем экскурсия была разрешена специальным указом Св. Синода! Летом 1914 г., опять же с разрешения Св. Синода, состоялась паломническая и научно-образовательная экскурсия группы студентов в Палестину, Египет и Грецию²²¹.

Особое внимание в учебном процессе уделялось семестровым сочинениям. Оценка за сочинения существенно влияла на общий средний балл при окончании академии. Именно поэтому написанию семестровых сочинений отводилась особая роль и большое

значение. Однако, несмотря на всю важность, по словам современника, дела обстояли примерно следующим образом: «Так всегда было и будет – студенты откладывают писание семестровых сочинений до последней возможности, а когда нельзя уже далее медлить, тут уже все спешат, чуть не толпами бегут в библиотеку»²²².

Еще большее внимание уделялось написанию кандидатских сочинений. В этой области было несколько существенных недостатков. Так, распределение работ по кафедрам вплоть до 1910 г. было весьма неравномерным. В то время как у одного профессора работу писали 2-3 человека, у другого – больше 10-ти. И дело здесь заключалось не в сложности того или иного предмета, но в качествах самого преподавателя. Например, пользуясь добротой и снисходительностью А.П.Высокоостровского, многие студенты «шли к нему за “кандидатскими” темами вереницею»²²³. Почтенный преподаватель же никому не отказывал, т.к. «всего больше боялся обидеть студента»²²⁴. У профессора А.П.Лопухина, известного своей занятостью издательскими делами, за все время преподавания курсовую работу вообще написал только один человек.

Что же касается тематики кандидатских сочинений, то здесь общий вывод сделать достаточно сложно. Например, ректор академии профессор протоиерей Иоанн Янышев так объяснял ситуацию, когда многие студенты не желали брать для исследования и написания сложные и актуальные темы: «Чаще всего господа студенты руководствуются не важностью темы, не значением ее, а лишь легкостью. Чем легче тема, тем энергичнее на нее набрасываются. Чем она безжизненнее, тем скорее на ней останавливаются. Ведь очень трудно писать на животрепещущие темы: тут ленивый – и тот найдет, что возразить. А затем ведь тут трудно сказать и что-либо новое: жизненными вопросами занимались и занимаются издавна самые отборные мыслители, успевшие сказать почти все, что только возможно для человека. Возьмите хотя бы вопрос об аскетизме. Ведь всякий сколько-нибудь о нем думал и каждый поэтому считает себя специалистом и способным возразить хотя бы что-либо и сверхнелепое. А попробуйте-ка высказать в печати мнение несогласное с фантазиями какого-либо мудреца, особенно много о себе думающего, так на вас посыплются такие обвинения, какие вам не придут и в голову. Вас обвинят даже и в гибели Помпеи и Геркуланума. Не так ли? Вот в том-то и дело... Господа студенты, имеющие в виду писать не только кандидатские диссертации, но затем переделывать их и в магистерские, обычно и выбирают самые удобные темы. Изучают какие-либо рукописи, которые в сущности не имеют частенько никакого значения, сохранились по недоразумению и заслуживали бы только одного уничтожения. Высчитывают в них запятые, отмечают описки безграмотных переписчиков и т. д. И в результате – целое исследование, за которое мнимо ученому автору дают ученую магистерскую степень! До чего мы дожили? Но зато автор спокоен: никто ему не возразит, потому что кому же, не потерявшему головы, охота еще раз перечитывать безграмотные рукописания и т. д. И легко выходит и надежно. А с мировыми-то вопросами далеко не уйдешь. Пусть-ка кто-либо попробует написать сочинение о смысле человеческой жизни, так покажут ему смысл! Никогда не забудет. Мы смеемся над средневековыми схоластиками, которые решали вопросы вроде таких: сколько бесов поместится на кончике иголки или какого цвета была Валаамова ослица... А сами делаем то же самое и не замечаем»²²⁵.

С другой стороны, если непосредственно обратиться к темам кандидатских сочинений, то очень часто можно встретить довольно интересные исследования. Например, буквально сразу после смерти С.Н.Трубецкого в 1905 г., в академии была защищена диссертация о его религиозно-философском творчестве: «Характеристика религиозно-философских трудов и воззрений кн. С.Н. Трубецкого, и оценка их с православно-богословской точки зрения» (автор – Маккавеев Петр). В том же 1905 г. была написана работа на весьма актуальную в тот период времени тему: «История института ученого монашества в русской Церкви» (Ивановский Петр). Много диссертаций

посвящалось религиозно-философскому творчеству В.С.Соловьева. Так, в 1900 г. было написано сразу две работы: «Основные положения философии Вл.Соловьева и их критическая оценка с православно-богословской точки зрения» (А.Немоловский) и «Философско-богословская оценка учения В.С.Соловьева об истинном религиозном и этическом начале, в связи его учением об Абсолютном» (А.Морев). Таким образом, при более близком знакомстве с тематикой кандидатских сочинений становится понятным, что утверждение, будто студенты дореволюционных академий писали работы на малоинтересные для широкой общественности и безжизненные темы, является не вполне справедливым.

Во второй половине XIX века в дореволюционных академиях складывается традиция вручать денежные награды за наиболее серьезные студенческие кандидатские диссертации. Премии вручались, как правило, на основании отзывов научных руководителей и по решению специальной комиссии, состоящей из нескольких академических профессоров. Некоторые премии носили узкоспециализированный характер. Так, премия прот. Иоанна Янышева составляла в среднем 55 р. в год и вручалась за лучшее сочинение по нравственному богословию, премия проф. В.И.Долоцкого составляла 85 р. и вручалась за лучшее кандидатское сочинение по церковной археологии и литургике, премия проф. И.Е.Троицкого вручалась за лучшее сочинение по истории Восточной церкви после VII вселенского собора.

Ежегодно в среднем выдавалось 15 денежных премий (так если в 1892/1893 учебном году было выдано 8 премий, то в 1912/1913 – 27), которые составляли от 50 до 150 р. Некоторые сочинения удостоивались почетных отзывов. В дальнейшем материальная премия или отзыв вполне могли послужить положительной рекомендацией при распределении на вакантные места в духовно-учебном ведомстве.

В конце XIX – начале XX вв. в духовных академиях возникают студенческие общества и кружки по инициативе самих учащихся. Но действовали эти общества под непосредственным руководством академических профессоров.

В Санкт-Петербургской духовной академии, например, в 1906 г. действовало семь студенческих обществ и кружков: гомилетический, состоящий при «Обществе религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви», патристический или «Златоустовский», литературный, музыкальный, психологическое общество, философский семинариум и богословский²²⁶. Впоследствии были организованы и некоторое время действовали миссионерский кружок и кружок по изучению алкоголизма.

Особой популярностью среди студентов столичной академии пользовалось Психологическое общество, открытие которого состоялось 27 ноября 1900 г.²²⁷ Бессменным председателем являлся профессор по кафедре психологии В.С.Серебряников. Свидетельством того, что доклады, которые зачитывались на заседаниях общества, были высокого уровня, является тот факт, специальный русский журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» систематически печатал отчеты о заседаниях данного общества²²⁸.

Вопрос о дальнейшей судьбе выпускников духовных академий до сих пор остается малоисследованным. Идеальным вариантом была служба в духовно-учебном ведомстве, желательно, в священном сане. Однако на этом пути встречалось много преград и далеко не всегда удавалось найти свободное место в том или ином училище или семинарии. А если вдруг и удавалось устроиться преподавателем, то опять же далеко не всегда получалось преподавать тот предмет, ту дисциплину, которые были интересны в период академической учебы.

Вот что пишет один из выпускников дореволюционной академии о системе распределения выпускников академий в рамках духовно-учебного ведомства: «Прямой путь для оканчивающих курс в наших академиях – в преподаватели духовно-учебных заведений в настоящее время весьма тесен. Приходится поступить на духовно-учебную службу весьма немногим: из 160-170 человек ежегодно оканчивающих курс в академиях

едва ли и 50 счастливым удастся получить назначение в преподаватели семинарии или духовного училища. Остальные же (во всяком же случае - большинство) принуждены снискивать себе пропитание кто как сможет и кто чем сможет. Одни из этих последних, после тщетных попыток достать себе подходящее занятие, возвращаются под родительский кров (если только таковой есть) и здесь года по два, по три и более выжидают какого-нибудь и кем-нибудь обещанного места. Другие таскаются (в собственном смысле этого слова) по каким-нибудь частным урокам, состоят домашними учителями, репетиторами и т.п. Третьи, наконец, пристраиваются как-нибудь на гражданскую службу, поставив для себя идеалом, например, акцизного чиновника и т.д. и т.д.»²²⁹.

Что же касается «счастливиц», которые смогли получить назначения на учительские места, то и здесь не все было гладко. Вот как пишет об этом еще один выпускник: «Существующий порядок назначения на места кандидатов духовной академии не выдерживает критики. Корень зла лежит в полном игнорировании индивидуальных склонностей, интересов просителей, их специальности. Мы не забудем своих и товарищеских впечатлений от посещений учебного комитета по окончании академии. Принимавший нас чиновник сначала называл нам лишь худшие места, предлагая хорошие из них лучшим студентам, средние – средним и самые худшие – окончившим «в конце». Во всех случаях нас спрашивали лишь о том, кто каким кончил – ни одного вопроса о том, каким предметом тот, или иной студент более интересуется, какой предмет он хотел бы преподавать. В результате – стипендиат по истории был назначен – преподавателем философских предметов, другой студент, тоже историк – преподавателем догматики и связанных с нею предметов, интересовавшийся историей литературы – преподавателем латинского языка и пр., и пр. Мы, помним, от души смеялись над подобного рода комбинациями. Но теперь – после того, как нами пережиты все последствия подобного рода порядка, нам не смеяться хочется, а негодовать – негодовать за грубое, небрежное отношение к лицам и к делу. ... Нам очень жаль некоторых из своих товарищей, несомненно способных, даровитых, серьезно работавших по своим любимым предметам, но неудачно назначенных и вот уже более пяти лет не имевших возможности устроиться иначе. Мы до сих пор в переписке с историком, назначенным на догматику – в каждом письме он жалуется на полное отсутствие интереса к своему предмету; случайно встретились мы с другим товарищем, интересовавшимся историей литературы, а назначенного на латинский язык – нужно было видеть с каким недовольством, пренебрежением он упоминал о преподаваемом предмете; изредка встречались мы и со стипендиатом историком, преподающим философию, - расспрашивали мы его – как он справляется со своими предметами, - “да как, говорит, учу к каждому уроку сам, за лето забываю, на следующий год снова учу”»²³⁰.

Несмотря на все недостатки системы распределения, многие выпускники академий не только становились преподавателями, но и занимали руководящие посты в духовных семинариях и училищах. Так, согласно имеющимся данным на 1916 г. среди ректоров и инспекторов духовных семинарий, смотрителей и помощников в духовных училищах, а также преподавателей в священном сане в духовных семинариях и училищах, выпускников Московской духовной академии насчитывается 169 человек, Санкт-Петербургской – 167, Казанской – 126 и Киевской – 113²³¹. Особый интерес представляет графа из указанного справочника о количестве священнослужителей при русских церквях за границей. 18 человек являлись выпускниками СПбДА, еще 4 – из МДА, 2 – из КДА, остальные не имели высшего богословского образования. 3 из 4 начальников заграничных духовных миссий являлись выпускниками СПбДА.

Среди выдающихся выпускников дореволюционной академии есть много видных церковных иерархов, известных богословов и историков Церкви, профессоров, академиков Российской академии наук, церковных писателей, миссионеров, чтимых русским народом всероссийских пастырей. Санкт-Петербургские духовные школы

славятся своими выпускниками-новомучениками, среди которых митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), протоиереи Иоанн Кочуров, Владимир Лозина-Лозинский, Философ Орнатский и др.

В начале XX века библиотека Санкт-Петербургской духовной академии представляла собой довольно значительное книгохранилище России. Более 100.000 названий книг и брошюр, более 4.000 рукописей служили настоящим золотым запасом для научно-богословских исследований, как для студентов, так и для профессоров. Из материалов журналов заседаний совета СПбДА видно, что с каждым годом увеличивалось и число сторонних посетителей – из Петроградского университета, Публичной библиотеки, разных духовных и светских научных и учебных заведений Санкт-Петербурга и других городов России.

На содержание академической библиотеки ежегодно выделялось по смете всего 2.500 руб. Вполне очевидно, что такой суммы было явно недостаточно, чтобы приобретать необходимое количество отечественной и иностранной богословской литературы, периодических и научных изданий. Большое количество книг поступало в дар академической библиотеке согласно завещаниям ее профессоров после их смерти. Например, в марте 1901 г. в дар академии была преподнесена библиотека проф. В.В.Болотова (2.742 книги)²³², в октябре 1901 г. – проф. И.Е.Троицкого²³³, библиотека которого состояла из 6.000 книг, 3-х пачек мелких брошюр, одной пачки снимков с греческих рукописей, 3-х пачек разных рукописей И.Троицкого (в 36 папках) и многочисленных других разных документов: рукописных, газет, студенческих сочинений, альбомов с фотографиями. При этом любопытно отметить, что еще при жизни Троицкий с 1887 по 1897 гг. пожертвовал в библиотеку академии 2113 книг. В фонд академической библиотеки поступали также книги и других профессоров: в 1899-1900 г. – П.Ф.Николаевского (до 4.000 книг), в 1907 г. – Ф.Г. Елеонского (865 книг), в 1912 г. – А.И.Пономарева (около 1500 книг), в том же году – А.П.Высокоостровского (300 книг).

Таким образом, библиотека Санкт-Петербургской духовной академии за последние 50 лет до революции 1917 гг. значительно пополнилась во многом благодаря целому ряду книжных собраний, полученных ею в дар от разных лиц, большею частью по завещаниям профессоров академии, «собраниями тем более ценными, что они представляют собой подбор ученой литературы по специальности жертвователя»²³⁴. Кроме того, книжные пожертвования поступали и из других учебных заведений России, светских научных учреждений и т.п.

К началу 1919 г. всего в библиотеке насчитывалось свыше 102000 названий книг и брошюр в количестве около 160000 томов, в том числе старопечатных книг и церковно-славянских книг XVI и XVII веков. Сверх того, имелось до 500 названий периодических изданий в количестве свыше 17000 томов²³⁵.

В 1879 г. при непосредственном участии и по инициативе Н.В. Покровского при СПбДА был основан церковно-археологический музей, который просуществовал вплоть до закрытия академии в 1918 г. Первые экспонаты академической коллекции были предоставлены Новгородским музеем. Кроме того в первый году существования музея в академию были переданы 300 икон из хранилища московского Данилова монастыря. В 1880 г. «академическая коллекция обогатилась иконами, пожертвованными гр. С.Г. Строгановым, образами, конфискованными у раскольников и временно хранившимися на складах Святейшего Синода, памятниками, переданными священниками П.И. Кротковым, Я.В. Нифонтовым, Петропавловским»²³⁶. В комплектовании музея также приняли активное участие ректор И.Л. Янышев, профессора протоиерей Н.Ф. Николаевский, Е.И. Ловягин, И.Е. Троицкий и многие другие.

Бессменным заведующим музеем стал сам Н.В.Покровский, неутомимая деятельность которого на протяжении нескольких десятилетий была сосредоточена на приобретении, систематизации и популяризации памятников христианского искусства.

Со временем небольшая коллекция превратилась в «крупнейшее в Петербурге хранилище памятников русской церковной старины»²³⁷. Первоначально высшим церковным начальством на покрытие первоочередных расходов по основанию и размещению коллекции было выделено 2.000 р. Впоследствии Н.В. Покровский отмечал, что это было единственной субсидией музею за все время его существования. Почти вся сумма ушла «на приспособление и ремонт разных помещений музея в разное время и лишь маленькая сумма около 200-300 р. употреблена на пополнение коллекций за все 30-летие музея»²³⁸. Примечательно, что к 1909 г. материальная ценность музея без всяких материальных затрат (т.е. академия не выделяла денег на покупку разного рода экспонатов, как это было принято в большинстве музеев и научных археологических обществах) простиралась до 50.000 р.²³⁹ К началу первой мировой войны общее число всех предметов музея составило свыше 4.000 единиц хранения²⁴⁰.

Сам Н.В.Покровский так говорил о содержании коллекции: «Все предметы, входящие в состав церковно-археологического музея СПбДА, по степени их научной ценности, могут быть сведены к трем группам: к первой группе относятся лучшие предметы, ко второй – предметы среднего достоинства, к третьей – самой многочисленной – предметы заурядные, без которых легко сможет обходиться любой систематизированный музей и которые нашли себе место в нашем музее только потому, что он образовался путем случайных бесплатных поступлений, в продолжении 30 лет»²⁴¹.

Однако, несмотря на значительное увеличение коллекции церковно-археологического музея СПбДА, следует отметить, что материальная скудость не позволила профессору Н.В.Покровскому осуществить свой первоначальный замысел, заключавшийся в том, чтобы «образовать при академии такой музей, который бы своими коллекциями, снимками, слепками и копиями с памятников церковных древностей дал бы возможность профессору церковной археологии систематически иллюстрировать все лекции по разным отделам церковной археологии, древне-христианской, византийской, западной и древне-русской»²⁴².

После революционных событий 1917 г. экспонаты академического музея были объединены с коллекциями Петербургского Археологического института, а затем в составе нескольких поступлений оказались в собрании Государственного Русского музея²⁴³. Большую роль в деле сохранения экспонатов церковно-археологической коллекции СПбДА сыграл ее бывший преподаватель Н.В.Малицкий, который в 1919 г., будучи преподавателем Санкт-Петербургского Археологического института и заведующим его музеем, обратился к директору Института С.Ф.Платонову с запиской, в которой ходатайствовал о спасении экспонатов музея бывшей уже духовной академии²⁴⁴.

Академическое здание, которое было введено в эксплуатацию в 1819 г., за первое столетие своего существования не претерпело значительных изменений. Только в конце XIX – начале XX вв. руководство академии было вынуждено регулярно проводить ремонтные работы. В 1887-1889 гг. в Санкт-Петербургских духовных школах – академии, семинарии и духовном училище – был устроен водопровод. Благодаря этой технической новинке в академии улучшилось санитарное положение и количество больных, например, тифом, уменьшилось в разы, что, в свою очередь, - по словам врача академии Дмитрия Александровича Пахомова, - привело к уменьшению летальных исходов²⁴⁵.

Академическая церковь Санкт-Петербургской духовной академии, - которая и являлась сердцем этого храма науки, - была освящена в память 12 апостолов. Именно в храме ежедневно совершались богослужения, проходили наиболее значимые события, например, встречи правящих архиереев, почетных гостей, новоназначенных ректоров и т.д.

Престольный праздник академии приходился на 30 июня (13 июля – н.ст.), т.е. на время летних каникул. Поэтому каждый год гостями академии в этот день являлись лишь, по большей части, случайные гости, те, которые в данный момент находились в Санкт-Петербурге. На протяжении многих лет высказывалось предложение «этот праздник

приурочить к такому дню, когда он был бы действительным праздником академии, а не случайной публики, заходящей на 30-е июня в академический храм. Этими днями могли бы быть, например, день св. ап. Андрея Первозванного (30-го ноября) или св. ап. Иоанна Богослова (26 сентября), евангелиста, имени которого посвящены храмы большинства наших семинарий»²⁴⁶. С другой стороны, традиционным праздником академии был уже день ее основания – 17 февраля.

В день сошествия Св. Духа в 1895 г., как было сообщено в журнале «Церковный вестник», впервые в истории академии в домовый церкви была совершена Божественная литургия на греческом языке. До этого вводились только отдельные части на греческом – например, Символ веры или молитва Господня²⁴⁷. Однако в том же журнале вскоре была помещена заметка, в которой сообщалось, что самая первая греческая литургия была совершена еще во время ректорства архимандрита Феофана (Говорова) в 1859 г.²⁴⁸ С конца XIX века литургия на греческом языке стала регулярно. Впоследствии митрополитом Санкт-Петербургским Владимиром (Богоявленским) и ректором академии епископом Анастасием (Александровым) было установлено правило совершать в год не меньше четырех («периодических») литургий на греческом языке²⁴⁹.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ (ЛЕНИНГРАДСКАЯ) ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ (1946-2011ГГ.).

В конце 1918 г. Петроградская духовная академия была закрыта. На протяжении 1920-х гг. было предпринято несколько попыток сохранить богословское образование в городе на Неве. И связаны эти попытки с именем выпускника Санкт-Петербургской духовной академии 1895 года протоиерея Николая Чукова (впоследствии митрополита Ленинградским и Новгородским Григорием). С 1920 по 1923 гг. под руководством отца Николая осуществлял свою деятельность Петроградский богословский институт. Именно в нем нашли свое временное пристанище некоторые профессора Петербургской академии: Дмитрий Иванович Абрамович, Александр Иванович Бриллиантов, Сергей Михайлович Зарин, Иван Алексеевич Карабинов, Петр Иванович Лепорский, Николай Владимирович Малицкий, Александр Васильевич Петровский, Иван Иванович Соколов и Владимир Борисович Шкловский²⁵⁰. В 1923 г. институт был закрыт после того, как отказался признавать обновленческое высшее церковное управление.

С 1925 по 1928 гг. протоиерей Николай Чуков возглавлял организованные в Ленинграде высшие богословские курсы. В новом учебном заведении из числа бывших преподавателей Петроградской духовной академии трудились только проректор профессор протоиерей А.В. Петровский, который преподавал Священное Писание Ветхого Завета и древнееврейский язык, и В.Б. Шкловский, преподававший латинский язык. Поводом к закрытию богословских курсов послужило то обстоятельство, что, несмотря на запреты, некоторые студенты поддерживали иосифлян.

После закрытия представители корпорации высших богословских курсов разработали «Положение о Православном Богословском институте в Ленинграде». Весной 1929 г. «Положение» было представлено на рассмотрение ВЦИК и получило одобрение, но институт так и не был открыт²⁵¹.

Вопрос о возрождении духовного образования в России был поставлен на повестку дня в сентябре 1943 г. во время встречи митрополита Сергия (Страгородского) с И.В.Сталиным.

Именно новоизбранный патриарх Сергий поручил архиепископу Саратовскому Григорию (Чукову) подготовить проекты средних и высших духовных школ. Учитывая изменившиеся коренным образом церковно-государственные отношения, необходимо было в самые кратчайшие сроки подготовить соответствующие документы для возрождения богословского образования. И уже 1 октября 1943 г. архиепископ Григорий представил доклад «Об организации богословских школ».

К докладу были приложены разработанные «Положение о Богословско-пастырских курсах» и «Положение о Богословском институте». Впоследствии они были использованы при составлении «Положения о академиях и семинариях», просуществовавшего вплоть до 2000 г., когда началась реформа духовного образования²⁵².

На основании представленных положений 14 июня 1944 г. состоялось открытие Богословского института (высшей школы) и богословско-пастырских курсов (средней школы) в Москве. Весной 1945 г. началась подготовка к открытию соответствующих курсов и в Ленинграде. Активизации деятельности в этом направлении способствовал и тот факт, что 7 сентября того же 1945 г. владыка Григорий был назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским.

Богословские курсы было разрешено открыть в здании бывшей Санкт-Петербургской духовной семинарии (Обводный канал, 19). Здание находилось в крайне тяжелом состоянии. Одна часть была повреждена авиабомбой, в уцелевшей части находилось общежитие «Ленэнерго».

В сентябре 1945 г. после некоторых подготовительных мероприятий начались ремонтные работы. Уже 30 и 31 октября состоялись вступительные экзамены, по результатам которых из 42 были приняты 24 человека. Торжественное открытие курсов состоялось 22 ноября того же 1945 г. Заведующим курсами был назначен протоиерей Николай Ломакин, его помощником – протоиерей Сергей Румянцев, преподавателями – священник Василий Раевский, протоиерей Павел Фруктовский, Н.Д.Успенский и А.Ф.Шишкин.

Весной 1946 г. митрополит Григорий начал вести переговоры с уполномоченным совета по делам Православной церкви при СНК СССР по Ленинградской области А.И.Кушнаревым на предмет учреждения духовной академии и преобразования курсов в духовную семинарию²⁵³. 4 апреля 1946 г. митрополит Григорий был назначен председателем Учебного Комитета при Св. Синоде. Это назначение и целый ряд других факторов позволили более активно, но не без сложностей, подготовить открытие в Ленинграде духовной академии и семинарии.

1 июля 1946 г. Св. Синод постановил открыть Ленинградскую духовную академию и преобразовать Богословско-пастырские курсы в семинарию. Ректором новооткрываемого учебного заведения стал протоиерей Иоанн Богоявленский, который за месяц до этого, 1 июня был назначен заведующим курсов. Весь прежний состав преподавателей в священном сане был уволен митрополитом Григорий в связи с их занятостью на приходах с выражением благодарности. Новые профессора и доценты должны были направить все свои усилия на развитие духовной школы. Этот эпизод несколько напоминает ту ситуацию, которая сложилась в 1814 г. Тогда практически весь профессорский состав был уволен, а новыми преподавателями стали выпускники I-го академического курса.

На первый курс академии из 19 абитуриентов были приняты 16, в семинарию – из 61 были зачислены 36. Причем 28 были приняты в первый класс, а 8 – в третий. Кроме того, 22 человека, после года обучения на Богословско-пастырских курсах, были зачислены сразу на третий курс семинарии.

4 сентября состоялось первое организационное собрание администрации и педагогического персонала духовных школ, на котором присутствовали ректор протоиерей Иоанн Богоявленский, представитель епархиального управления протоиерей Павел Тарасов, инспектор проф. свящ. Александр Осипов, проф. В.В.Четыркин, доценты П.Д.Вознесенский, Д.Д.Вознесенский и Н.Д.Успенский, преподаватели Е.Н.Бояновская и К.М.Федоров.

8 октября после ремонтных и восстановительных работ в здании академии иерейским чином была освящена церковь во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. В ноябре 1947 г. в храм был передан по благословению митрополита Григория чудотворный образ иконы Божией Матери «Знамение-Царскосельская». До 1943 г. икона

находилась в Знаменской церкви города Пушкина. Во время Отечественной войны чудотворный образ был вывезен в Прибалтику, а в 1945 г. икона была возвращена в Ленинградскую епархию. «В XX веке икона «Знамение-Царскосельская» стала поистине благим знамением, чудом, свидетельством нового возрождения и расцвета прославленной Духовной академии в сложное время атеизма и богоборчества... Эта икона через молитвы и слезные обращения объединяет в неразрывном единстве целые поколения воспитанников Санкт-Петербургских духовных школ»²⁵⁴.

Торжественный акт официального открытия Ленинградских духовных академии и семинарии состоялся 14 октября 1946 г. Праздничные мероприятия проходили в присутствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского), митрополита Григория и архиепископа Филадельфийского и Карпаторусского Адама²⁵⁵.

После праздничного открытия начались учебные будни. Как некогда митрополит Филарет (Дроздов), будучи еще архимандритом, все свои таланты посвятил новоучрежденной в 1809 г. Петербургской академии, так и теперь спустя полтора века, митрополит Григорий (Чуков), этот «страстный любитель церковного образования»²⁵⁶, все свои таланты и дарования направил на развитие богословской школы в Ленинграде. «С первого же дня открытия до конца жизни Ленинградские духовные школы остаются в центре внимания митрополита Григория. Для академических дел у него нет запретных или занятых часов. Утром в разгар епархиальных дел или вечером в часы домашнего труда и отдыха он всегда готов принять и выслушать, если дело касалось академии. Профессор и воспитанник имеют к нему доступ. Жизнь школ вся вдохновляется им. Он вопрошает у жизни, у опыта, ищет все лучшее и лучших путей, не ведая косности или стояния на месте. Готов десять раз изменять программу, план, распорядки, если находится лучший вариант, лучший подход. Он не боится отменять свою резолюцию, если подсказано лучшее решение. Ленинградские духовные школы становятся под его животворящим и внимательным руководством огромной экспериментальной лабораторией по выращиванию душ, по формированию новых кадров Церкви. Заботам владыки нет пределов»²⁵⁷. Многие традиции, заложенные митрополитом Григорием, сохранялись в духовных школах на протяжении многих последующих десятилетий.

Одной из главных задач, которая стояла перед митрополитом Григорием – это кадровый вопрос. Необходимо было приглашать новых специалистов, пытаться устроить их в академию, иногда даже вопреки интересам советской власти. В 1947 г. преподавательская корпорация насчитывала всего 10 человек: три профессора, пять доцентов и два преподавателя. Это число было явно недостаточным для нормального функционирования богословской школы, претендующей на ведущую роль, на дальнейшее развитие. В 1948 г. митрополит Григорий писал патриарху Алексию I (Симанскому): «В Ленинградской Академии сейчас прямо безвыходное положение; профессор Четыркин умирает, его предметы не читаются уже около двух месяцев, а это основные предметы курса: Новый Завет и история Древней Церкви; их ни в каком случае нельзя оставить. Между тем все наставники перегружены уроками: кандидатов для замещения кафедр нет... По всему этому я очень прошу разрешения Вашего Святейшества позволить мне снестись с профессором Сагардой и просить его занять указанные кафедры Ленинградской Академии пользы общего блага»²⁵⁸.

Таким образом, в первые годы деятельности духовных школ удалось пригласить профессоров дореволюционной Петроградской академии А.И. Сагарду и протоиерея Василия Максимовича Верюжского, а также выпускников дореволюционной академии С.А.Купресова и А.И.Макаровского. В начале 50-х в профессорско-преподавательский состав вошли Л.Н.Парийский, прот. Михаил Сперанский и др. Вот так, спустя несколько десятилетий гонений и атеизма, после закрытия академии в 1918 г., ее прежние питомцы и профессора дождались возрождения богословской школы на берегах Невы и стали живым связующим звеном между дореволюционной и вновь возрожденной академиями.

Через несколько лет после открытия академия стала привлекать к преподавательской деятельности своих наиболее талантливых выпускников. В 1950-е – 1960-е за академическую кафедру вступили, в том числе такие молодые преподаватели, как священник Михаил Чуб, впоследствии архиепископ Тамбовский; иеромонах Леонид (Поляков), позже митрополит Рижский и Латвийский; священник Владимир Котляров, ныне митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; протопресвитер Виталий Боровой, протоирей Иоанн Белёвцев, протоиерей Ливерий Воронов, протоиерей Василий Стойков и др.

Многие назначения сопровождалось для митрополита Григория большими испытаниями, необходимо было отстаивать и доказывать правоту своего выбора, иногда идти на некоторые уловки²⁵⁹.

Благодаря живому участию митрополита Григория в делах духовной школы уже в самое ближайшее время были составлены типовые планы для духовных семинарий и академий. Сами преподаватели принимали активное участие в составлении новых учебных пособий и конспектов, значительная часть из которых являлась «изложением дореволюционных семинарских учебников и лишь некоторые носили характер самостоятельных исследований или богословских концепций»²⁶⁰.

Особого внимания заслуживают научные диссертации на степень магистра и доктора богословских наук, в которых, как известно, являются плоды исследовательской деятельности. Написанием научных работ занимались, за редким исключением, только преподаватели духовных школ, да и то далеко не все. К сожалению, незыблемое правило дореволюционных академий, согласно которым преподаватели академии должны непременно иметь научную степень не ниже магистра богословия, в новейшее время перестало соблюдаться.

Все члены корпорации не только преподавали, но и, по мере сил и возможностей, активно участвовали в церковно-общественной жизни: писали статьи в «Журнале Московской Патриархии», давали консультации различным отделам Патриархии, поддерживали научные связи с Ленинградским университетом, консерваторией, Публичной библиотекой, Академией наук, участвовали в международной деятельности Русской Православной Церкви²⁶¹.

Что же касается перечня дисциплин, то в своей основе, надо полагать, учебные программы первоначально копировались по образу и подобию дореволюционных семинарий и академий. Из списка предметов были исключены только такие общеобразовательные предметы, как арифметика, геометрия, географии и т.п. В дальнейшем на протяжении всего новейшего периода перечень дисциплин и количество отводимых часов менялись.

В частности, в 1960 г. были приняты новые программы, согласно которым количество лекций по одним предметам было увеличено, а некоторые дисциплины и вовсе были упразднены. Последнее случилось именно с историей русского раскола. Данный предмет в свое время был введен в академический и семинарский учебные курсы в середине XIX века при активном участии митрополита Григория (Постникова) для противодействия раскольникам. После возрождения академии этот предмет был оставлен в учебной программе по инерции, но в 1960 г. от него отказались за ненадобностью²⁶².

В условиях антирелигиозной пропаганды советской власти, конечно, не нужны были образованные священнослужители. По давлением Учебному комитету пришлось принять постановление об исключении с 1949/1950 учебного года из программы духовных академий такие предметы, как история философии, психология, история русской религиозной мысли, педагогика. Митрополит Григорий, стремясь смягчить этот, без сомнения, болезненный удар, указал ввести отдельные разделы этих научных дисциплин в программы апологетики, пастырского богословия и истории русской церкви²⁶³.

Конечно, данное постановление нанесло определенный урон качеству образования, преподаваемого в духовных школах, о чем говорили и сами преподаватели. Так, 4 апреля 1960 г. в Ленинградской духовной академии состоялась защита ректором Московской духовной академии и семинарии протоиереем Константином Ружицким диссертации, представленной на соискание ученой степени магистра богословия «Конспект по Нравственному Богословию для 4-го класса Духовной Семинарии (по принятой программе)». Официальными оппонентами выступили профессора Сергей Алексеевич Купрессов и Николай Дмитриевич Успенский, которые критически отнеслись к представленной работе, однако, в итоге, признали ее достаточной для присуждения соискателю ученой степени магистра богословия²⁶⁴.

Стенограмма данной защиты представляет особый интерес для изучения истории богословской науки в целом и нравственного богословия, в частности. Отдельно можно остановиться на высказывании проф. Н.Д.Успенского об особенностях интеллектуального развития современных ему студентов в сравнении с учащимися дореволюционного периода: «Как известно, в дореволюционной духовной семинарии предмет нравственного богословия преподавался воспитанникам 5 и 6 классов, которые до этого времени в течение двух лет готовились к изучению богословских предметов путем усвоения наук – логики, психологии и философии. При такой постановке дела богословского образования самый курс нравственного богословия носил характер глубокого и всестороннего изложения христианского учения о нравственности.

Ни для кого не секрет, что современные семинаристы при отсутствии в их учебном плане логики, психологии и философии оказываются менее подготовленными к усвоению того же предмета нравственного богословия, чем прежние. Отсюда и прежние семинарские учебники по нравственному богословию, даже такие компактные, как «Нравственное Богословие или христианское учение о нравственности» - профессора Киевской Духовной Академии М.Олесницкого оказываются трудно усвояемыми»²⁶⁵.

Вполне вероятно, что Николай Дмитриевич, указывая на плохую подготовку учащихся Ленинградской семинарии, имел в виду не столько их низкий интеллектуальный уровень, сколько как бы невзначай указывал на необходимость вернуть такие предметы, как философия, логика, психология, в академический и семинарский курсы²⁶⁶.

Митрополит Григорий уделял самое пристальное внимание развитию библиотеки и увеличению библиотечного фонда. Так, к весне 1947 г. в библиотеке Ленинградских духовных школ имелось всего 9800 книг, брошюр, комплектов периодических изданий. 19 марта совет академии обратился к уполномоченному с просьбой содействовать передаче из Публичной библиотеки хранящихся на ее складах и неиспользовавшихся книг бывшей библиотеки Петроградской академии. Просьба была частично удовлетворена и в ближайшие годы в библиотеку ЛДА были переданы более 80 тыс. книг²⁶⁷. В дальнейшем количество книг постоянно увеличивалось и к 2010 г. общий фонд составил более 300 тыс. книг.

Любопытно отметить, что сотрудники библиотеки Ленинградской духовной академии книги не только получали, но и сами еще вынуждены были совершать дарения. Так, например, 18 февраля 1960 г. на заседании совета ЛДАиС было рассмотрено отношение Председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича), в котором было указано, что Всемирный совет церквей предложил списки книг богословского содержания, изданных в последнее время на Западе, для препровождения в Отдел для последующей их передачи, в свою очередь, в библиотеки духовных академий. «Взамен, - указано в отношении, - деятели всемирного Совета Церквей выразили пожелание получить что-нибудь из дубликатов и запасных книг русского и иностранного фондов вашей библиотеки»²⁶⁸.

5 сентября 1962 г. духовную академию посетил Председатель совета по делам Русской Православной Церкви В.Куроедов, который, осмотрев здание и библиотеку,

оставил следующую запись в книге почетных посетителей: «Ознакомились с библиотекой! Очень богатая, интересная библиотека! Много редкостных книг, большое разнообразие всякой литературы. Сами книгохранилища производят хорошее впечатление и, видимо, культура обслуживания высокая»²⁶⁹.

В настоящее время библиотека Санкт-Петербургской духовной академии является одной из самых крупных в православном мире.

С самого момента возрождения Ленинградских школ большое внимание, в сравнение с дореволюционным периодом, уделялось культурному образованию студентов семинарии и академии. В начальный период организация экскурсий по памятным местам Ленинграда, в Эрмитаж и другие музеи города поручалась, как правило, доценту М.Ф. Русакову. Кроме того, организовывать и проводить всевозможные поездки и экскурсии должны были и классные кураторы, что они регулярно и делали. Организовывались экскурсии не только во дворцы и музеи Ленинграда, но и в пригороды – Петродворец, Ломоносов и т.д.²⁷⁰

Культурно-просветительская программа ежегодно была довольно насыщенной. Так, например, в течение 1961-1962 учебного года, согласно отчету, было прочитано «шесть лекций и докладов, посвященных революционным праздникам, борьбе за мир и международному положению; три на богословские темы, касавшиеся вопросов единения христиан в вере и жизни в связи с екуменическими конференциями в Бьевре и Ниборге; семь лекций на церковно-исторические и археологические темы, из которых особо надлежит отметить «О происхождении древне-славянской письменности в свете последних исследований» и «Историко-археологический очерк г. Иерусалима на основании новейших научных данных»; две лекции на искусствоведческие темы: «Об Андрее Рублеве» и «Об искусстве греков античной эпохи», одна лекция на медицинскую тему и три лекции на литературные темы – всего 22 лекции. Кроме того, совершены 24 экскурсии по городу, на автобусах по Пушкинским, Шевченковским и писателя Достоевского местам, по музеям; состоялись 7 культпоходов в оперный и драматический театры; были устроены вечера художественной самодеятельности».

Выпускник Ленинградской духовной академии 1958 г. и ее преподаватель, нынешний митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров) так вспоминал о годах обучения: «В нашей академии была атмосфера лучше. В Московской Духовной академии сказывалось влияние монастыря и наблюдалось показное благочестие... а здесь была здоровая обстановка... Отец ректор Сперанский был вообще замечательный человек, по-отечески добрый... Михаил Филаретович Русаков организовывал поездки по музеям, водил нас на реквием в Капеллу. Мы могли пойти в театр, только надо было согласовать с инспектором, чтобы знали, куда ты ушел... Культура в Ленинграде была гораздо выше. Народ был действительно столичный, была особая интеллигентность, какой на Руси нам не хватало. Дух в академии был хороший, и не было фальшивого «Придите поклонимся...», и не было излишней открытости миру, светскому образу жизни»²⁷¹.

В первый период деятельности академии митрополиту Григорию (Чукову) удалось одержать чрезвычайно важную победу. «Под предлогом необходимости подготовки православных пастырей с униатами, в июне 1948 г. удалось получить разрешение на открытие в Ленинградских духовных школах единственного в стране сектора заочного обучения»²⁷².

На протяжении 50-х годов власти закрывали глаза на бурную деятельность заочного сектора, ставшего не только образовательным центром для десятков и сотен священнослужителей со всей территории советской России. Академия, собирая под своим крылом воинов Христовых, в прямом смысле этого слова, давала возможность каждому из них обсудить наболевшее, поделиться опытом устройства приходской жизни в иногда невыносимых и чрезвычайно сложных условиях и т.д. Профессор протоиерей Василий Стойков в своих воспоминаниях отмечает: «Особое оживление в жизни Духовных школ

вносили сессии Заочного сектора, на которые съезжались священнослужители со всех епархий. Заочники проживали в общежитии. В аудиториях для них проводились консультации, зачеты и экзамены. Во время сессий происходило общение студентов и воспитанников с заочниками, в числе которых были пастыри, рекомендовавшие их к поступлению в Духовную школу. Сессии способствовали новым знакомствам, духовным связям и обмену пастырским опытом»²⁷³.

Количественный рост студентов заочного отделения поставил на повестку дня серьезную проблему, связанную с нехваткой жилых помещений и аудиторий. Первоначально духовным школам вернули далеко не все бывшее здание духовной семинарии, а только разрушенное правое крыло здания, центральную часть и уцелевшую половину 4-го этажа в левом крыле. Восстановительные работы были завершены только к 1956 г. «За это время были восстановлены от цокольного этажа разрушенные авиабомбой стены в правом крыле здания, а также флигель во дворе, заменены двухэтажные перекрытия, заново перекрыта кровля на всем здании, подключено центральное отопление, осушены подвалы, оштукатурены все фасады, восстановлена канализация во дворах, озеленен передний двор, вымощена бульжником проезжая часть близлежащей дороги и заасфальтированы тротуары»²⁷⁴.

В начале 50-х гг. митрополит Григорий и руководство академии все более активно начали выступать с ходатайствами перед городскими властями вернуть здание бывшей семинарии Ленинградским школам полностью. В 1955 г. была даже создана специальная комиссия по отводу части здания от Ленэнерго к Ленинградской духовной академии. Необходимо было еще совсем немного времени. Однако вскоре скончался митрополит Григорий, изменился политический климат в стране и полностью здание передали академии только в 1987 г.

Благодаря активной деятельности митрополита Григория (Чукова) Ленинградские духовные академия и семинария в первое десятилетие своего существования прочно встали на ноги и к середине 50-х гг. были ведущей богословской школой в России²⁷⁵.

Со второй половины 1958 г. в СССР на Православную Церковь обрушились хрущевские гонения. «Конец 1950-х – начало 1960-х гг. вошли в историю как трагический период последних попыток руководства СССР радикально, в кратчайшие сроки решить религиозную проблему в стране. Времена хрущевской оттепели обернулись для представителей различных конфессий лютым морозом. Сильнейший удар был нанесен и по Русской Православной Церкви как самой влиятельной и многочисленной в стране»²⁷⁶.

Одна из главных задач, которая стояла перед государством, заключалась в существенном сокращении количества поступающих в духовные школы. Для достижения поставленной цели все средства были хороши. Абитуриентов, подавших прошения о приеме на учебу, вызывали к себе местные уполномоченные, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами, вплоть до отбирания паспортов, удерживали их от поступления. Давление оказывалось и на приходских священников, которые выдавали рекомендации абитуриентам. Одним из самых действенных рычагов давления бы отказ в прописке даже для уже поступивших. Отдельной статьей шла служба в армии. С 1959 г. отсрочку от призыва в армию перестали предоставлять даже студентам выпускных курсов, в семинарию можно было поступить только после отбывания воинской повинности. Время подачи заявлений о приеме в академию или семинарию было ограничено 1 августа. Эти меры не могли не сказаться на общем количестве учащихся. Если в 1958 г. обучалось более 700 студентов, то в 1965 г. их насчитывалось только 150.

Одним из самых болезненных ударов, нанесенных советской властью по Ленинградским школам, стало принятие 17 июля 1959 г. Учебным комитетом решения о постепенном закрытии заочного сектора. Спустя некоторое время, 13 декабря 1962 г. на заседании совета ЛДАиС был принят текст обращения в Учебный комитет за подписью ректор протоиерея Михаила Сперанского с просьбой возобновить деятельность заочного

сектора. По итогам обсуждения было принято решение открыть заочный сектор, но не в Ленинграде, а в Московской духовной академии, как «находящейся в центре нашей страны, располагающей большими возможностями в отношении помещений и профессорско-преподавательских сил»²⁷⁷.

Что же касается заочного сектора при Ленинградской духовной академии, который все еще продолжал работать, то было постановлено «во избежание нарушения нормальной его работы продолжать последнюю и в ближайшие три-четыре года, завершить ее с постепенной передачей учебного инвентаря Заочному сектору Московской духовной академии и семинарии»²⁷⁸. Таким образом, судьба заочного сектора при ЛДА была решена, и в 1968 г. он был окончательно упразднен.

Еще одним ударом для всей профессорско-преподавательской корпорации и студенчества стала хорошо задуманная и блестяще проведенная партийными органами идеологическая акция, в ходе которой один из самых талантливых профессоров академии «протоиерей» Александр Осипов 2 декабря 1959 г. порвал с Церковью и стал антирелигиозным агитатором²⁷⁹. «Талантливый ректор, яркий публицист и энергичный администратор, Осипов, тем не менее, оказался не в состоянии противостоять свалившимся на него трудностям: он вторично женился, за что был лишен права священнослужения (в 1955 году), а в 1959 году заявил об уходе из Церкви. Это был, пожалуй один из самых тяжелых ударов, обрушившихся на Академию в годы хрущевских гонений. Но повлиять на развитие духовной школы он не мог»²⁸⁰.

Рубеж 50-х и 60-х гг. был очень тяжелым для академии. Тогда выстоять духовным школам помог митрополит Ленинградский и Ладужский Никодим (Ротов). Будучи председателем Отдела внешних церковных сношений он энергично стал включать академию в международную деятельность. В Ленинград зачастили иностранные делегации, профессора академии стали больше ездить на различные богословские конгрессы за границей.

Отдельного внимания заслуживает следующее деяние митрополита Никодима, направленное на сохранение Ленинградских духовных школ. «Зная о ярко выраженных симпатиях Хрущева к развивающимся африканским странам, митрополит пригласил на учебу семерых африканцев из Уганды и Кении. Правда, и их пытались любыми способами заставить покинуть академию»²⁸¹. Преследования продолжались довольно длительное время, однако в конечном итоге трех африканцев удалось отстоять. А в дальнейшем на учебу в академию были приглашены новые. Вся эта деятельность привела к тому, что в середине 60-х гг. был образован факультет африканской христианской молодежи, преобразованный в 1981 в факультет иностранных студентов (ФИС), действующий вплоть до настоящего времени.

После продолжительного ректорства протоиерея Михаила Сперанского ректором Ленинградских духовных академии и семинарии с 1966 по 1968 гг. являлся епископ Михаил (Мудьюгин), с 1968 по 1970 гг. – епископ Герман (Тимофеев), с 1970 по 1974 гг. – епископ Михаил (Соловьев). На протяжении означенного времени количество студентов в сравнении с первой половиной 60-х медленно, но верно увеличивалось. Кроме того, в академии обучались студенты из Финляндии, Чехословакии, Венгрии, Бельгии, Австрии, Индии, Эфиопии и др. На рубеже 60-х – 70-х гг. произошла смена поколений в среде профессорско-преподавательской корпорации. Значительная часть преподавательского состава теперь уже состояла из выпускников Ленинградской академии.

С 1974 по 1984 гг. ректором Ленинградских духовных академии и семинарии был архиепископ Кирилл (Гундяев), ныне Патриарх Московский и всея Руси. Святейший Патриарх всегда с большой теплотой вспоминает период своего ректорства: «Это было самое счастливое время моей жизни. Мне очень нравилось работать в академии. Мне удавалось преподавание, хорошо складывались отношения с профессорами и преподавателями. Я получал огромную поддержку от профессорско-преподавательской корпорации. Мне удавалось им передать свое видение будущего. А ведь среди них были

профессора еще старой закваски, прошедшие через испытания, люди очень осторожные, некоторые – даже пугливые. Несмотря на то что люди были разными я получал эту поддержку... У нас было большое количество монашеских постригов. Со временем дух академии стал привлекать интеллигентную мыслящую молодежь. Так что к концу моего пребывания более 25% всех учащихся были с высшим светским образованием. А студенческий уровень тогда был очень высоким. В этом смысле мы отличались от других школ»²⁸².

Особым деянием Его Святейшества на посту ректора академии стала организация в 1979 г. Регентского отделения, что стало в то время настоящим «революционным событием»²⁸³. Суть проекта заключалась в том, чтобы обеспечить доступ к богословскому образованию женщинам. Ведь рано или поздно, но советский период в истории России должен был завершиться. У Церкви должна будет появиться возможность активно заняться миссионерством, преподаванием закона Божия, катехизацией. Более чем реальной вырисовывалась картина, что священнослужителей для проведения такой масштабной работы просто не хватит. Поэтому подготовку богословски образованных людей необходимо было начинать как можно раньше. «Вторая причина заключалась в том, что в то время церковное пение в русской Православной Церкви находилось в катастрофическом положении. Конечно, в таких городах, как Москва и Петербург, было видимое благополучие. А вот что касается провинциальных епархий, то там хоры сохранились только в кафедральных соборах или в крупных храмах. А в основном – это бабушки на клиросе, причем зачастую не было даже псаломщика, не говоря уже о регенте. И было ясно, что здесь надо что-то делать, а именно – начинать подготовку, в том числе и церковных регентов»²⁸⁴.

В 1984 г. состоялось празднование 175-летия духовной академии, которому был посвящен специальный юбилейный выпуск «Богословских трудов».

С 1984 по 1996 гг. пост ректора поочередно занимали архимандрит Мануил (Павлов), протоиереи Николай Гундяев, Владимир Сорокин, Василий Стойков. Этот период стал особым временем в истории всей страны и, конечно, академии.

Архимандрит Мануил (Павлов), ныне архиепископ Петрозаводский и Карельский, вспоминает, что решение Св. Синода о его назначении исполняющим обязанности ректора ЛДАиС стало полной неожиданностью. К этому времени, «во время ректорства владыки Кирилла учебный процесс, научно-богословская, воспитательная работа были на высочайшем уровне»²⁸⁵. Поэтому главная задача заключалась в том, чтобы сохранить все то, что уже было сделано. И за полтора года (1984-1986 гг.), пока архимандрит Мануил исполнял возложенные священноначалием на него обязанности ректора, никаких потрясений в академии не произошло.

Профессор протоиерей Николай Гундяев, который занимал пост ректора академии с 1986 по 1987 гг., вспоминает, что это было очень тяжелое время в отношениях со светской властью. «Видимо властями ощущался ветер перемен. И они стремились эти перемены не допустить... Эти годы оказались самыми трудными, никаких перемен мы не ожидали, а, наоборот, ждали «закручивания гаек»...»²⁸⁶. Главная задача, которая стояла в этот период времени перед руководством академии, вернуть вторую половину здания, где находился тогда учебный комбинат. Имеющихся помещений катастрофически не хватало, т.к. увеличилось число студентов, кроме того, существенно увеличилось число воспитанников Регентского отделения. В это время строилось для учебного комбината здание в Купчино. Строительство было сопряжено с целого ряда трудностями, главной из которых было, конечно, финансирование, которое целиком легло на Московскую Патриархию.

Возвращение духовной академии части здания, занятой общежитием Ленэнерго и учебным комбинатом, произошло, наконец, в 1987-1988 гг. уже в период ректорства профессора протоиерея Владимира Сорокина (с 1987 по 1992 гг.). Это время интересно уже тем, что после празднования тысячелетия крещения Руси начали коренным образом

меняться церковно-государственные отношения, что сказалось, в том числе и на положении духовного образования. Впервые за многие годы стало возможным принимать студентов без оглядки на чиновников. Уже в 1989 г. наблюдался наплыв абитуриентов семинарию (из 201 было принято 109 человек). «И студенты, безусловно, отличались от тех, что были раньше. Появились люди со свободой самовыражения, свободой мнений. Они были очень живые, думающие, с ними порою приходилось непросто. В связи с этим я каждую среду напрямую встречался со студентами в актовом зале и отвечал на любые их вопросы»²⁸⁷.

Кроме того, в 1990 г., воспользовавшись возможностью приглашать преподавателей из-за границы и других городов, в академию пригласили читать небольшие циклы лекций архиепископа Куйбышевского Иоанна (Снычева), прот. Иоанна Мейендорфа, Д.В. Поспеловского.

В 1988/1989 учебном году был создан иконописный класс. Спустя некоторое время, в 1997 на базе этого класса было учреждено Иконописное отделение. Чуть позже в 1998 г. был открыт Церковно-археологический музей. В нынешнем музее нет ни одного экспоната из дореволюционного, поэтому приходится говорить не о возрождении, а об открытии музея заново. В настоящее время музей находится в шести комнатах, служивших с 1959 года покоями ленинградских митрополитов, и начинается с домой церкви Успения Пресвятой Богородицы.

В 1990 г. после 73-летнего перерыва академия вновь стала издавать свой журнал: «Вестник Ленинградской духовной академии». С 1991 г. журнал обрел свое историческое название «Христианское чтение» и издается вплоть до настоящего времени.

После того, как появилась возможность, духовные школы в лице своих преподавателей и студентов начали активно заниматься социально-благотворительной и просветительской деятельностью. В 1989/1990 уч.г. благодаря участию ректора протоиерея Владимира Сорокина в одном из флигелей академии была устроена церковная больница имени св. Ксении Петербургской. В 1988/1989 уч.г. при академии была открыта церковно-богословская школа, силами преподавателей и студентов академии с конца 1980-х проводились воскресные лекции и семинары для мирян. В 1993 г. духовной академией, Институтом русской литературы РАН и Северо-Западным отделением российской академии образования был учрежден Российский христианский гуманитарный институт (РХГИ), в настоящее время Российская христианская гуманитарная академия (РХГА)²⁸⁸.

Однако активизация жизнедеятельности академии в постперестроечный период была сопряжена в первую очередь с материальными трудностями. Заслуженный профессор протоирей Василий Стойков, который возглавлял духовную академию с 1992 по 1996 гг., вспоминает, что он стал ректором, «когда на счету ЛДА было менее десяти рублей»²⁸⁹. Зарботная плата преподавателям и сотрудникам задерживалась, продуктовая база выдала продукты в долг. Преподаватели вынуждены были искать дополнительные источники дохода, что отражалось, в том числе и на учебном процессе. Однако, по словам отца Василия, в тяжелейшее время удалось выжить во многом благодаря поддержке со стороны Святейшего Патриарха Алексия II. «Хотя финансовые трудности испытывала тогда вся страна, а вместе с ней и Церковь, Патриархия нашла возможность нас материально обеспечить»²⁹⁰.

Ректором академии с 1996 по 2008 гг. был архиепископ Тихвинский Константин (Горянов). За этот довольно продолжительный период «в академии были проведены капитальные и косметические ремонтные работы, открыты иконописное отделение, церковно-археологический музей. Академия приросла зданиями, полным чином был освящен академический храм. Большое внимание уделялось воспитательному процессу: были введены чтения житий святых за обедом, торжественная церемония вручения Библий первокурсникам, акафист по средам, форма для воспитанниц иконописного и регентского отделения»²⁹¹.

В 90-е гг. в учебные планы духовных школ были введены новые предметы: введение в философию, психология, педагогика, миссиология, риторика, основы приходского хозяйства, история церковного искусства. В академии помимо основных общеобязательных предметов начали вводиться спецкурсы.

В конце XX в. началась реформа системы духовного образования. Согласно предложенному проекту был осуществлен переход на 5-летний курс обучения в семинарии и 3-летний – в академии. Кроме того, в академии выделялось четыре отделения: богословское, библейское, церковно-историческое и церковно-практическое. Переход с прежней системы на новую осуществлялся постепенно. Одновременно «активизировалась научная работа, и хотя были существенно повышены требования к кандидатским диссертациям, за 12 лет было 186 защит, в то время как за предшествующий такой же период – 72»²⁹².

Реформирование духовной школы вновь заставило руководство академии столкнуться с катастрофической нехваткой помещений. На протяжении двух десятилетий, начиная с 1990г., ведутся переговоры с городскими властями на предмет возвращения исторического здания Санкт-Петербургской духовной академии (Обводный канал, 7).

В конце XX – начале XXI вв. при активном участии Санкт-Петербургской духовной академии были учреждены и ежегодно проводятся следующие межрегиональные конференции: Покровские педагогические и Знаменские образовательные чтения. Кроме того, духовные школы ежегодно принимают участие в праздновании Татьянинного дня 25 января.

В ноябре 1998 г. в академии состоялась Всероссийская церковно-историческая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения профессора духовной академии и директора Императорского археологического института Н.В. Покровского. В апреле 2000 г. состоялась научно-церковная конференция «История древней Церкви в традициях XX века», приуроченная к 100-летию со дня кончины профессора В.В.Болотова.

В январе 1999 г. в академии в рамках сотрудничества со Всемирным братством православной молодежи Синдесмос была проведена первая в России международная консультация православных богословских школ «Богословское образование и молодежное служение», в которой приняли участие 84 человека из 19 стран мира.

В 2000-2002 гг. духовные школы заключили договоры о сотрудничестве с Санкт-Петербургским государственным университетом, Русским музеем, Государственным Эрмитажем и военно-космической академией имени А.Ф.Можайского.

В октябре 2002 г. состоялась презентация Межвузовской Ассоциации духовно-нравственного просвещения «Покров», президентом которой избран архиепископ Константин. В 2005 г. академия выступила одним из учредителей первого в России Православного народного университета.

В 2001 г. был организован и открыт академический сайт www.spbda.ru, который на протяжении последующего десятилетия неоднократно претерпевал изменения и продолжает активно работать и сейчас.

В 2008 г. новым ректором академии был назначен епископ Гатчинский Амвросий (Ермаков).

В настоящее время при академии действуют четыре отделения академической магистратуры и аспирантуры, духовная семинария, регентское и иконописное отделения, факультет иностранных студентов, на которых обучаются более 600 студентов и аспирантов. В состав профессорско-преподавательской корпорации входит почти 100 членов, среди которых много профессоров и преподавателей светских вузов Санкт-Петербурга. В 2010-2011 учебном году академия полностью перешла на организацию обучения по Болонской системе, которая включает в себя четырехлетнюю бакалаврскую и двухлетнюю магистерскую программы, а также индивидуальную программу написания кандидатских диссертаций.

- ¹ Профессор Казанской духовной академии П.В.Знаменский так писал о заслугах императора Петра перед русским богословским образованием: «Первоначальное открытие духовных школ относится ко времени реформы Петра великого и составляет одну из важнейших ее услуг для православной русской церкви». *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. – СПб.: «Летний Сад», «Коло», 2001. С.5.
- ² *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года... С.5.
- ³ См. подробнее об этом: *Харламович К.В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898. 524с., LXIIс.; *Он же.* Западнорусские церковные братства и их просветительная деятельность в конце XVI и в начале XVII в. // *Христианское чтение.* 1899. Т.ССVII. Ч.1. С.372-390.
- ⁴ См. подробнее об этом: *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур, 2009. – 296 с.: ил. – (Россия и Христианский Восток. Библиотека; Вып.7).
- ⁵ *Прилежаев Е.М.* Школьное дело в России до Петра Великого и в начале XVIII века // *Странник.* 1881. Т.1. С.1-25; 195-218; 387-407. Кроме того, истории духовного образования Е.М.Прилежаев посвятил еще несколько статей: Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // *Христианское чтение.* 1877. Кн.3 и 4; Царствование Александра I в истории русской духовной школы // Там же. 1878. Кн.1 и 2; Духовная школы и семинаристы в истории русской науки и образования // Там же. 1879. Кн.7 и 8; Проекты церковно-приходских школ в царствование Екатерины II // *Странник.* 1882. №12.
- ⁶ *Прилежаев Е.М.* Школьное дело в России до Петра Великого и в начале XVIII века // *Странник.* 1881. Т.1. С.204.
- ⁷ *Прилежаев Е.М.* Школьное дело в России до Петра Великого... С.23. Вот как характеризовал Е.М.Прилежаев западную схоластику: «Главным орудием западно-русского просвещения стала та самая латинская схоластика, которая, имея краеугольным своим камнем логические сочинения Аристотеля и погрузившись в логико-грамматические тонкости, сделала христианскую науку механической игрой в умозаключения и обратила живую и цельную истину христианства в бездушную отвлеченную формальность». Там же. С.17.
- ⁸ «Московская академия вскоре сделалась настоящей колонией Киевской и точной копией своей метрополии». *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года... С.13.
- ⁹ *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн.8. Ч.1. С.390.
- ¹⁰ *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года... С.46.
- ¹¹ *Анисимов Е.В.* «Духовный регламент» // *Православная энциклопедия.* Т. XVI. М., 2007. С.433.
- ¹² *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года... С.84, 92.
- ¹³ Там же. С.91.
- ¹⁴ *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С.133-137.
- ¹⁵ *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года... С.95.
- ¹⁶ *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время... С.632.
- ¹⁷ *Архангельский А.* Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань, 1883. С.25.
- ¹⁸ *Константин (Горянов), архиепископ.* История Санкт-Петербургских Духовных школ от основания до реформы: 1721-1808 годы // *Христианское чтение.* №27. 2006. С.129.
- ¹⁹ *Чистович И.А.* История С.-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857. С.7.
- ²⁰ *Рункевич С.Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. 1713-1913: Историческое исследование. В 2-х кн. Кн.1. – СПб.: Издательство “Logos”, 2001. С.265.
- ²¹ Там же. С.268.
- ²² Там же. С. 269.
- ²³ *Прилежаев Е.* Из истории русской духовной школы в первые годы Синодального управления // *Христианское чтение.* Ч.1. 1879. Январь-февраль. – С.184.
- ²⁴ *Рункевич С.Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра... С. 271.
- ²⁵ *Чистович И.А.* История С.-Петербургской Духовной Академии... С.8.
- ²⁶ Там же. С.11.
- ²⁷ *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года... С.80-81.
- ²⁸ Там же. С.80.
- ²⁹ *Чистович И.А.* История С.-Петербургской Духовной Академии... С.11.
- ³⁰ Там же. С.11.
- ³¹ *Титлинов Б.В.* Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Его жизнь и деятельность, в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916. С.792.
- ³² Там же. С.790.
- ³³ Там же. С.792.

- ³⁴ *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории. 2001. С.588.
- ³⁵ *Титлинов Б.В.* Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский... С.834.
- ³⁶ *Константин (Горянов), архиепископ.* История Санкт-Петербургских Духовных школ от основания до реформы... С.136.
- ³⁷ *Титлинов Б.В.* Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский... С.797.
- ³⁸ *Смирнов А., прот.* Петербургский период жизни митрополита Филарета (1808-1819 гг.). М., 1894. С.7.
- ³⁹ *Чистович И.А.* История С.-Петербургской Духовной Академии... С.100.
- ⁴⁰ Там же. С.102.
- ⁴¹ Там же. С.103-104.
- ⁴² *Титлинов Б.В.* Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский... С.844.
- ⁴³ *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С.315.
- ⁴⁴ Там же. С.316.
- ⁴⁵ *Титлинов Б.В.* Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский... С.839-840.
- ⁴⁶ *Константин (Горянов), архиепископ.* История Санкт-Петербургских Духовных школ от основания до реформы... С.140.
- ⁴⁷ *Чистович И.А.* История С.-Петербургской Духовной Академии... С.144.
- ⁴⁸ *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных... С.318.
- ⁴⁹ *Надеждин А.* Историческая записка о С.-Петербургской духовной семинарии, читанная на акте, по случаю 75-летия СПб. семинарии, 4 марта 1884 г. // Христианское чтение. 1884. Ч.1. С.819.
- ⁵⁰ *Б.В.* Из истории академического образования // Церковный вестник. 1910. №29. Ст.935.
- ⁵¹ *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии... С.182.
- ⁵² Столетие С.-Петербургской Духовной Академии (1809-1909) // Церковный вестник. 1909. №7. Ст.194.
- ⁵³ Цит. по: *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии... С.183.
- ⁵⁴ *Смирнов А., прот.* Петербургский период жизни митрополита Филарета (1808-1819 гг.). М., 1894. С.19-21.
- ⁵⁵ *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии... С.181-182.
- ⁵⁶ *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814-1869 гг. (К 100-летию С.-Петербургской Духовной Академии). СПб.: Тип. И.В.Леонтьева. 1907. С.П.
- ⁵⁷ *Лепорский П., прот.* Памяти первого ректора С.-Петербургской духовной академии архимандрита Евграфа // Церковный вестник. 1909. №47. Ст.1461.
- ⁵⁸ *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных... С.326.
- ⁵⁹ Записки Ф.М.Гауеншильда // Русская старина. 1902. Кн. 2. С.252.
- ⁶⁰ *Кондаков Ю.Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2005. С.33.
- ⁶¹ *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных... С.330.
- ⁶² Из прошлого С.-Петербургской духовной академии. Известия и заметки. Сообщил Б. // Церковный вестник. 1908. №39. Ст.1229-1231.
- ⁶³ *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии... С.225.
- ⁶⁴ Там же. С.234.
- ⁶⁵ Там же. С.234.
- ⁶⁶ *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С.XXX-XXXI.
- ⁶⁷ *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии... С.237.
- ⁶⁸ *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С.XVI.
- ⁶⁹ *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894. С.47.
- ⁷⁰ *Смирнов А., прот.* Петербургский период жизни митрополита Филарета... С.69.
- ⁷¹ *Ростиславов Д.И.* Петербургская духовная академия до графа Протасова // Вестник Европы. 1872. Июль. С.226.
- ⁷² Из записок преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского // Душеполезное чтение. 1906. №12. С.470.
- ⁷³ *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С.XV.
- ⁷⁴ См.: *Никифоров В.П.* Учено-литературная деятельность Григория (Постникова), митрополита Новгородского и С.-Петербургского // Христианское чтение. 1914. №2. С.1516-1518.
- ⁷⁵ *Никанор (Бровкович), архиепископ.* Биографические матерьялы. Т.1. Одесса, 1900. С.125.
- ⁷⁶ *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С.XVI.
- ⁷⁷ См. подробнее: *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858-1888 гг.). СПб.: Синодальная типография, 1889. С.9-12; Пятидесятилетие С.Петербургской духовной академии. 17 февраля 1859 года. СПб., 1859. – 46с.
- ⁷⁸ *Филарет (Дроздов), митр.* Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. 1831-1867 гг. Ч.IV. М.: Тип. Э.Лисснер и Ю.Роман, 1884. С.167.

- ⁷⁹ *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет... С.11.
- ⁸⁰ Журналы заседаний совета СПбДА за 1889-1890 уч. год. СПб., 1894. С.131-132.
- ⁸¹ † Преосвященный Феофан как писатель-богослов // ЦВ., 1894. №4. С.51.
- ⁸² Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900. С.253. Цит. по: *Георгий (Тертышников), архимандрит.* Светильник земли русской. Жизнь и деятельность святителя Феофана Затворника // БТ. Сб. 30. М. С.175.
- ⁸³ *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С.XVIII.
- ⁸⁴ Там же. С.LXXVI-LXXVII.
- ⁸⁵ *Ростиславов Д.И.* Петербургская духовная академия до графа Протасова // Вестник Европы. 1872. №9. С.163.
- ⁸⁶ См.: *Протопопов С.В., свящ.* Протоиерей Герасим Петрович Павский (биографический очерк). СПб., 1876. – 108с.; *Копейкин Кирилл, протоиерей.* Протоиерей Герасим Павский (1787-1863): жизнь и труды // Христианское чтение. 2005. 324. С.67-95.
- ⁸⁷ См. подробнее: *Томюк А.Г.* В.Н.Карпов и русская духовно-академическая философия XIX века // Христианское чтение. 1993. №8.
- ⁸⁸ *Никифоров В.* Учено-литературная деятельность Григория (Постникова), митрополита Новгородского и С.-Петербургского // Христианское чтение. 1914. Ч.2. Дек. С.1514-1515.
- ⁸⁹ *Лопухин А.* Семидесятилетие духовно-академического журнала «Христианское Чтение». (1821-1895) // Христианское чтение. 1896. Ч.1. С.10.
- ⁹⁰ *Никифоров В.* Учено-литературная деятельность Григория (Постникова), митрополита Новгородского и С.-Петербургского // Христианское чтение. 1914. Ч.2. Дек. С.1516.
- ⁹¹ *Пономарев А., проф.* Столетие С.-Петербургской Духовной Академии (1809-1909) // Церковный вестник. 1909. №50-51. Ст.1573.
- ⁹² *Родосский А.* К истории редакции журнала «Христианское Чтение» (По поводу семидесятилетия его существования) // Христианское чтение. 1896. Ч.II. С.343-344.
- ⁹³ *Лопухин А.* Семидесятилетие духовно-академического журнала «Христианское Чтение»... С.24.
- ⁹⁴ *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С.LXXXIV.
- ⁹⁵ К столетию нашей Академии // Церковный вестник. 1909. №50-51. Ст.1581.
- ⁹⁶ Журналы заседаний совета СПбДА за 1908-1909 уч. г. СПб., 1909. С.288.
- ⁹⁷ Журналы заседаний совета СПбДА за 1909-1910 уч. г. СПб., 1910. С.325-326.
- ⁹⁸ Новый устав духовных академий // Церковный вестник. 1910. №19. Ст.564.
- ⁹⁹ С. Измененный устав духовных академий // Церковный вестник. 1911. №38. Ст.1181.
- ¹⁰⁰ *Жукович П.* Несколько мыслей о духовно-академической научно-литературной производительности // ЦВ., 1910. №34. Ст.1055.
- ¹⁰¹ ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.1. Д.3870. Л. 99.-100.Об.
- ¹⁰² *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. М., 2005. С.31-32.
- ¹⁰³ Цит. по: *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С.XIX.
- ¹⁰⁴ *Пономарев А.И., проф.* Памяти о протопресвитера И.Л.Янышева. СПб., 1910. С.2.
- ¹⁰⁵ *М.Б. Антоний*, митрополит С.-Петербургский и Ладожский. Пг., 1915. С.51-53.
- ¹⁰⁶ Все слова епископа Антония, обращенные к новопостриженным инокам см.: *Антоний (Вадковский), митрополит.* Речи, слова и поучения. Изд. третье. СПб.: Синод. тип., 1912. С.411-464.
- ¹⁰⁷ Само общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви было учреждено в 1881 г.
- ¹⁰⁸ *Н.Р-ч.* Десятилетие проповеднической деятельности духовной академии // Церковный вестник. 1897. №48. Ст.1592-1593.
- ¹⁰⁹ О первых плодах проповеднической деятельности студентов СПбДА см.: *Рункевич С.Г.* Студенты-проповедники. (Очерки петербургской религиозно-просветительной благотворительности) // Церковный вестник.1892. №1. С.6-8; №2. С.20-22; №8. С.117-119; №16. С.245-248; №17. С.259-261; №18. С.278-281; №19. С.292-294; №20. С.307-309; №21. С.325-329.
- ¹¹⁰ *Козлов И.* Собрание студентов-проповедников // Церковный вестник.1900. №39. Ст.1240.
- ¹¹¹ Проповедническое собрание. Известия и заметки. Студ.-пропов. В.Г-ский // Церковный вестник.1903. №42. – Ст.1337-1338.
- ¹¹² *Надеждин Н., студ.-проп.* Проповедническое собрание. Известия и заметки // Церковный вестник.1904. №45. – Ст. 1439.
- ¹¹³ Отчет о состоянии СПбДА за 1900 г. // Христианское чтение. 1901. Ч.1. С.366.
- ¹¹⁴ Проповедническое собрание. Известия и заметки. Студ.-пропов. В.Г-ский // Церковный вестник.1903. №42. Ст.1337-1338. См. также: Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1898 г. // Христианское чтение. 1899. Ч.1. С.503-504.
- ¹¹⁵ *Корольков И., прот.* Памяти Высокопреосвященного Антония, митрополита Петроградского и Ладожского. К., 1916. С.15.
- ¹¹⁶ Евграф Иванович Ловягин преподавал в СПбДА с 1847 г.

- ¹¹⁷ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Часть V. Назарий (Андреев) – Руфим (Троицкий). Куйбышев, 1966. С.58. См. также: Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1909 г. СПб., 1910. С.6.
- ¹¹⁸ Глубоковский Н.Н. Преосвященный Иоанн (Кратиров), бывший епископ Саратовский, ректор С.Петербургской духовной академии (1895-1899 гг.) // Христианское чтение. 1909. №3. С.434.
- ¹¹⁹ Патриарх Сергий и его духовное наследство. Сб. М.: Издание Московской Патриархии, 1947. С.24; См. также: Страж дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). Жертвенный подвиг стояния в истине Православия. Автор-сост. С.Фомин. М.: Правило веры, 2003. С.14.
- ¹²⁰ ОР РНБ. Ф.102. Оп.1. Д.14. Л.3.Об.-4.
- ¹²¹ Там же. Л.6.-6.Об.
- ¹²² Журналы заседаний совета СПбДА за 1905-1906 уч. г. СПб., 1906. С.188-189.
- ¹²³ Подробно о студенческих сходках в это время см.: Глубоковский Н.Н., проф. Сила христианского знания // Глубоковский Н.Н. Академические обеты и заветы: Из академических уроков за 1891-1918 учебные годы; Из автобиографических записок; Обращение к выпускникам, учащимся и наставникам Вологодской духовной семинарии / Сост. и общ. Ред. прот. Б.Даниленко и иером. Петра (Еремеев). – М.: Сергиев Посад; Синодальная библиотека Московского Патриархата, 2005. С.39-43; В петербургской духовной академии // Колокол. 1906. №239. 5 ноября. С.2; В петербургской духовной академии // Колокол. 1906. №241. 8 ноября. С.3; В Петербургской духовной академии // Колокол. 1906. №244. 12 ноября. С.2; Освободительные скандалчики в духовной академии // Колокол. 1906. №244. 12 ноября. С.2.
- ¹²⁴ Журналы заседаний совета СПбДА за 1905-1906 уч. г. СПб., 1906. С.102-103.
- ¹²⁵ Журналы заседаний совета СПбДА за 1907-1908 уч. г. СПб., 1908. С.186-187.
- ¹²⁶ Журналы заседаний совета СПбДА за 1910-1911 уч. г. СПб., 1911. С.19.
- ¹²⁷ Избрание нового ректора академии. В С.-Петербургской духовной академии // Церковный вестник. 1908. №15-16. Ст.455-456.
- ¹²⁸ Журналы заседаний совета СПбДА за 1908-1909 уч. г. СПб., 1909. С.288-289.
- ¹²⁹ Журналы заседаний совета СПбДА за 1902-1903 уч. год. СПб., 1903. С.243.
- ¹³⁰ Уберский И. секретарь Совета академии. От Совета С.-Петербургской духовной академии // Церковный вестник. 1903. №9. Ст.286.
- ¹³¹ Журналы заседаний совета СПбДА за 1906-1907 уч. г. СПб., 1907. С.127.
- ¹³² Там же. С.224-225.
- ¹³³ Столетний юбилей С.-Петербургской Духовной Академии // Церковный вестник. 1909. №52. Ст.1622-1625. К юбилею Совет академии получил 296 телеграмм, 131 письменных приветствия и 68 особых адресов, нередко сопровождавшихся теми или другими «приложениями» в виде икон, печатных изданий, рукописей, денежных пожертвований. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1909 г. СПб., 1910. С.14.
- ¹³⁴ Соллертинский С., проф. прот. Опыт исторической записки о состоянии СПб. Духовной Академии по случаю столетнего ее юбилея 1809-1909 г. СПб., 1910. – 100с.
- ¹³⁵ Журналы заседаний совета СПбДА за 1909-1910 уч. г. СПб., 1910. С.233-234.
- ¹³⁶ Там же. С.233.
- ¹³⁷ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. №32-33. Ст.978.
- ¹³⁸ Будущий митрополит инок Николай (Ярушевич) сразу после пострига с благословения отправился на фронт в составе санитарно-питательного отряда, состоящего в заведывании члена Государственной думы Пуришкевича. Инок-доброволец // Колокол. 1914. №2539. 19 октября. С.4.
- ¹³⁹ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. №40. Ст.1208; Духовная и церковная школа // ЦВ., 1914. №41. Ст.1241; Духовная и церковная школа // ЦВ., 1914. №44. Ст.1337.
- ¹⁴⁰ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. №32-33. Ст.978.
- ¹⁴¹ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. №37. Ст.1109.
- ¹⁴² Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. №44. Ст.1336.
- ¹⁴³ Патриотический концерт студентов Императорской Петроградской духовной академии // Церковный вестник. 1914. №50. Ст.1527-1528.
- ¹⁴⁴ Студенты духовной академии на военной службе // Колокол. 1914. №2532. 11 октября. С.4.
- ¹⁴⁵ Патриотический порыв студентов Императорской Петроградской Духовной Академии // Церковный вестник. 1914. №44. Ст.1337.
- ¹⁴⁶ Там же. Ст.1338.
- ¹⁴⁷ Там же. Ст.1338.
- ¹⁴⁸ См.: ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.1. Д.3870. Л. 1-2, 16-17, 61-63, 82-83, 94-97, 104-105
- ¹⁴⁹ Журнал собрания Совета Академии 20 марта 1917 г. №47 // ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.1. Д.3870. Л.28.Об.
- ¹⁵⁰ Там же. Л.64.Об.-65.
- ¹⁵¹ И.д.ректора академии проф. С.М.Зарин на заседании совета академии 6 октября 1917 г. сообщил о тех мерах, которые предпринимались «для осуществления подготовки имущества, прежде всего библиотечного к эвакуации. Заготовлено в академии академическим столяром 22 ящика, 92 ящика приобретено готовыми и на 500 ящиков сделан заказ. Упаковка рукописного отдела уже начата, под руководством проф. И.Е.Евсеева,

кого Совет просил и в дальнейшем иметь наблюдение за производством упаковки рукописей». ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.1. Д.3871. Л.31.

¹⁵² ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.1 Д.3906. Л.35.-37.Об.

¹⁵³ См. подробнее: *Богданова Т.А., Клементьев А.К.* Н.Н.Глубоковский и неудавшаяся попытка объединения в 1918 г. Петроградской духовной академии и Петроградского университета // Санкт-Петербургский университет. 2004. №7 (3663) (<http://journal.spbu.ru/2004/07/22.shtml>); *Сорокин В., проф.-прот.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб.: Изд-во Князь-Владимирский собор, 2005. С.186-195.

¹⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.1 Д.3906. Л.42.

¹⁵⁵ Там же. Л.49.

¹⁵⁶ Имеется в виду митрополит Антоний (Вадковский), который в период учебы будущего патриарха Тихона (Белавина) являлся ректором академии (с 1887 по 1892 гг.).

¹⁵⁷ Патриаршие дни в Петрограде // ПЦЕВ. 1918. №16. С.4.

¹⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.1 Д.3906. Л.146.

¹⁵⁹ Там же. Л.6.

¹⁶⁰ «Профессорам – 82.701 р. + 50% прибавка на дороговизну по законам военного времени – 41. 950 р. 98 оп. Студентам стипендии – 25.000р. Отопление – 50.000р. Освещение – 4.000р. Водоснабжение – 2.500р. Содержание 2-х проф. стипендиатов – 1.200 р. Учебная часть – 7.750 р. Пенсии без прибавок – 24.009р. 98коп. Низшие служащие – 10.000р. Ремонт – 15.000р. Канцелярские расходы – 1.500р. Мелочные и экстраординарные расходы – 3.500р. Больница – 1.000р. Содержание церкви – 400р.». ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.1. Д. 3907. Л.8.

¹⁶¹ ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.1. Д.3906. Л.131.

¹⁶² Там же. Л.204-208.

¹⁶³ *Богданова Т.А.* История архива С.-Петербургской духовной академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова 1828-2003. Сб. статей и публикаций, материалы конференций. СПб.: РНБ, 2003. С.151.

¹⁶⁴ *Макаровский А., проф.* Подвижник церковной науки (К 100-летию со дня рождения проф. В.В.Болотова) // Журнал Московской Патриархии. 1954. №1. С.66.

¹⁶⁵ *Бриллиантов А.И.* К характеристике ученой деятельности В.В.Болотова, как церковного историка (5 апреля 1900) // Христианское чтение. 1901. Т.ССХI. Ч.I. С.470.

¹⁶⁶ *Ширяев А.* Мемуары (Мемуары Ширяева Александра Геннадиевича, сына дьячка Ярославской губернии, окончившего в 1896 году Петербургскую Духовную Академию и получившего степень кандидата богословия). Б/г, б/д. В 2-х частях. Ч.2. С.111-112.

¹⁶⁷ «За 12 лет (1906-1918 гг.) Александром Ивановичем были подготовлены к изданию, отредактированы, снабжены предисловием четыре тома “Лекций по истории древней церкви” В.В.Болотова. Работа над изданием лекций В.В.Болотова оказалась столь долгой из-за того, что после смерти Василия Васильевича в 1900 г. единого, обработанного и подготовленного текста его лекций не было. В руках А.И. Бриллиантова были лишь предварительные записи самого Болотова, литографические издания его лекций и конспекты студентов. Именно поэтому подготовка каждого тома потребовала большой предварительной текстологической работы... Имевшиеся в руках Александра Ивановича записи были настолько разрозненными, что логическую связь и последовательную между отдельными сохранившимися кусками приходилось устанавливать за автора». *Грушевой А.Г.* А.И.Бриллиантов: история церкви и византиноведение в трудах ученого // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под. ред. И.П.Медведева. СПб., 2004. С.291. См. также: *Абышко О.Л.* Александр Иванович Бриллиантов: биографический очерк // Бриллиантов А.И. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. СПб., 2006. С.15-17.

¹⁶⁸ Журналы заседаний совета СПбДА за 1899-1900 уч. г. СПб., 1902. С.193. Весь №16 академического журнала «Церковный вестник» за 1900 г. был посвящен почившему профессору. В нем содержится 14 речей, произнесенных при отпевании Василия Васильевича архиереями, профессорами и студентами.

¹⁶⁹ *Тураев Б.* Василий Васильевич Болотов // ЖМНП. 1900. №923. С.101.

¹⁷⁰ *Богданова Т.А.* Н.Н.Глубоковский. Судьба христианского ученого. – М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. С.4.

¹⁷¹ *Петр (Еремеев), иеромонах.* Новые материалы в составе Софийского архива профессора Н.Н.Глубоковского // *Глубоковский Н.Н.* Академические обеты и заветы... С.8.

¹⁷² Соколов И.И., доцент. Иван Егорович Троицкий – «ипат византологов», его ученые труды и историческое значение // Христианское чтение. Т.1. Февраль. 1904. С.306.

¹⁷³ Вот как писал о Н.В.Покровском один из его учеников: «Это был первостепенный и даже великий ученый талант, проявлявший себя как мощная созидательная сила». *Малицкий Н.* † Проф. Н.В.Покровский и его научные заслуги // Христианское чтение. 1917. Март-июнь. С.217-237.

¹⁷⁴ *Половинкин С.М.* На изломе веков. О религиозно-философских собраниях 1901-1903 годов // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901-1903 гг.) / Общ. ред. С.М.Половинкина. М.: Республика, 2005. С.490.

- ¹⁷⁵ См. подробнее об их деятельности: Алфавитный указатель к журналам и протоколам заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб.: Синодальная типография, 1909. С.49-52, 61-69, 175-177, 187-191.
- ¹⁷⁶ См. подробнее: Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. С.254-255, 287, 303, 320-321, 366, 382, 383, 389.
- ¹⁷⁷ См.: *Сергий, архим.* О нравственности вообще (Чтение в зале общества спасения на водах 29 октября 1900 г.) // Христианское чтение. 1900. Т.СХХ. Ч.П. С.887-912.
- ¹⁷⁸ Первое богословское чтение для образованных слушателей. Известия и заметки // Церковный вестник. 1900. №44. Ст.1430-1431.
- ¹⁷⁹ Второе публичное чтение о христианской нравственности. Известия и заметки // Церковный вестник. 1900. №1460.
- ¹⁸⁰ *Сухова Н.Ю.* Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Сухова Н.Ю.* Вертоград наук духовных. Сб. статей. М., 2007. С.172.
- ¹⁸¹ *Покровский Н., проф.* Христианская археология, как самостоятельная наука в духовных академиях // Церковный вестник. 1907. №38. Ст.1223.
- ¹⁸² Отчет доцента академии В.С.Серебренникова об ученых занятиях его за границею в течение 1892/3 учебного года // Журналы заседаний совета СПбДА за 1893/4 учебный год. СПб., 1894. С.113-128.
- ¹⁸³ См.: Профессор И.С.Пальмов (К 30-летию его профессорской деятельности) // Церковный вестник. 1911. №36. Ст.1119; *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XX веке. М.: «Индрик», 2005. С.406-431.
- ¹⁸⁴ *Б.К.* Посещение Императорской СПбДА блаженнейшим патриархом Антиохийским Григорием IV // Церковный вестник. 1913. №10. Ст.308; Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. №11. Ст.337.
- ¹⁸⁵ Журналы заседаний совета СПбДА за 1910-1911 уч. г. СПб., 1911. С.234.
- ¹⁸⁶ Журналы заседаний совета СПбДА за 1900-1901 уч. г. СПб., 1901. С.233-234.
- ¹⁸⁷ См. подробнее: *Августин (Никитин), архимандрит.* Русский Археологический институт в Константинополе // Богословские труды. Сб. 27. М., 1986. С.286-287; *Сухова Н.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе и участие высшей духовной школы в его деятельности (1894-1914 гг.) // *Сухова Н.Ю.* Вертоград наук духовных. Сб. статей. М., 2007. С.237-241.
- ¹⁸⁸ *Соколов И.И., проф.* С.-Петербургская духовная академия и греческий Восток (К столетию Академии) // Церковный вестник. 1909. №49. Ст.1531-1532.
- ¹⁸⁹ *Алексий (Макринов), иеромонах.* Вклад С.-Петербургской – Ленинградской Духовной академии в развитие библистики. (Переводы Священного Писания на русский язык и библейская текстология) // Богословские труды. Сборник, посвященный 175-летию Ленинградской духовной академии. М., 1986. С.205.
- ¹⁹⁰ *Евсеев И.Е., проф.* Записка о научном издании славянского перевода Библии и проект означенного издания // Журналы заседаний совета СПбДА за 1911-1912 учебный год. СПб., 1912. С.54-76. См. также: *Зыков В., свящ.* Открытие при Императорской Петроградской духовной академии комиссии по научному изданию славянской Библии // прибавления к церковным ведомостям. 1915. №7. С.215-218.
- ¹⁹¹ Журналы заседаний совета СПбДА за 1911-1912 уч. г. СПб., 1912. С.59.
- ¹⁹² Там же. С.74.
- ¹⁹³ Журналы заседаний совета СПбДА за 1913-1914 уч. г. СПб., 1916. С.62.
- ¹⁹⁴ Научное издание славянской Библии // Церковный вестник. 1915. №5. Ст.138. Епископ Анастасий во вступительном слове отметил: «...Русский народ с самого начального момента принятия христианства получил возможность читать Библию на вполне понятном для себя языке... Сколько лиц трудились над передачей святого текста из поколения в поколение?! Прежние списки исчезали, новые создавались, ошибки исправлялись, - получился ряд редакций и изданий текста со всевозможными наслоениями и даже искажениями. И теперешнее состояние науки славянской филологии потребовало уже научного издания славянской Библии». Там же. Ст.140.
- ¹⁹⁵ Научное издание славянской Библии // Церковный вестник. 1915. №5. Ст.141-143.
- ¹⁹⁶ В Комиссии по научному изданию славянской Библии // Церковный вестник. 1915. №7. Ст.214.
- ¹⁹⁷ В Комиссии по научному изданию славянской Библии // Церковный вестник. 1915. №11-12. Ст.340. См. также: В Комиссии по научному изданию славянской Библии // Церковный вестник. 1915. №17. Ст.506-507.
- ¹⁹⁸ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. №20. Ст.606.
- ¹⁹⁹ О деятельности Комиссии см. подробнее: *Логачев К.И.* Документы Библейской Комиссии. Рукописный материал для научного издания славянского перевода Ветхого Завета // Богословские труды. Сб.13. М., 1975. С. 208-235; *Логачев К.И.* Документы Библейской Комиссии. Организация, принципы работы и деятельность Комиссии в 1915-1921 годах. // Богословские труды. Сб.14. М., 1975. С.166-255; *Дудинов П.А., доц.* Комиссия по научному изданию Славянской Библии при Петроградской Духовной Академии. Организация, деятельность, результаты // Христианское чтение. 1996. №13. С.36-72.
- ²⁰⁰ *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет... С.172-173.
- ²⁰¹ Празднование С.-Петербургской духовной академией 1500-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста // Церковный вестник. 1907. №46. Ст.1482-1483.

- ²⁰² Пономарев А., проф. Св. Иоанн Златоуст как учитель веры и благочестия и его значение в русском православном народе. (Ко дню – 1500-летия его памяти). // Церковный вестник. 1907. №46. Ст.1465-1473. Помимо этой речи проф. А.И.Пономарев в журнале «Церковный вестник» поместил еще несколько статей, посвященных памяти св. Иоанна Златоуста: Пономарев А.И., проф. Творения св. Иоанна Златоуста в русском православном народе и значение их. (Ко дню 1500-летия его памяти) // Церковный вестник. 1907. №37. Ст.1185-1188; №38. Ст.1213-1219; Пономарев А., проф. Святитель Иоанн Златоуст в церковно-народном учительстве на Руси (Ко дню 1500-летия его памяти) // Церковный вестник. 1907. №45. Ст.1435-1442; №47. Ст.1497-1502; №48. Ст.1539-1545.
- ²⁰³ Сагарда Н. Учение св. Иоанна Златоуста о Церкви. Речь в торжественном собрании СПбДА 13 ноября 1907 г., посвященном блаженной памяти св. Иоанна Златоуста // Церковный вестник. 1907. №46. Ст.1473-1482; №47. Ст.1502-1510.
- ²⁰⁴ Журналы заседаний совета СПбДА за 1907-1908 уч. г. СПб., 1908. С.93.
- ²⁰⁵ XXXV-летие «Церковного Вестника» (1875-1909) // Церковный вестник. 1909. №48. Ст.1492.
- ²⁰⁶ Духовные журналы за первое полугодие // Странник. 1901. Т.II. №9.С.428.
- ²⁰⁷ Лопухин А. Семидесятилетие духовно-академического журнала «Христианское Чтение». (1821-1895) // Христианское чтение. 1896. Ч.1. С.4.
- ²⁰⁸ К подписчикам и читателям «Церковного Вестника» от Редакции // Церковный вестник. 1915. №40-52. Ст.1211.
- ²⁰⁹ Щанов Я.Н. Макариевские премии в дореволюционной России и их возрождение в 1994-1997 // Исторический Вестник. №3-4. М.-Воронеж, 1999. С.6.
- ²¹⁰ Уберский И. Внутренняя деятельность в академии протопресвитера И.Л.Янышева // Церковный вестник, 1900. №41. Ст.1305.
- ²¹¹ См. например: Отчет о состоянии СПбДА за 1896 г. // малообеспеченных воспитанников. 1897. Ч.1. С.376.
- ²¹² Журналы заседаний совета СПбДА за 1907-1908 уч. г. СПб., 1908. С.166-167.
- ²¹³ См. подробнее о деятельности общества: Смирнов Н., прот. Двадцатипятилетие (1877-1902 г.) Общества вспомоществования недостаточным студентам С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1902.
- ²¹⁴ Журналы заседаний совета СПбДА за 1900-1901 уч. г. СПб., 1901. С.25.
- ²¹⁵ Прийма И. «Блаженны вы, плачущие сегодня с Россией...». О святителе Николае (Велимировиче) // Журнал Московской Патриархии. 1999. №7. С.57.
- ²¹⁶ Чечеза Г. Святой Николай Жичский и преподобный Иустин (Попович) как проповедники. Курс. соч. СПб.: СПбДА, 2002. С.15, 43.
- ²¹⁷ Так, проф. В.С.Серебряников отмечал на одном из заседаний академического совета, что многопредметность часто приводит к нервному переутомлению, расстройству и даже сумасшествию студентов. Журналы заседаний совета СПбДА за 1902-1903 уч. год. СПб., 1903. С.22.
- ²¹⁸ Журналы заседаний совета СПбДА за 1906-1907 уч. г. СПб., 1907. С.239-240.
- ²¹⁹ Пивоварова Н.В. Н.В.Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под. ред. И.П.Медведева. СПб., 2004. С.66-67. Подробное описание одной из таких поездок см. здесь: Студент. Археологическая экскурсия в Новгород студентов С.-Петербургской духовной академии // Церковный вестник. 1895. №27. Ст.857-860; №28. Ст.889-892; №29. Ст.920-925.
- ²²⁰ Журналы заседаний совета СПбДА за 1902-1903 уч. год. СПб., 1903. С.273. См.: Экскурсия студентов академии // Церковный вестник. 1903. №40. Ст.1261-1264; №41, Ст.1300-1303.
- ²²¹ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. №26. Ст.800.
- ²²² Отпевание и погребение А.С.Родосского. Речь ректора Вятской духовной семинарии архимандрита Василия // Церковный вестник. 1908. №25. Ст.768.
- ²²³ Бронзов А., проф. «Хороший» человек. Памяти А.П.Высокоостровского // Церковный вестник. 1912. №36. Ст.1125-1126.
- ²²⁴ Там же. Ст.1126.
- ²²⁵ Бронзов А.А., проф. Протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев. СПб., 1911. С.90-92.
- ²²⁶ В Петербургской духовной академии // Колокол. №259. 1906. 2 декабря. С.3. Богословский кружок
- ²²⁷ А.А. Студенческое Психологическое Общество при С.-Петербургской Духовной Академии // Христианское чтение. 1903. Т.ССХV. Ч.II. С.812. См. также: Отчет о состоянии СПбДА за 1900 г. // Христианское чтение. 1901. Ч.1. С.366-367.
- ²²⁸ Феофилов. Студенческое Психологическое Общество // Церковный вестник. 1904. №16. Ст.508.
- ²²⁹ К.Б. Несколько слов о современном положении оканчивающих курс в наших духовных академиях // Церковный вестник. 1891. №31. С.484. См. также: По поводу суждений о положении оканчивающих курс духовных академий // Церковный вестник. 1891. №36. С.613-615.
- ²³⁰ Молчанов Е. О назначении окончивших духовные академии на духовно-учебную службу // Церковный вестник. 1909. №35. Ст.1091.
- ²³¹ Составлено по: Именной список ректорам и инспекторам Императорских духовных академий, духовных семинарий, преподавателям Императорских духовных академий, смотрителям духовных училищ и их

помощникам, состоящим в священном сане преподавателям духовных семинарий и училищ, священнослужителям при русских церквях за границей и начальникам заграничных духовных миссий на 1916 год. Б/м, б/д. 178с., XXVІс. Однако следует учитывать, что, к сожалению, в данном справочнике не указывались преподаватели семинарий и училищ не имевшие священного сана.

²³² Журналы заседаний совета СПбДА за 1900-1901 уч. г. СПб., 1901. С.178-179.

²³³ Дар любви к академии тружеников академической науки. Известия и заметки // Церковный вестник. 1903. №20. Ст.638.

²³⁴ Сосуд избранный. История российских духовных школ 1888-1932. СПб., 1994. С.255.

²³⁵ Там же. С.257.

²³⁶ Пивоварова Н.В. Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии. Судьба коллекций // Судьбы музейных коллекций. Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2000. С.71.

²³⁷ Там же. С.71.

²³⁸ Покровский Н. В. Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной Академии: 1879-1909. СПб, 1909. С.ІІІ.

²³⁹ Покровский Н., проф. Церковная археология в С.-Петербургской Духовной Академии // Церковный вестник. 1909. №50-51. Ст.1593.

²⁴⁰ Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1912 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1913. С.49.

²⁴¹ Журналы заседаний совета СПбДА за 1909-1910 уч. г. СПб., 1910. С.68.

²⁴² Георгиевский П. Библиография: Церковно-археологический музей С.-Петербургской духовной академии 1879-1909 г. Проф. Н.В.Покровского. СПб., 1909. // Прибавления к церковным ведомостям. 1909. №49. С.2351.

²⁴³ Пивоварова Н.В. Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии. Судьба коллекций // Судьбы музейных коллекций. Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2000. С.73.

²⁴⁴ Пивоварова Н.В. Музей Санкт-Петербургской Духовной Академии: из истории спасения музейных коллекций в 1919-1922 годах... С.126-127.

²⁴⁵ Пахомов Д. Состояние здоровья воспитанников СПб. духовно-учебных заведений за 1889 и 1890 годы // Церковный вестник. 1891. №10. Ст.160.

²⁴⁶ Престольный праздник. Из жизни духовных академий – Петербургской // Церковный вестник. 1907. №27. Ст.877.

²⁴⁷ N.P. Литургия на греческом языке в С.-Петербургской духовной академии // Церковный вестник. 1895. №21. Ст.674.

²⁴⁸ В.М. К истории греческой литургии в С.-Петербургской духовной академии // Церковный вестник. 1895. №24. Ст.775.

²⁴⁹ Орлов М.И., проф.-прот. Совершение греческого богослужения, особенно литургии, в духовно-учебных заведениях. Впечатление и выводы по поводу греческой литургии, совершенной в храме СПбДА 16 февраля 1914 года // Церковный вестник. 1914. №9. Ст.265.

²⁵⁰ Сорокин В., проф. прот. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С.265-267.

²⁵¹ Бовкало А.А. Высшие Богословские курсы // Православная энциклопедия. Т.Х. М., 2005. С.109. См. также: Бовкало А.А. Высшие богословские курсы в Ленинграде // Ежегодная богословская конференция Свято-Тихоновского Православного института: Материалы. М., 2001. – С.262-270.

²⁵² Сорокин В., прот. 60-летие возрождения духовных школ в Санкт-Петербурге // Христианское чтение. 2006. №26. С.6.

²⁵³ Сорокин В., прот. 60-летие возрождения духовных школ в Санкт-Петербурге // ХЧ. 2006. №26. С.9-10.

²⁵⁴ Карпук Д.А. Празднование иконы Божией Матери «Знамение-Царскосельская» и окончание юбилейных торжеств в СПбДА // Христианское чтение. №27. 2006. С.81-82.

²⁵⁵ Торжество открытия Ленинградской духовной академии и духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. №10. 1946. С.6-16.

²⁵⁶ Фирсов С.Л. Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха гонений на Русскую православную Церковь. СПб., 2004. С.85.

²⁵⁷ Сорокин В., прот. 60-летие возрождения духовных школ в Санкт-Петербурге // Христианское чтение. 2006. №26. С.16.

²⁵⁸ Александрова Л.К. Историко-богословское наследие митрополита Григория (Чукова). Личный архив Л.К.Александровой // Цит. по: Амвросий (Ермаков), епископ. Вступительное слово // Профессора и преподаватели. 1946-1996. Биографический справочник: [биографический справочник] / сост.: О.И.Ходаковская, А.А.Бовкало. – СПб.: Издательство «Дивный остров», 2011. С.4.

²⁵⁹ См.: Шкарковский М.В. Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX – начале XXI века // Вестник церковной истории. 2008. №4. С.177-178, 186-189.

²⁶⁰ Там же. С.183.

²⁶¹ Там же. С.186.

-
- ²⁶² Архив СПбПДА. Журналы заседаний совета ЛДАиС за 1961-1962 уч.г. Д.23. Л.26, 40-41.
- ²⁶³ *Шкаровский М.В.* Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX – начале XXI века... С.183.
- ²⁶⁴ Архив СПбПДА. Журнал заседаний совета ЛДАиС 1959-1960 уч.г. Январь – Июнь. Д.21. Л.76-137.
- ²⁶⁵ Там же. Л.95.
- ²⁶⁶ *Шкаровский М.В.* Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX – начале XXI века С.172, 196.
- ²⁶⁷ Там же. С.182.
- ²⁶⁸ Архив СПбПДА. Журнал заседаний совета ЛДАиС за 1959-1960 уч.г. Январь – Июнь. Д.21. Л.29.
- ²⁶⁹ Архив СПбПДА. Журналы заседаний Совета ЛДАиС за 1962-1963 уч.г. Д.24. Л.107.
- ²⁷⁰ Архив СПбПДА. Журналы заседаний совета ЛДАиС за 1961-1962 уч.г. Д.23. Л.79-80.
- ²⁷¹ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир: К 70-летию со дня рождения // ХЧ. 1999. №18. С.20-21.
- ²⁷² *Шкаровский М.В.* Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX – начале XXI века... С.184.
- ²⁷³ *Стойков В., засл. проф. прот.* Из воспоминаний о былом. Речь на актовом дне 9 октября 2006 года, посвященном 285-летию основания и 60-летию возрождения Санкт-Петербургских Духовных школ // Христианское чтение. 2006. №27. С.153.
- ²⁷⁴ *Шкаровский М.В.* Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX – начале XXI века... С.176.
- ²⁷⁵ Там же. С.192.
- ²⁷⁶ *Шкаровский М.В.* Русская православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М., 2005. С.359.
- ²⁷⁷ Архив СПбПДА. Журналы заседаний совета ЛДАиС за 1962-1963 уч.г. Д.24. Л.243.
- ²⁷⁸ Там же. Л.243.
- ²⁷⁹ См. подробнее: *Фирсов С.Л.* Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха гонений на Русскую православную Церковь. СПб., 2004. – 288с.
- ²⁸⁰ *Фирсов С.Л.* Вступительное слово // Времена и судьбы: штрихи к истории Санкт-Петербургской Духовной академии. – СПб.: Изд-во Зимина, 2011. С.19.
- ²⁸¹ *Шкаровский М.В.* Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX – начале XXI века... С.195-196.
- ²⁸² *Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси.* «Это было самое счастливое время моей жизни». Интервью // Вода живая. 2009. №10[117]. С.26.
- ²⁸³ *Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси.* Проект с миссионерскими последствиями. Интервью // Вода живая. 2009. №9[116]. С.27.
- ²⁸⁴ Там же. С.24.
- ²⁸⁵ «Так же непросто, как в стране...» // Вода живая. 2009. №10[117]. С.30.
- ²⁸⁶ Там же. С.31.
- ²⁸⁷ Там же. С.31.
- ²⁸⁸ См. подробнее: *Шкаровский М.В.* Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX – начале XXI века // Вестник церковной истории. 2009. №1. С.259-266.
- ²⁸⁹ «Так же непросто, как в стране...» // Вода живая. 2009. №10[117]. С.31.
- ²⁹⁰ Там же. С.32.
- ²⁹¹ Там же. С.32.
- ²⁹² Там же. С.32.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

подробная информация о новоизданных книгах;
возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**